

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

А. В. Хижняк

ЛАБИРИНТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Монография

Харьков – 2014

УДК 316.647.5:303.01
ББК 60.524.251
Х 43

Рецензенты:

О. А. Даниленко – докт. социол. наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина;

Е. А. Подольская – докт. социол. наук, профессор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»;

Б. Г. Нагорный – докт. социол. наук, профессор Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля.

*Утверждено к печати решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 1 от 13.01.2014 г.)*

Хижняк А. В.

Х 43 Лабиринты толерантности : монография / А. В. Хижняк. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина. – 2014. – 160 с.
ISBN 978-966-285-091-8

В монографии раскрываются актуальные проблемы развития толерантных отношений в современном обществе: толерантность в научном дискурсе, ее сущность, функции и виды, риски толерантности в условиях глобализации, культура толерантности, толерантность в системе обеспечения прав человека, конструирование толерантного социального пространства средствами университетского образования.

Рекомендуется социологам и специалистам смежных специальностей в качестве руководства для изучения проблемных полей и перспектив толерантности/интолерантности, а также студентам гуманитарных специальностей.

**УДК 316.647.5:303.01
ББК 60.524.251**

ISBN 978-966-285-091-8

© Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина, 2014
© Хижняк А. В., 2014
© Литвинова О. А., макет обложки, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	4
Раздел 1. Толерантность в научном дискурсе.....	8
1.1. Многомерность толерантности и ее границы.....	8
1.2. Основные подходы к проблеме толерантности в социологическом знании.....	21
1.3. Личностный и институциональный аспекты толерантности.....	34
Раздел 2. Сущность и детерминанты толерантности в условиях глобализации.....	44
2.1. Толерантность: ее сущность, функции и виды.....	44
2.2. Риски толерантности в условиях глобализации.....	57
2.3. Культура толерантности и факторы, ее обуславливающие.....	68
Раздел 3. Проблемное поле и перспективы толерантности.....	82
3.1. Толерантность в системе обеспечения прав человека.....	82
3.2. Толерантность по отношению к мигрантам и ее роль в консолидации современного украинского общества.....	91
3.3. Конструирование толерантного социального пространства средствами университетского образования.....	104
Заключение.....	126
Список использованной литературы.....	136
Приложение.....	153

ВСТУПЛЕНИЕ

Дефицит толерантности в посткоммунистических странах связан с проявлениями ксенофобии, экстремизма, которые негативно влияют на социальные взаимодействия, провоцируя в социуме напряженность и конфликты. Поэтому неслучайно проблема толерантности стала ключевой в социальном и политическом дискурсе. Научная разработка темы толерантности способна содействовать разрешению многих социальных проблем современности, которые провоцируют нестабильность, конфликты в политической, религиозной и других сферах. Однако в осмыслении современной постиндустриальной реальности отсутствует однозначное понимание категории «толерантность» и границ ее применения, что осложняет процесс формирования толерантности как условия человеческого сосуществования и жизнедеятельности в поликультурной среде.

Научное обоснование требуют технологии, направленные на повышение эффективности межкультурного, межконфессионального и межэтнического диалогов. В значительной мере тему толерантности актуализируют такие явления, как усиление терроризма, распространение в современном обществе разных фобий и влияние на сознание людей устаревших стереотипов. Возрастает значение толерантности и в международных отношениях. В целом с материализацией идеи толерантности связываются надежды на выживание человечества. Известно, что 16 ноября мировым сообществом признано как Международный день толерантности, т. е. дискурс толерантности предусматривает некий приемлемый социальный стандарт, ориентированный на гуманистические ценности и солидарность человечества с ними.

Тема толерантности в современном мире активно заявлена в практической плоскости. Так, ООН по инициативе ЮНЕСКО провозгласила 1995 г. Международным годом толерантности, итогом чего стало принятие Декларации принципов толерантности. В 2001 г. началось провозглашенное ЮНЕСКО Международное десятилетие культуры, мира

и ненасилия. Принципы толерантности, как и основные права и свободы, закрепленные в законах и подзаконных актах, вписаны в международные декларации (например, Общая декларация прав человека, а также Международный пакт экономических, социальных и культурных прав). В рамках Совета Европы действует Европейская Конвенция по защите прав человека и основных свобод.

Потребность в толерантности как условии устойчивого социального развития территорий возрастает вместе с углубляющейся глобализацией, способствующей миграциям и межкультурному обмену. Глобализация заставляет мир двигаться в направлении поиска подходящих для современной цивилизации толерантных практик, научное изучение которых позволит оптимизировать социальные отношения в направлении их гуманизации. Однако в современной науке все еще отсутствует однозначное понимание категории «толерантность» и границ ее применения, что затрудняет практические действия по формированию толерантности как условия человеческого сосуществования и достойной жизни в поликультурной среде.

Необходимость оптимизации социального взаимодействия на различных уровнях в контексте толерантности актуализирована такими моментами: во-первых, дефицитом толерантности как культурной нормы и необходимостью поиска оптимальных форм социальных отношений в условиях поликультурности общества и нормативно задекларированного плюрализма во всех сферах жизни социума; во-вторых, необходимостью разработки теоретических основ социальных технологий повышения толерантности в различных сферах общественной жизни; в-третьих, потребностью в теоретико-методологическом обосновании диагностики толерантных взаимодействий между социальными группами в условиях углубления социальных неравенств; в-четвертых, необходимостью обобщения новых толерантных и интолерантных практик социальных взаимодействий с целью прогнозирования и регулирования социального поведения различных общностей, индивидов и групп.

Традиционно тема толерантности изучается преимущественно в рамках философии, психологии, педагогики, этносоциологии, социологии религии, социологии образования и др. В то же время выделение определенных проявлений толерантности и форм ее существования, определение границ толерантных практик не отвечает на ряд вопросов: почему в разные исторические периоды, в разных типах обществ обострялась проблема толерантности в четко определенных сферах общественной жизни; как соотносятся типы социального неравенства и социальной толерантности в условиях усиливающего глобального неравенства. Именно глобализация заставляет двигаться мир в направлении поисков подходящих

современной цивилизации толерантных практик, научное изучение которых позволит оптимизировать социальные взаимодействия.

На становление концепта толерантности, прежде всего, повлияли труды Дж. Локка, М. Уолцера, М. Бенза, А. Дрюзе, С. Жижека, А. Модржевски, Ю. Хабермаса, А. Лебедевой, В. Лекторского, Г. Ильинской, Д. Мутагирова, М. Смагина, В. Шалина, А. Шипилова, М. Шугурова и др., посвященные теоретико-методологическим аспектам изучения отдельных проявлений толерантности. В работах Р. Валитова, В. Золотухина, Н. Кругловой, В. Шалина и других рассматриваются различные аспекты философского понимания толерантности – этический, аксиологический и другие. Существенный вклад в научный анализ различных видов толерантного социального поведения сделали М. Алиев, А. Асмолов, В. Ачкасов, Г. Бардиер, Е. Головаха, П. Гречко, А. Грива, А. Григорян, Л. Дробижева, Н. Круглова, Д. Мутагиров, В. Петров и др.

Толерантность рассматривается не только как рациональное действие, то есть такое, что может выражаться с помощью средств мышления, – это также целостное и уникальное экзистенциальное состояние человека, которое описывается как совокупность переживаний человека с помощью средств символа, мифа, художественного образа. Поэтому неслучайно получил широкое изучение социолингвистический аспект исследования толерантности как феномена языковой картины мира (Н. Купина, А. Михайлов, Б. Хомяков и др.).

Практическим воплощением идеи толерантности в сферу социальных взаимодействий является ее использование в контексте политических отношений (П. Бавин, С. Жижек, С. Ильинская, Е. Соловьев) и педагогического воздействия (А. Перцев, Л. Ясюкова). На становление социологической концепции толерантности повлияло развитие понятий «социальная солидарность», «согласие» (Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Т. Парсонс, Ф. Теннис, К. Урсуленко и т. д.), публичная социология прав человека (М. Буравой и др.). Важные вопросы изучения проблемы толерантности и ее места в категориальном аппарате социологии представлены в работах таких ученых, как Е. Головаха, М. Мчедлов, Н. Панина, В. Паниотто, Н. Победа, А. Ручка и др. Концептуализация социальной толерантности учитывает концепции социального неравенства, которые разрабатывают А. Андреев, Н. Ковалиско, О. Куценко, С. Макеев, О. Шкаратан и др.

Проблема толерантности впервые возникла в западной цивилизации на религиозной почве, однако понятие толерантности формировалось на протяжении многих столетий и этот процесс продолжается до сегодняшнего дня. Учеными выработаны разносторонние значения термина «толерантность», однако проявления толерантности в наше время требуют новых средств его изучения на основе новых теоретико-социологических подходов.

В данной монографии представлены теоретико-методологические основы социологического изучения толерантности и рассмотрена специфика ее проявления в современном обществе:

- обобщены теоретико-методологические подходы к социологическому изучению толерантности и определена сущность и функциональное назначение социальной толерантности в современном обществе;
- выяснены институциональный и личностный аспекты толерантности;
- определены риски толерантности и факторы социальной толерантности в современном глобальном мире;
- определены место и роль толерантности в системе обеспечения прав человека;
- раскрыта роль миграционных процессов в актуализации толерантности;
- выявлена специфика конструирования толерантного социального пространства средствами университетского образования.

Эмпирическую базу исследования составили данные ряда эмпирических социологических исследований, проведенных при участии автора Научно-исследовательским институтом региональной политики Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2008–2009 гг.; материалы исследовательских проектов «Состояние процессов социокультурной и социально-психологической адаптации этнических меньшинств в г. Харьков и возможности регулирования адаптации средствами местной политики» (проект реализован в 2006 г. на социологическом факультете с участием автора; опрошено в качестве экспертов 100 мигрантов с Ближнего Востока). Автором также осуществлен вторичный анализ материалов социологического исследования «Положение студенческой молодежи Украины», проведенного Украинским институтом социальных исследований имени Александра Яременко (анкетный опрос студентов проводился в феврале-декабре 2008 г. во всех областях Украины, АР Крым и городе Киев; всего опрошено 5103 респондента), а также использованы данные Всеукраинских социологических мониторингов, проведенных Институтом социологии НАН Украины (2002–2010 гг.), и международного исследования «Европейское социальное исследование» (2007 г.).

РАЗДЕЛ 1

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Многомерность толерантности и ее границы

Изучение феномена толерантности предполагает, прежде всего, уточнения понятия «толерантность», ведь эвристические возможности этого концепта в социологическом анализе интеграционных процессов в современном обществе все еще остаются невыясненными. Во многих культурах «толерантность» является синонимом «терпимости»: лат. *tolerantia* – терпимость; англ. – *tolerance, toleration*, нем. *toleranz*, франц. *tolerance*. Известно, что методология понятийного анализа обуславливает соблюдение в ходе ввода, оценки и унификации понятий трех основных принципов: 1) учитывать эффективность определений; 2) четко разграничивать сущностный и терминологический аспекты определения; 3) принимать во внимание систему понятий, которая необходима для отражения всего многообразия явлений изучаемой области [156, с. 10–11]. Именно этот подход мы возьмем за основу уточнения понятия «толерантность».

В современной научной терминологии понятие «толерантность» обычно используется без прямого перевода, что большинством специалистов считается правильным [21]. Тем самым признается, что данное понятие имеет глубокое культурное основание. Это во многом вызывает трудности в поиске его аналогов в языковой практике народов, представляющих другие культуры, рассматривать и учитывать которые уместно даже во времена глобализации. Хотя следует отметить, что именно глобализация и заставляет мир двигаться в направлении поисков наиболее приемлемых в современной цивилизации толерантных практик. Справедливым представляется тезис: «Слово “толерантность” живет по оруэлловской схеме, только наоборот: номинация декларируется, но общественное сознание ее не атрибутировало, и поступки – как речевые, так и неречевые – далеко не всегда соответствуют принципам толерантности. Асинхронность такого рода создает неадекватную картину мира и двойные стандарты в социальных отношениях» [129].

Идея толерантности исходит из истории философской мысли. Как философская категория толерантность была сформулирована в связи с проблемой нетерпимости и первоначально воспринималась как обобщение последствий войн враждебных религиозных конфессий. Однако еще в античные времена проблема толерантности в целом отнесена к вопросам осмысления концепта страдания и судьбы, поэтому собственно толерантность не существовала на межличностном уровне как таковом. Культура тех времен не актуализировала вопрос о необходимости и границах смирения при одновременной значительной идеализации гражданских добродетелей. При этом можно констатировать многочисленные случаи проявлений как толерантности, так и интолерантности. В Средневековье толерантность понималась как «терпимость к греху» – концепция, истоки которой восходят к христианской религиозной мысли того времени. Особенность этого периода состояла в поиске универсального (рационального) определения толерантности, которое бы полностью соответствовало теологической традиции. Проблема толерантности возникала вокруг вопроса об интерпретации христианской идеи «любви к ближнему» как основы чувства смирения. Одним из отправных пунктов здесь может служить высказывание Святого Павла «*Caritas omnia tolerat*», которое относится к вопросу о толерантности (терпимости) к чужому греху и созвучно последующим размышлениям Святого Августина. В контексте развития идей толерантности в этот период следует упомянуть взгляды Н. Кузанского, который считал, что абсолютная истина недостижима для человека. В эпоху Ренессанса происходит переоценка самой сущности толерантности в контексте распространения идей гуманизма. Особое место занимают вопросы диалога между католиками и протестантами и расширения пространства использования толерантности, в т. ч. за пределами религиозного дискурса в эпоху Просвещения и Нового времени [216, р. 8–16].

С. Финкель в статье «Демократические ценности и политическая толерантность» (1999) предложил выделять такие ключевые вопросы и утверждения, что и сегодня побуждают к изучению толерантности:

1) до какого предела население готово распространять процедурные демократические свободы в отношении «непопулярных» политических группировок? Насколько распространена интолерантность?;

2) какие культурные, демографические, социальные, психологические, экономические и политические ресурсы политической толерантности и интолерантности? Действительно ли определенные сегменты/группы населения являются менее толерантными (например, с низким уровнем образования)?;

3) действительно ли население в целом становится более толерантным, чем это было раньше? Если да, то почему?;

4) проявления интолерантности концентрируются на нескольких «непопулярных» группах в обществе или они более широко распространены? Иными словами, до какой степени толерантность является «плюралистической»?;

5) действительно ли элиты более толерантны, чем низшие классы и группы? Если да, то почему? Разница в толерантности между элитой и массами увеличивается или уменьшается?;

6) существуют значительные кросс-национальные различия в толерантности. В целом это можно проследить на уровне общества или только между элитами? Как эти различия могут быть объяснены?;

7) как толерантность и интолерантность реализуются на личностном и на системном (институциональном) уровнях [221, р. 15766]?

Ю. Хабермас в статье «Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий» (2006) актуализацию темы толерантности в наши дни связывает с мировоззренческим плюрализмом и плюрализмом языковых и культурных укладов в современном мире. И с этим мнением стоит согласиться [180]. Отметим, что существует широкая трактовка толерантности как понятия, «характеризующего ряд проявлений человеческой деятельности, отношений людей, групп, прослоек и целых обществ между собой по многочисленным параметрам. Синонимами толерантности в положительном аспекте является терпимость, снисходительность, благожелательность, человеческая солидарность, уважение многокультурности, а антиподами – нетерпимость, религиозный и политический фанатизм, расизм, уродливая ксенофобия и многочисленные проявления дискриминации» [99, с. 5]. При определении сущности толерантности разные ученые обращались к интерпретации таких понятий, как толерантность и справедливость, терпимость и солидарность, толерантность и польза, толерантность и компромисс. Так, В. Лекторский предложил четыре варианта понимания толерантности [84]: 1) «толерантность как безразличие», что обуславливает существование мнений, истинность которых никогда не может быть доказана (религиозные взгляды, специфические ценности разных культур, особые этнические верования и убеждения и т. д.); 2) «толерантность как невозможность взаимопонимания», что ограничивает проявление терпимости и уважения к другому, которого понять невозможно и с которым невозможно взаимодействие; 3) «толерантность как снисхождение», что обуславливает привилегированное в сознании человека положение своей личной культуры, поэтому все остальные оцениваются как наиболее слабые: их можно терпеть, но при этом одновременно и презирать; 4) «терпимость как расширение личного опыта и критический диалог», что позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога. На этот

подход к толерантности и указывает автор в качестве желаемого для современной ситуации.

На двойной смысл понятия «толерантность» указывает С. Шайхитдинова [198], подчеркивая, что это понятие, с одной стороны, несет на себе отпечаток традиции (прежде всего, религиозной), исторического опыта, а с другой – рационализирует общественное сознание, позволяет гражданам усваивать гражданско-правовые способы разрешения проблемных ситуаций. Уместным становится анализ соотношения понятия толерантности и гражданского общества. Идея гражданского общества является частью европейской и североамериканской истории, тогда как идея общества в других условиях формировалась на иных исторических основах. Историко-культурный опыт других народов осознается данным конкретным этносом, как правило, «конструктивистски», что похоже на прививку. Логика этой позиции ведет к необходимости рассматривать проблему социальной толерантности, учитывая ее двойственную природу. С одной стороны, она связана с культурной традицией и историческим опытом, а с другой – она формируется «светской жизнью» и, чем больше в последней выражена интенция к гражданско-правовому разрешению возникающих противоречий, тем шире «диапазон» и репертуар толерантных отношений.

Толерантность – это, прежде всего, «определенная мировоззренческая и нравственно-психологическая установка личности на то, как ей принимать или не принимать различные, прежде чуждые идеи, обычаи, культуры, нормы поведения и т. п. Основная ее суть – терпимость к чужому, другому» [148, с. 54]. Нам такой подход представляется несколько упрощенным. Общепризнанным можно считать лишь то, что понятие толерантности и терпимости не тождественны [184]. Философы трактуют толерантность как «качество, характеризующее отношение к Другому человеку как к равно достойной личности и выражается в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в Другом отличное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т. д.). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с Другим, признание и уважение его права на отличие» [19, с. 75–76]. Как было отмечено выше, проблема толерантности впервые возникла в западной цивилизации именно на религиозном уровне, однако толерантность становится идеальным принципом общественного взаимодействия, необходимостью в различных сферах общества, которое теряет монолитность, однообразие и становится все более фрагментарным и плюралистическим. «Вопрос о толерантности – это, прежде всего, вопрос о том, как при глубоких различиях в положении, интересах, взглядах люди могут наладить совместную жизнь. Толерантность служит своего рода мостиком, который объединяет частное и общее, различия и единство» [24, с. 64].

Актуализации толерантности в научном знании и признанию ее в качестве глобальной проблемы современной цивилизации предшествовала определенная эволюция понимания этого социального явления, которую наиболее полно раскрыл М. Уолцер [173]. Толерантность сейчас рассматривается как культурная, социальная и личностная ценность [199], как психолого-социальный феномен [200], иногда как исключительно нравственный идеал [113] или как благо-в-себе [104]. Считается, что она является значимой ценностью гражданского общества [198]. Одно несомненно – в разные эпохи этические и общекультурные принципы определяли параметры толерантности. Толерантность стала показателем устойчивости и надежности сложно структурированной социальной системы любого уровня. К тому же в современном мире она получает политическую поддержку [149]. Следует отметить и психологическую традицию визуализации толерантности. Как психолого-социальный феномен толерантность анализируется на индивидуальном и групповом уровнях [48; 66; 198].

В последние годы тема толерантности/интолерантности в современном обществе только на постсоветском пространстве неоднократно обсуждалась на научных конференциях [167; 169], однако до сих пор дискуссионным является понятие «толерантность» и его теоретическое обоснование.

Сейчас распространен взгляд, что социальному взаимодействию присущи как толерантные, так и интолерантные человеческие отношения. В современном научном знании многомерность толерантности отображается в различном толковании этого феномена. Даже наиболее распространенные подходы вызывают сокрушительную критику. Часто толерантность понимается лишь в контексте свободы мысли, совести, вероисповедания или убеждений. Такое понимание не является полным, оно, в основном, продиктовано мировой традицией, основанной на определении, данном в «Декларации принципов толерантности» (подписана 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами-членами ЮНЕСКО), и подвергается критике со стороны ученых [219]. В этом документе записано: «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. ... Это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира» [39]. Такое определение является несколько декларативным, впрочем, оно наиболее масштабное, предполагает терпимое отношение к иным национальностям, расам, цвету кожи, полу, сексуальной ориентации, возрасту, инвалидности, языку, религии, политическим или иным мнениям, национальному или социальному происхождению, собственности и т. п.

Отметим, что учеными обычно рассматриваются трактовки термина «толерантность» [117; 153; 154], однако ощущается дефицит концептуаль-

ных разработок, касающихся социологического изучения толерантности как социального явления, а также толерантного поведения как характеристики социального поведения. Точки зрения на понятие «толерантность» обобщены Н. Победой, которая выделяет следующие трактовки толерантности: 1) модальный стоицизм – принципиальное признание того, что Другой имеет «право», иначе – «одобрение различий»; 2) нравственный идеал: «благодать толерантности как отношения»; 3) соотношение «теорий блага» (как общественно значимой основы толерантности) и прав человека; 4) «баланс суждений»; 5) временный баланс сил между конфликтующими группами и ценностями; 6) способ достижения мирного сосуществования; способ, посредством которого утверждаются другие ценности – свобода, равенство, справедливость; 7) ценности и социальная норма гражданского общества [116, с. 16].

В более широком смысле – как терпимость и уважение ко всему «другому» – понимают толерантность приверженцы социокультурного подхода (см. приложение, табл. 1). Они связывают толерантность с необходимостью просвещать общество, воспитывать терпимость и уважение, преодолевать психологические барьеры, способствующие возникновению фобий [160].

Размытость понятия «толерантность» вызывает у ученых вполне естественный вопрос методического характера: «если некое понятие объясняет слишком много, то это означает (на поверку), что оно объясняет слишком мало, чтобы не сказать – ничего» [31, с. 388]. Преодолеть эту неопределенность можно, на наш взгляд, путем уточнения соотношения толерантности с другими категориями, во взаимодействии с которыми она разворачивается и проявляется.

Рассмотрим соотношение понятий «толерантность» и «ценность». В обобщенном виде ценность трактуют по-разному, а именно: как субъективно-объективный феномен, раскрывающий универсальное взаимодействие явлений; как основу значимого отношения человека к окружающему миру, что имеет форму общих принципов; как элементы общественного сознания и культуры, выполняющие по отношению к социальному субъекту нормативные и регулирующие функции. «Традиционные ценности», которые аккумулируют накопленный человечеством социальный опыт и выступают основой социокультурной идентификации индивидов и сообществ, отражающих базовые элементы культуры, являются ее универсалиями [124, с. 80–81]. Поскольку духовная этнонациональная культура находит наиболее глубинное отражение в традиционных ценностях, влияние последних на социальную консолидацию общества через распространение толерантности становится весьма существенным моментом устойчивого и стабильного социального развития. К тому же традиционные ценности,

как правило, обладают способностью обновляться в соответствии с требованиями новых социальных практик. Восприятие толерантности зависит в обществе и сообществе от ментального программирования, которое, как известно, осуществляется в процессе социализации на уровне семьи, социального слоя, поколения, государства. При заимствовании толерантных практик не стоит отвергать традиционные ценности. Аргументом в пользу такого вывода служит тезис: «Традиционные ценности – это универсалии мировосприятия, в которых отселекционирован, передан непосредственным путем и опосредованными путями и воспринят от человека к человеку, от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулирующий в виде образцов, норм, принципов представления о достойном, лучшем, авторитетном в культуре ... Традиционные ценности зависят от менталитета этноса В них и через них человек отражает, оценивает, понимает окружающий мир, сводит к целостному мировосприятию явления действительности, соединяет прошлое, настоящее, будущее личности, сообщества, общества» [124, с. 95–96]. В процессе трансформации общества меняется содержание, структура, состав, значение ценностей, «в стабильные периоды общественного развития процесс трансформации традиционных ценностей происходит линейно, он преимущественно связан с освоением системы ценностей, которая предлагается. Для нестабильных периодов характерна нелинейная смена, в которой отсутствует заданное направление, связанное с заданной социальной адаптацией. Фаза бифуркации открывает различные варианты выбора системы ценностей: возвращение к традиционной системе, выбор новой, смешанный тип [125, с. 64]. Именно в нестабильные периоды возрастает потребность в активизации деятельности субъектов общественного развития в направлении достижения такого социального порядка, который бы обеспечивал социальную консолидацию общества на основе толерантности. Одновременно должна быть обеспечена толерантность и плюрализм в обществе во всех их проявлениях. Не случайно Ю. Хабермас указывает на то, что «плюрализм образов жизни не может быть отделен от плюрализма мировоззрений» [180, с. 53].

Важным в понимании проблемы ценностного освоения мира является замечание И. Поповой: «Анализируя ситуацию вокруг наследия Вебера, мы сталкиваемся с неоднозначностью смысла не только термина “ценность”, но и таких терминов, как “субъективное” и “объективное”. Ведь выясняется, что смысл может быть не только “субъективным”, но и “объективным”, субъективность – трансцендентальной (Э. Гуссерль), а интенциональность – “анонимной” (Х.-Г. Гадамер)» [118]. Одни исследователи доказывают, что толерантность является мировоззренческой и инструментальной ценностью [176], а другие – подчеркивают, что толерантность не является самостоятельным культурным феноменом, а конституируется суммой культурных

составляющих, прежде всего, формой государственного правления, религией, историей, экономикой, менталитетом и т. д. Более того, толерантность может проявляться как социальная реальность, но не быть осознаваемой как ценность [73]. Таким образом, ценностный аспект толерантности неоднозначно трактуется учеными. Сейчас при изучении ценностей активно используется концепция Р. Инглехарта, предложившего методику изучения глобальных сдвигов ценностной системы человечества, которые заключаются, по мнению ученого, в переходе от материалистических к постматериалистическим ценностям [55]. Начиная с 1973 г. по методике Р. Инглехарта (и ее модификациям) проводятся международные сравнительные исследования, а с 1994 г. Институтом социологии НАН Украины с привлечением этой методики разрабатывается общая типологизация ценностных ориентаций разных групп населения в украинском обществе. В наши дни доминирует представление о том, что среди демократических ценностей особое место занимает толерантность, и процесс демократизации может сделать невозможным существование так называемой «ложной толерантности» [60].

Соотношение понятий «толерантность» и «идентичность» тоже вызывает научные дискуссии [53; 74]. Эта проблема возникла в ходе поисков цивилизованных форм разрешения конфликтов между носителями различных идентификационных признаков в ситуации, когда распространяются дискриминационные практики, которые становятся угрозой общественного равновесия. Распространен взгляд, согласно которому существует связь между формированием идентичности и конфликтом, а движение к толерантности как раз и проходит через идентификационные практики, через «... оформление, осознание и отстаивание субъектом общества своей идентичности в процессе конфликтных взаимодействий» [74, с. 126]. К базовым идентификационным признакам обычно относят такие: этнические, гендерные, языковые, религиозные, семейные, политические, профессиональные, гражданские, региональные, имущественные, социокультурные. Когда формируются новые идентичности под влиянием различных общественных изменений, происходят разные по остроте проявлений столкновения носителей старых и новых идентичностей. Наличие дискриминационных практик (ограничение прав и свобод) при этом актуализирует потребность в толерантности для сохранения общественного равновесия.

Оппозиции «я – ты», «я – другие», «свой – чужой» играют определенную роль в самоидентификации индивида в обществе, который, с одной стороны, чувствует свою автономность, а с другой – входит в определенные группы, которые могут находиться в оппозиции к другим группам (так появляются оппозиции «мы – они», «наши – чужие», хотя

«мы» невозможно без «других»). При этом критерии определения групп «Мы» и «Они» являются неустоявшимися [63].

Многочисленные исследования доказали, что основой движения как к объединению, так и к противостоянию могут быть те же признаки, а именно: вероисповедание, национальный признак, идеологические предпочтения, социальное положение, профессиональный статус и др. Через идентичность вообще происходит осознание и ощущение индивидом своей обособленности от других. И неслучайно получил распространение подход, согласно которому признается следующее: «... сконструировать идентичность можно лишь в сопоставлении с “Другим”. А “Другой” выступает неотъемлемой составляющей любой одинаковости. Это значит, что конструирование идентичности включает в себя и конструирования своих Других, чья актуальность всегда зависит от непрерывного процесса истолкования и переистолкования их отличия от “нас”. Поэтому каждая историческая эпоха и каждое общество заново создает своих “других”, а их образы больше говорят об их создателе, чем о самих этих “других”» [204, с. 158].

«Свои» и «чужие» в идентификационном сознании граждан Украины в ходе общенациональных опросов (1999 г. и 2003 г.) выделялись через определение «близких», «безразличных» и «чужих» на основе самоидентификации респондентов, которым предлагался перечень таких 28 общественных групп и категорий: «первичные (родственники, друзья, соседи, коллеги по работе); региональные (жители западных, центральных, восточных и южных областей Украины); отраслевые (работники физического труда, работники умственного труда, работники государственных предприятий и учреждений, работники частных предприятий и учреждений); социоэкономические (богатые, бедные, предприниматели); социокультурные (атеисты, верующие, представители этнических меньшинств, представители сексуальных меньшинств, представители СМИ, творческая интеллигенция); политико-идеологические (сторонники капиталистического развития страны, сторонники независимого, самобытного развития страны, сторонники социалистического развития страны); властно-управленческие (депутаты Верховной Рады, депутаты местных советов, политики, управленцы)» [131, с. 305]. Украинские социологи зафиксировали сильную положительную идентификацию с бедными и верующими, а также отметили такую тенденцию: «“Чужими” для населения Украины выступают, в частности, властно-управленческие сообщества, политики, а также богатые и бизнесмены. В целом это означает, что в современном украинском социуме наблюдается двойное размежевание: первое – между бедными и богатыми, второе – между обществом и властью. Это разграничение становится особенно опасным, когда общество отождествляется с бедными, а власть – с богатыми. Тогда скрытая оппозиция указанных сообществ

может превратиться в открытое противостояние “мы – они” и даже спровоцировать открытый конфликт между ними. Поэтому обострение разграничений между “своими” и “чужими” не способствует общей солидаризации общества, оно и дальше может только увеличивать дистанцию или контрастность между ними» [131, с. 308].

Украинские социологи имеют определенные наработки в области изучения толерантности и идентичности в современном украинском обществе. Н. Панина представила развернутую картину национальной толерантности и идентичности в стране [109; 110]. Л. Рязанова исследовала влияние религиозной и конфессиональной идентичности на этнонациональную толерантность в Украине [135; 136]. Общая идентичность украинского общества должна базироваться, на наш взгляд, именно на толерантности, поскольку последняя исключает «войну всех против всех», направляет социальные взаимодействия на диалоговые формы. Не менее важна толерантность в процессе демократической консолидации общества [133].

Понятие «толерантность» дополняется понятием «толератор», под которым понимается лицо, которому присущи толерантные социальные действия, которое «терпит». Катриона МакКиннон (Catriona McKinnon) предлагает шесть базовых (essential) структурных черт толерантности, по поводу которых сегодня дискутирует большинство теоретиков. Интерпретация этих базовых качеств зависит от подхода, которого придерживается тот или иной ученый: 1) отличия: то, что толерантное, отличное от позиции толератора относительно того, что предстоит сделать, оценено, принято на веру; 2) важность: то, что толератор рассматривает как толерантное, не является тривиальным для него; 3) противопоставление: толератор опровергает и/или не принимает того, что он терпит, и де-факто склонен действовать таким образом, чтобы изменить или осуществить давление на него, чтобы оно не противодействовало; 4) сила: толератор верит в то, что он имеет силу изменять или оказывать давление на то, к чему он толерантен; 5) неопровержимое: толератор не использует свою силу; 6) требование: толерантность верна и/или целесообразна, и толерантная личность действенная и/или справедливая и/или здравомыслящая. Черты 1–4 исходят из обстоятельств/условий толерантности; есть условия, в которых возможно отделить одного из агентов как толератора от другого агента-толератора. Черты 4 и 5 относятся к контролю за верой в возможность толератора выполнять действия над тем, что он толерирует: № 4 определяет обстоятельства толерантности, а № 5 описывает реакцию толератора на это. Последний аспект толерантности в № 6 отражает раскол в истории теоретизирования о том, почему необходима толерантность [220, р. 14–17].

Существует взгляд, что толерантность относится ко всему положительному, а интолерантность – скоррелирована со всем негативным

[217]. Интолерантность и толерантность, на наш взгляд, несут в себе более весомые нагрузки, чем выступать в качестве антиподов. Между ними существует, скорее всего, диалектическая связь, предусматривающая взаимные переходы в конкретном временном пространстве, поэтому анализироваться они могут лишь в том или ином контексте. При этом нельзя не учитывать и манипулятивный потенциал концепта «толерантность» [134].

Вообще анализ научных источников по данной проблеме свидетельствует, что в отношении толерантности используется также и немало метафор: «праздная толерантность», «виртуальная» и «реальная», «позитивная толерантность», «декларативная толерантность», «пассивная толерантность» (под последней часто понимают терпимость, пытаюсь развести два понятия – толерантность и терпимость). Мотивационный компонент позволяет авторам различать «истинную» и «ложную» толерантность. «Ложная» толерантность может проявляться нерешительностью, равнодушием, цинизмом, лицемерием.

Толерантность предполагает бесконечность путей общения. Вместе с тем некритическое отношение к противоречивым событиям создает возможность ее перерождения во вседозволенность и произвол, то есть в качества, присущие насилию. Сейчас ученые признают, что плюралистический полиморфизм может способствовать укреплению толерантности в обществе, но может привести и к обратному результату. Поэтому возникает вопрос об определенном пределе (пороге, границе) толерантности. Необходимость толерантности в современном обществе вообще становится более очевидной после попытки установить ее границы, что до сих пор не имеет достаточного теоретико-методологического обоснования.

Наличие толерантных и интолерантных практик в отношениях между людьми (сообществами) и трудности их демаркации ставят проблему границы толерантности. Знаменитый тезис Ю. Хабермаса звучит так: «При любом акте толерантности должны вводиться характеристики того, что следует принимать и терпеть, и тем самым толерантность должна иметь свои ограничения» [180, с. 46]. Вопрос о том, как эти ограничения определить и обосновать, остается открытым как для ученых, так и для практиков (политиков, государственных служащих и др.). При этом Ю. Хабермас, размышляя о путях достижения общей европейской идентичности, подчеркивает необходимость дискурса привлечения, поиска взаимного принятия перспектив и учета групп интересов: «Важно отойти от убеждения, согласно которому терпимость в отношении других жизненных форм, которые признаются менее ценными, чем собственные, является границей, которая проходит между разделенным миропониманием» [181, с. 27].

Одну из первых попыток определить границу толерантности сделал Дж. Стюарт Милль. Он изучал эту тему с утилитаристских позиций:

«Все люди признаются как имеющие право на равное с ними обращение, за исключением только тех случаев, когда общественная польза требует противоположного» [цит. по: 54, с. 81].

Для К. Поппера предел (граница) толерантности инструментальна, ведь толерантность (терпимость) является тем состоянием социальной реальности, которое должно поддерживаться и воспроизводиться носителями толерантного сознания в противостоянии с теми, кто не разделяет принципов толерантности: «... во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимым к нетерпимым. Мы должны провозгласить вне закона все движения, исповедующие нетерпимость, и признать подстрекательство к нетерпимости и гонениям таким же преступлением, как подстрекательство к убийству, похищение детей или возрождение работорговли» [119, с. 329]. Необходимо учитывать и тот факт, что граница толерантности имеет как социальное, так и индивидуальное измерения [130; 183]. Мы исходим из того, что толерантность можно рассматривать на личностном и институциональном уровнях, что позволяет, опираясь на изучение особенностей регулирования толерантности на уровне личности и отдельных социальных институтов, разрабатывать соответствующие социальные технологии предотвращения негативных проявлений интолерантности. Так, В. Шнирельман, размышляя о пороге толерантности, обратился к анализу практик расизма (индивидуальных и коллективных), провел многостороннее исследование расизма, охарактеризовал его различные проявления и региональные варианты, получившие распространение в XX в.: от традиционного биологического к современному культурному расизму [219].

Толерантность играет существенную роль в социальной интеграции. З. Бауман поставил вопрос о том, как достигается единство – по сходству или различию: «Нельзя сказать, что “мы” идентичны во всех отношениях; наряду с общими особенностями между “нами” есть отличия, но сходства уменьшают, нивелируют и нейтрализуют их влияние. Аспект, в котором мы все похожи, несомненно, более существенно важен, чем все, что отделяет нас друг от друга; достаточно важен, чтобы преодолевать влияние различий, когда дело доходит до отстаивания своей позиции. Также нельзя сказать, что “они” отличаются от “нас” во всех отношениях; но они отличаются в одном, значительно более важном, чем все остальное, достаточно важном, чтобы препятствовать выработке общей позиции и сделать маловероятной настоящую солидарность независимо от общих качеств, что делают нас подобными» [9, с. 189–190]. Так ученый очерчивает границы, отделяющие «нас» от «них», эти границы легко узнаются. Во многом это является и границей толерантности.

Тема предела (границы, порога) толерантности имеет еще одну сторону, а именно: определение того, как соотносится граница толерантности

и права человека. Польский социолог Ryszard Vorbrich призывает коррелировать индивидуальное измерение толерантности с пониманием и/или реализацией прав и свобод человека. Этот ученый ставит вопрос о природе толерантности: ее природа субъективная или объективная? На примере идеи исключительной ценности «прав человека» он доказывает, что люди разных культур, скорее, имеют свое собственное (внутрикультурное) толкование сущности этого понятия, чем общепризнанную/универсальную трактовку «прав человека». Любая попытка легитимизировать и унифицировать одно понимание этого понятия будет вызывать лишь обратную реакцию защиты/протекционизма каждой (национальной) культуры. Эволюция европейских отношений (евроинтеграции) привела к установлению общих принципов понимания прав человека, тем самым пытались очертить границы толерантности, а это, в свою очередь, стимулировало процессы флуктуации. В то же время это может провоцировать ситуацию, когда границы толерантности становятся предметом для манипуляций (например, организованных нацистских группировок и др.) как в измерении национальных обществ/государственных границ (партикулярных культур), так и в измерении глобального общества (культуры универсальной) [224].

В современном обществе, для которого характерно нелинейное развитие, пределы (границы) толерантности не являются устоявшимися, они открыты. Как следствие, понимание толерантности приобретает амбивалентный характер и не сводится к однозначным функциональным определениям в духе социологических теорий модерна. Целью толерантности становится поддержка социокультурного разнообразия в той или иной социальной среде через взаимно заинтересованную коммуникацию [82]. Однако четкое определение границы толерантности вне конкретного пространства-времени становится невозможным, ведь начинает определяться качеством и результативностью социальных коммуникаций. Следует согласиться и с замечанием О. Куценко: «Процесс постмодернизации сопровождается повышенным уровнем непредсказуемости и энтропии, высвобождением символических значений мира от ценностного “якоря”» [81, с. 272]. Подвижность присутствует и в интерпретации толерантности как ценности.

Ученые дискутируют по таким вопросам, как толерантность как принцип демократических отношений; конфликтность и толерантность в демократических системах; толерантность как феномен демократической культуры и способ политического манипулирования; культура толерантности как фактор перехода к цивилизованной конфликтности [40]. Демократия тесно связана с определенным типом системы ценностей и в целом культуры, где толерантность выступает необходимой составляющей демократических процедур. Считается, что демократия вместе

с сопутствующими ей позитивными ценностями присуща в основном экономически развитым странам, то есть экономический прогресс ведет к демократии, а демократия – к толерантности. Одновременно подвергаются критике некоторые подходы к границе толерантности. Так, П. Герасименко отмечает: «Украинцев пытаются тотально заразить толерантностью, сделать их пассивными, инертными и неспособными к борьбе. Украинцы больны толерантностью. Ибо только нация, пораженная толерантностью, не способна оказать адекватное сопротивление и активно реагировать на раздражители внешнего мира. У толерантной нации граница появления реакции на явления общественной жизни настолько высока, что нередко является недостижимой вообще» [25].

Таким образом, анализ теоретических подходов к определению границ толерантности позволяет констатировать следующее. Во-первых, границы толерантности исторически изменяются, однако направленность и механизм этих изменений до конца не выяснены. Во-вторых, границы толерантности способны к расширению, но остается дискуссионным вопрос о том, какие социальные силы задействованы в этом процессе.

1.2. Основные подходы к проблеме толерантности в социологическом знании

Трудно не согласиться с мнением, что «реально социологи изучают социальные феномены», их интересует «существование тенденции к устойчивому воспроизводству социального феномена» [27, с. 12, 13]. При этом на социологическое теоретизирование по поводу толерантности влияют общие тенденции в современной социологической теории, которая требует как нового определения, так и демаркации согласно логике развития представлений о месте и роли социологии в научном знании относительно динамики и статики современного общества. Сегодня теряются четкие представления о предмете социологии, в его поисках участвует много ученых. Так, И. Валлерстайн показал, что культура социологии, к которой мы принадлежим, базируется на трех простых положениях, он назвал их аксиомами: 1) утверждение реальности социальных фактов, 2) неизбежность социальных конфликтов и 3) существование механизмов легитимации для сдерживания конфликтов. Каждое из этих положений ученый вывел из теорий трех классиков социологии (Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера) [20]. Однако, по мнению И. Валлерстайна, приведенный набор аксиом не является адекватным способом постижения социальной реальности, но становится исходным пунктом, который большинство социологов принимает без обсуждения и возражения. Именно это И. Валлерстайн

называет «культурой социологии» и считает основным наследием социологии. Пик этой «культуры социологии» уже в прошлом. Сегодня перед социологией и социологами появились новые вызовы, наряду с социальной реальностью в традиционном понимании развивается виртуальная реальность, подвижность социальных структур стала их чуть ли не главным признаком, а место, роль и структура социологического знания, профессиональное и гражданское назначение социолога вновь требуют переосмысления. Провокационно выглядит заявление И. Валлерстайна (которое мы, впрочем, вполне разделяем), что в наши дни три больших раздела XIX в. – «прошлое – настоящее», «цивилизованное – другое» и «государство – рынок – гражданское общество» – абсолютно не могут выступать в качестве интеллектуальных маркеров. Осложняют ситуацию с традиционной «культурой социологии» проблемы рациональности, творческой деятельности, феминизма, множественности сущностей социального времени и т. д. Мы разделяем взгляды И. Валлерстайна относительно будущего обществоведения, которое ученый сводит к трем перспективам, которые одновременно достижимы и желательны в XXI в.: 1) эпистемологические воссоединения так называемых двух культур – естественных и гуманитарных наук; 2) организационное воссоединение и новое распределение общественных наук; 3) признание за общественными науками центральной роли в мире знания. При таких условиях актуализируется плюрализм мировоззрений и, соответственно, востребованность толерантности.

Следует учитывать, что теоретическая концептуализация толерантности происходит в рамках междисциплинарного подхода, поэтому неуместно отвергать наработки философов, психологов, политологов, педагогов, социолингвистов и др. в области изучения, объяснения проблемы толерантности в современном мире. Например, Н. Купина, А. Михайлова, М. Хомяков разрабатывают лингвокультурологические аспекты проблемы, анализируют языковые средства выражения толерантности, проявления толерантности в языковой картине мира разных народов, в пространстве функциональных стилей языка, в межкультурной и внутренней культурной коммуникации [79; 179]. Их работы могут стать, наряду с социологическими подходами, основой разработки социальных технологий формирования, реализации и воспроизводства толерантности в разных видах социального поведения.

Мы согласны с тезисом В. Танчера об актуализации движения к междисциплинарным связям. Действительно, следует признать, что «в современных условиях традиционные дисциплинарные рамки стали узковатыми. Наметилась тенденция к преодолению границ теоретических и междисциплинарных границ. Возврат к интегральной “социальной теории” в противовес узким “социологическим теориям”. Приобретает

популярность идея И. Валлерстайна об “открытой социальной науке”, что предполагает связь, сочетание социологии со смежными дисциплинами, прежде всего, с социальной философией, психологией, политическими науками и т. д. Идеологи постмодернизма также выдвигают задачу создания гибридных социальных наук, разрушение устаревших границ и классификаций. На этом фоне едва ли не анахронизмом выглядят разделение и типологизация теорий в социологии по специализации или по уровню анализа» [158, с. 209]. Интересен тезис С. Кирдиной о том, что в самом теоретическом социологическом знании существует противостояние – методологическое и цивилизационное, которое накладывается на процесс интеграции социального знания в современность и на его общественную востребованность [61, с. 27–28]. К изучению толерантности это имеет непосредственное отношение, учитывая междисциплинарные наработки ее разностороннего изучения. В то же время собственно социологи овладевали темой толерантности постепенно. Мы различаем такие этапы изучения явления толерантности в истории социологии:

1) этап категориального поиска. Разработка понятий «социальная солидарность», «согласие» и др. (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин, Ф. Теннис и др.);

2) этап эмпирического изучения толерантности в различных сферах общественной жизни. Выделение проявлений и видов толерантности (А. Брилл, С. Григг, Г. Макклоски, Дж. Протрите, Дж. Салливан, С. Штоуффер, Е. Головаха, Н. Панина, В. Паниотто, А. Ручка и др.);

3) современные интерпретации толерантности. Осознание многомерности толерантности (М. Уолцер, Н. Победа и др.).

Выделенные этапы довольно условны, ведь категориальный поиск продолжается: следует указать на исследования М. Парашевина [112] и К. Урсуленко [174], в которых зафиксированы тенденции изменений в социальной солидарности в современном украинском обществе. Впрочем, взаимодействие солидарных и толерантных отношений остается недостаточно изученной темой. Эмпирическое изучение толерантности тоже становится более активным и распространяется на новые социальные практики. Как результат, интерпретации толерантности сегодня открытые и разноплановые.

Анализ современных интерпретаций толерантности свидетельствует о том, что концептуализация толерантности разными авторами осуществляется по-разному. Одни ученые исходят из того, что теоретизирование по поводу феномена толерантности должно происходить в двух плоскостях: в теориях модернистских и постмодернистских [82]. Другие исследователи теоретические дискурсы по поводу толерантности разделяют на традиционные и современные. Наиболее глубоко освещены клас-

сические концепции толерантности. Например, С. Ильинская выделяет следующие концепции: 1) исходную либеральную парадигму толерантности; 2) толерантность, базирующаяся на естественно-правовой концепции; 3) утилитаристскую модель толерантности [54].

Социологические теории модерна сделали исторически весомый вклад в осмысление проблемы толерантности и практическую разработку ее принципов. В частности, были выявлены причины интолерантности в обществе модерна (концепция отчуждения К. Маркса); показано, какие общественные механизмы ведут к формированию отношений толерантности в социуме (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.); предложены новые ориентиры формирования общества на принципах толерантности (концепция неэгоистичной любви П. Сорокина). Однако, как показал критический обзор социологических теорий модерна, осуществленный В. Лекторским [84], С. Ильинской [54], В. Золотухиным [49], С. Жижеком [46], А. Лебедевой [82], А. Григоряном [34], А. Мичуриным [94], В. Кемеровым и др. [166], предложенные в рамках этих моделей концептуализации и имплицитные нормы толерантного взаимодействия не соответствуют современной социальной реальности, поскольку ограничены такими присущими им свойствами, как монорациональность, евроцентризм, представление о линейном характере социального и политического развития. Это развитие в рамках указанных подходов подлежит оценке в соответствии однозначно заданного набора критериев (показателей) прогресса. Конечно, эта специфика социологических теорий модерна накладывает ограничения на их использование в условиях современного постмодернистского общества. Основной категорией этих теорий выступает общество, которое обычно трактуется как такое, что ограничено пределами современного национального государства. Это ограничение частично преодолевается в постмодернистских социологических теориях. У них к трактовкам толерантности применяются иные подходы: нелинейный, многовариантный характер социальных процессов (и сама толерантность разворачивается как нелинейный и многовариантный процесс).

При концептуализации толерантности на основе постклассической социологии так или иначе учитывается отказ «... рассматривать общество как принципиально координированную и замкнутую тотальность 1) с определенной степенью единства, 2) уравновешенной или с заметной тенденцией к равновесию, 3) что изнутри соединяется системой ценностей. ... Новая теория предполагает, что социальное положение, которое она моделирует, всегда есть неуравновешенным. Оно состоит из элементов, имеющих некоторую автономность. Этой автономности оказывается достаточно, чтобы характеризовать результат их взаимодействия как непредсказуемый и нестабильный» [101, с. 101]. Еще одной особенностью

постмодернистских моделей является фрагментация в познании. Последняя во многом «... связана с подменой социального знания нарративом, описанием социокультурных текстов, которые каждый предпочитает трактовать по-своему. Это, в свою очередь, позволяет лучше понять такую черту постмодернизма, как текучесть и неопределенность самой реальности, ее познания» [47, с. 15].

К моделям толерантности, конечно, относятся и так называемые постмодернистские модели. Считается, что они дополняют традиционные и устоявшиеся взгляды на образы толерантности. Традиционные модели исходят из предпосылки наличия фундаментальных ценностей общества, а постмодерн – несколько другой, ведь в нем признается коррозия этих самых ценностей. Может показаться, что постмодернистские модели направлены исключительно на выявление негативно-деструктивных функций толерантности. Но эти модели пытаются приближаться к меняющемуся и турбулентному миру, к подвижной реальности, в которой толерантность присутствует в различных красках и проекциях. М. Шугуров видит ценность постмодернистских моделей в том, что они становятся более адекватными в средах неформальных, маргинальных, выстроенных по весьма динамичным сценариям, а не согласно строго фиксированным законам. В них маргинальная толерантность становится «прибежищем от агрессивности и тотальности» традиционных ценностей [203, с. 140].

Среди первых социологических эмпирических поисков, посвященных проблеме толерантности, следует отметить исследование С. Штоуффера, которое обнародовано под названием «Коммунизм, конформизм и гражданские права» (1954). По результатам этого исследования был сделан вывод, что большинство граждан США не разделяют мнения о предоставлении права коммунистам делать публичные выступления, заявления, преподавать в школах или колледжах, даже работать клерком в магазине и не желают предоставлять гражданство тем, кто разделяет эти взгляды и, соответственно, лишать гражданства тех, кто начинает исповедовать эту идеологию и др. Среди других обращают на себя внимание работы С. Григг, Дж. Протри «Фундаментальные принципы демократии» (1960) и Г. Макклоски «Консенсус и идеология в американской политике» (1964), которые показали разницу в отношении к группам людей левого направления среди представителей с высшим образованием и более активных по сравнению с рядовыми гражданами. Научный потенциал этих ученых в дальнейшем использовался в обосновании тезиса, что при отсутствии утвержденных принципов толерантности в массовом сознании граждан наличие образованной элиты может создать условия для развития и утверждения демократических институтов и со временем повлиять на массовое сознание. К. Нунн в 1970 г. провел сравнительное исследование

с работой С. Штоуффера (1950) и пришел к выводу, что толерантность американцев в признании основных гражданских прав для групп населения, придерживающихся левого направления, изменилась в сторону расширения этих прав и более толерантного отношения к представителям таких групп. В первую очередь, исследователь связывал это с улучшением системы образования и демографическими изменениями. В 1979 г. Дж. Салливан обнародовал результаты своих исследований под названием «Альтернативная концептуализация политической толерантности: иллюзорное улучшение», где с помощью использования новой двухшаговой техники постановки вопросов установил, что рост толерантности за 20 лет с 1950 по 1970 гг. не столь значительный, как указывал К. Нунн, и носит скорее латентный характер, что проявляется в поддержке идеи отрицания предоставления одинаковых политических прав группам правого толка, однако у большинства населения не было конкретных групп, на которые следует распространять эти взгляды. Среди других исследователей отмечают Дж. Гибсона, П. Амбарсона, Дж. Мюллера П. Снайдермана, С. Финкеля и др. [221, р. 15767–15769].

Критический обзор научной дискуссии об определении понятия «толерантность» и измерении толерантности приводит нас к следующим выводам: во-первых, это понятие является многомерным, а во-вторых, теоретическое измерение толерантности должно быть проблемно ориентированным. Для ответа на вопрос, почему и как многомерность толерантности становится сейчас социологической проблемой, очертим круг вопросов, которые возникают при попытке социолога идентифицировать ту или иную социальную проблему и определиться с теорией и методологией ее изучения средствами социологической науки.

Известно, что «понятие социальной проблемы имеет свою историю в социологии, оно по-разному определяется в рамках различных направлений и при надлежащем использовании может быть весьма полезным аналитическим средством» [213, с 8]. Воспользуемся классификацией социологических подходов к социальным проблемам, предложенной И. Ясавеевым, который условно разделил эти подходы на две группы: традиционные и альтернативные. Традиционные социологические подходы к социальным проблемам, такие как критическое направление (марксистский подход), подходы социальной патологии, социальной дезорганизации и функционалистский, выходят из объективизма, то есть социальные проблемы рассматриваются в качестве объективно существующих дисфункций, противоречий, патологических и дезорганизованных состояний. Альтернативными считаются интеракционистский подход, при котором социальные проблемы считаются следствием общественной реакции, и конструктивистский подход, при котором социальные проблемы

«конструируются индивидами или группами, которые привлекают внимание общественности к тем или иным предполагаемым условиям и выступают с требованиями к их изменению» [213, с. 53]. В арсенале современных социологов, изучающих толерантные/интолерантные социальные взаимодействия, как показывает анализ научных источников, широко представлены как традиционные, так и альтернативные подходы к этой социальной проблеме:

1. Толерантность/интолерантность с точки зрения социальной патологии. Такой подход разделяют ученые, которые пропагандируют «культуру мира». Так, Х. Рарот определял толерантность как потенциальное средство достижения мира во всем мире [123].

Толерантность на пересечении вопросов воинственности и миролюбия определена В. В. Серебрянниковым. Он впервые с социологической точки зрения проанализировал два противоположных качества человека – воинственность и миролюбие, тенденции их взаимодействия в XX в. и начале XXI в. [143; 144]. Заслуживает внимания мнение этого автора о том, что миролюбие, как и воинственность, – это качество, которое социально формируется, культивируется и подавляется социальными средствами. Добавим, что одним из этих средств выступает толерантность. В поисках причин естественного миролюбия автор обращается к антропологическим теоретическим конструкциям и заключает: «В воинственности людей и в сущности войны есть элементы и биологические, но они взаимодействуют с политикой и не являются главными». И далее: «Познание мира существенно отстает по сравнению с познанием войны» [144, с. 35, 249].

С миролюбием связывает толерантность Бетти Э. Ризрдон [13] и другие исследователи.

Мы считаем целесообразным исходить из того, что толерантность сейчас разворачивается в условиях, когда, по словам С. Жижека, «... глобальное чрезвычайное положение в борьбе против терроризма легитимирует все более и более широкую приостановку законных и иных прав. ... Сама разница между состоянием войны и состоянием мира размыта, мы вступаем во время, когда само состояние мира одновременно может быть чрезвычайным положением» [45, с. 120–121]. Факт того, что политические и военные рычаги сосредоточены в руках все меньшего числа людей, как никогда актуализирует толерантность, делая ее более насущной и необходимой. Теория политики сама по себе не способна решить политические проблемы реального мира. И хотя защитники толерантности имеют убедительные аргументы, чтобы доказать, почему мы должны быть толерантными, а также реальное понимание цены ее внедрения, которую нужно будет заплатить за реализацию этих аргументов, нет никакой надежды на то, что проблемы реального мира будут решаться только

с позиций рациональности и аргументированности, а не собственно с позиций силы. Но, по крайней мере, справедливым является то, что сторонники демократического устройства скорее отдадут предпочтение мирным дебатам, чем использованию меча [220, р. 97–98].

В некоторых случаях толерантность необходима еще и потому, что ее альтернативой является война, а война слишком затратна – во всех смыслах – как способ ведения переговоров.

С этой точки зрения толерантность является практической стратегией, чтобы быть принятой умным и интеллигентным человеком, который понимает, что попытка подстроить всех остальных под свои стандарты может не увенчаться успехом. Из этого следует, что толерантный человек здравомыслящий. Альтернативная интерпретация подразумевает, что толерантность является морально необходимым качеством: толерантная личность добродетельная и/или толерантное состояние является справедливым. Эти взгляды лежат в плоскости понимания толерантности как морально оправданной и необходимой. Эти два взгляда на толерантность могут использоваться и пониматься в тандеме [220, р. 35–96].

2. Толерантность/интолерантность с точки зрения социальной дезорганизации. Концепции социальной и индивидуальной дезорганизации широко представлены в социологической науке благодаря трудам Ч. Кули, У. Томаса и Ф. Знавецкого, Р. Парка, Э. Берджеса, Р. Маккензи, Р. Кейвена, Г. Маккея и др. Однако эти авторы специально не исследовали проблему толерантности. Тем не менее, несмотря на критику, которая раздается в адрес подхода социальной дезорганизации, следует отметить, что нарушение конститутивного порядка событий так или иначе обостряет социальные отношения, трансформирует социальные процессы и усиливает неопределенность, конфликтность. Это может стать основой для распространения интолерантных практик.

В качестве основы социального порядка в социологической традиции рассматривается социальная солидарность. Основные этапы развития понятия «социальная солидарность» в классической и современной отечественной и зарубежной социологии проанализированы К. Урсуленко, которая отмечает, что в отличие от социального порядка, социальная солидарность «определяется не нестабильностью и упорядоченностью, а единством, интегрированностью» [174, с. 149]. Сосуществование социальной солидарности и социальной толерантности в открытом демократическом обществе может быть достаточно органичным и эффективным в плане достижения уравновешенности, сбалансированности социальных отношений, определенной стабильности.

Толерантность и конфликтность – эта тема исследуется через изучение толерантного поведения в ситуации конфликта и определения

путей, методов, исторического опыта урегулирования конфликтов [40]. Наиболее перспективным и действенным, как свидетельствуют многочисленные исследования, оказывается социальный диалог. В то же время роль диалоговых взаимодействий в формировании толерантности до конца не определена: одни ученые признают диалог как основу толерантности и разрабатывают даже соответствующие тренинги, способствующие обучению диалога [2], а другие рассматривают толерантность как основу культуры социального диалога, способного привести к компромиссу, как взаимоприемлемого решения в интересах личности, социальной группы, социума [23, с. 43–46; 218, р. 53–56]. Речь идет, прежде всего, о том, что при определенных условиях и соблюдении принципов толерантности, социальный диалог становится наиболее результативным, эффективным.

3. Толерантность/интолерантность с точки зрения функционалистского подхода. При этом подходе к толерантности как социальной проблеме задача социолога заключается в выявлении условий и видов толерантного поведения, а также факторов, которые препятствуют распространению толерантности, приводят к дисфункциям, даже конфликтам на почве неприятия отличных мировоззрений, взглядов, образцов поведения. В данном случае интерес представляют типы индивидуальных приспособлений, выделенные Р. Мертоном, и возможности их применения для диагностики толерантного поведения по отношению к «Другому».

Толерантность вообще актуализируется там, где определены «Мы» и «Другие». Известно, что понятие «Мы» существует при определенных условиях: во-первых, при наличии осознания того, что никого не бросают и никем не жертвуют во имя сообщества, во-вторых, при наличии способности создавать в рамках сообщества «Мы» сеть прямого и неформального общения (социальной коммуникации). Если признать, что социальные различия провоцируют интолерантность, а социальные неравенства ее воспроизводят, то возникает вопрос о соотношении различий понятий толерантности/интолерантности. Различия антагонистического характера и различия-противоположности по-разному воспринимаются в толерантном сознании. Ведь именно осознание различий создает дистанцию между «Моим» и «Другим». Чтобы эта дистанция стала (или оставалась) толерантной, необходимы определенные условия. Среди них особое место занимают заинтересованность в согласии с «Другим», шаги навстречу «Другому» и признание за ним определенных прав, ориентированность на определенные уступки ради реализации специфических прав «Других». Социальные неравенства при этом провоцируют интолерантность, ведь они способны (при их осознании) нарушать баланс прав и свобод.

По отношению к понятию «толерантность» подходящим представляется следующее замечание А. Гофмана: «... Как социологи мы всегда

должны стремиться к максимально ясным и точным вопросам и ответам относительно того, кто, кому, когда, в чем, почему и ради чего должны быть равными или неравными» [30, с. 26]. Моральное измерение толерантности предусматривает, что моральный выбор каждого индивида должен быть согласованным с общечеловеческими ценностями гуманизма. Однако остается открытым вопрос о том, какая допускается степень терпимости к социальной несправедливости, которые провоцируют, поддерживают и воспроизводят социальные неравенства в обществе.

Обычно неравенства в обществе разделяют на справедливые и несправедливые, нормальные и избыточные. Причем, граница, разделяющая эти виды неравенств, неодинакова для обществ, которые различаются по уровню социально-экономического развития и типам ментальности. Кроме того, очевидным является тот факт, что измерению поддаются не все аспекты неравенств, поэтому существует некоторая неопределенность в вопросе о том, что считать нормальным в неравенствах, а что – нет. Выдвинем предположение о том, что различные виды социального неравенства побуждают разные проявления толерантности/интолерантности. За основу типологии социального неравенства возьмем следующие ее виды: нормальная, избыточная и критическая. В условиях рыночных отношений распространен взгляд о социальной оправданности неравенства как антипода «уравниловки». Если нормальное неравенство отождествляется в общественном сознании со справедливым, оно, как правило, способствует толерантности в отношениях индивидов и групп друг к другу в вопросах, которые их разделяют. Избыточное неравенство уже способно актуализировать вопрос толерантности, а при критическом неравенстве вообще возникает потребность в толерантности как противодействии угрозы раскола общества, его стабильности и устойчивого развития.

Остается открытым вопрос о том, какая допускается степень терпимости к социальной несправедливости, которую провоцирует, поддерживает и воспроизводит социальное неравенство в обществе.

4. Толерантность/интолерантность с точки зрения интеракционистского подхода. Интеракционистский подход считается альтернативным подходом к социальной проблеме, в т. ч. к проблеме толерантности. В данном случае толерантность может рассматриваться как следствие общественной реакции на некоторые действия индивидов и групп, возможно, даже как следствие осуществления по отношению к ним социального контроля. Интолерантные индивиды и группы при этом могут стигматизироваться и восприниматься через различные средства социальной коммуникации как аномальные, девиантные, недопустимые (например, в определенном социальном контексте это могут быть сепаратисты и террористы, сексуальные меньшинства, больные СПИДом или носители ВИЧ-инфекции и др.).

5. Толерантность/интолерантность с точки зрения конструктивистского подхода. Этот подход исходит из фундаментальных представлений о социологическом познании. Интересные размышления по этому поводу В. Тарасенко, который указывает, что социология вообще «... возможна только как единство эмпирического исследования и умозрительного познания, как социальная ... наука об “угадываемой” реальности. Она непосредственно исследует объекты общественной реальности, которые “скрывают” в себе проявления реальности социальной, которую социология может познавать только умозрительно. Для этого она конструирует тематические формы (“образы”) последней, объективизирует их, отождествляя с реальными формами. Итак, исследуя реальный мир (общественные явления и процессы), социология умозрительно создает гипотетический социальный мир, который она же представляет себе и обществу как мир объективных и субъективных сущностей. Только так и возможно социологическое познание – исследование исходит из признания объективности существования социального мира и его познаваемости через тематические формы. В свете этого конструктивизм является фундаментальным свойством социологии как особой социальной науки» [159, с. 68]. Еще П. Сорокин, рассуждая об элементарных формах социальной жизни, которыми оперирует социолог, писал, что «сами категории социальных форм, элементарных или неэлементарных, становятся чисто относительными, условными» [150, с. 29]. При конструктивистском подходе это срабатывает в полной мере.

Социально-конструктивистская парадигма в социальном знании признается в качестве альтернативы традиционной методологии [146]. Конструктивистский подход к проблеме толерантности предполагает четкое и последовательное определение толерантности как риторики, деятельности по выдвижению утверждений требовательного характера относительно условий и правил отношения к «Другому», «Чужому». Этот подход предусматривает учет процессуальной природы толерантности, что позволяет изучать толерантные и интолерантные проявления в условиях трансформационных социальных сдвигов. Конструктивизм все чаще рассматривается как технология конструирования социальных проблем. Мы считаем, что этот теоретический подход является эвристическим для распространения толерантности в обществе и его отдельных сегментах.

Известно, что различные социумы по-разному двигались по направлению к толерантности. Как социокультурная реальность она первоначально возникла в Западной Европе, где собственно разрабатывались и первые концепции толерантности (как религиозная, так и секулярная). Можно согласиться с Н. Кругловой, которая сравнивает путь к толерантности постсоветских стран (в частности, России) и западных. Опреде-

ляется такая специфика освоения толерантности на постсоветском пространстве: от толерантности как законодательно сложившейся установки государства к признанию толерантности как общественной ценности и важного качества личности, т. е. от декларативной толерантности к освоению культуры толерантных отношений на разных уровнях через различные механизмы [74, с. 133].

Актуализация темы толерантности в наши дни происходит на волне роста интереса социологов к проблеме социальной интеграции. Высказывается вполне логичная мысль о трех главных теоретических подходах к пониманию толерантности: 1) с позиций скептицизма (релятивизм, прагматизм, эпистемологический скептицизм); 2) с позиций плюрализма; 3) с позиций причинности/рациональности (в контексте либерального дискурса решения проблем современного мира) [220, р. 35–96]. Ученые, занимающиеся проблемой толерантности, признают, что социологическое изучение этого явления в современном обществе затрудняется тем, что в постиндустриальную, постмодернистскую эпоху трансформация общества приобретает иной характер. Меняются представления о социологической теории, где сейчас присутствуют многочисленные методологии, дискурсы, различные сферы исследований, которые, как в случае изучения толерантных практик, переводят социолога в междисциплинарное поле. Появляются новые направления, теории и методы анализа социальных систем.

Так, А. Давыдов выход из кризиса социологии видит в развитии новой системной социологии, которая имеет онтологические, гносеологические и практические преимущества, ведь социальные явления и процессы являются системами [37]. Представление об обществе как системе институтов подвергается критике на том основании, что социально-историческая реальность превращается в «... эфемерную, нестабильную, такую, что описывается постмодернистским принципом *anything goes*. ... В эпоху Постмодерна сущность человека отчуждается уже не в социальную, а в виртуальную реальность» [51, с. 19–20]. Поскольку в этой виртуальной реальности человек имеет дело преимущественно не с вещами, а с симуляциями, то и регулирование социальных отношений идет по другим сценариям по сравнению с индустриальным обществом. Переживаемый ныне институциональный кризис как раз и подтверждает это.

Данные рассуждения подталкивают к необходимости исследования социальных механизмов формирования толерантного сознания и толерантного социального поведения. Развитие виртуальной реальности в данном случае сказывается на конструировании социального толерантного пространства [126], а сетевой подход представляется нам наиболее целесообразным при изучении социальной толерантности, поскольку позволяет учитывать коммуникативные аспекты толерантных отношений. Сетевой

подход оказывается продуктивным при исследовании таких проявлений интолерантности, как радикальные формы гражданской активности, терроризм, война, преступность [94]. Сетевой подход имеет широкое поле применения при признании того, что современное общество развивается как сетевое. И. Пригожин отмечает, что «никто не планировал сетевое общество и взрыв информации, это выдающийся случай стихийного возникновения новых форм общества. ... Сетевое общество, конечно, структура неравновесная, возникающая вследствие недавних процессов в информационной технике. Поэтому вопрос такой: что несет это общество? Приведет ли сетевое общество к некоторым формам объединения человечества? Такой вывод совершенно не очевиден» [121, с. 25]. Большинство ученых признает, что общество является открытой и нелинейной системой, и эта нелинейность повышается с увеличением его размеров, а действия одного субъекта влияют на поведение другого. Поэтому так актуальной становится толерантная социальная сеть. М. Кастельс справедливо утверждает, что «принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим выступает важным источником власти и изменений в нашем обществе» [57, с. 494]. Однако при изучении толерантных социальных сетей целесообразно, на наш взгляд, учитывать такую специфику сетевого анализа: он «... является формальным количественным методом, делает выделение структур, за которыми стоит живое взаимодействие людей, и тем самым освещает реляционную природу процессов, происходящих в обществе. Особую познавательную ценность этот метод имеет в исследованиях объектов, для которых взаимодействие с другими объектами, переговоры, достижение консенсуса и другие такого рода процессы являются необходимыми элементами их становления и функционирования» [29, с. 175].

Рассмотрим особенности формирования толерантной социальной сети на личностном уровне. Толерантную социальную сеть мы определяем как такую форму социальной интеграции, которая построена на принципах толерантности и использует преимущества сетевого взаимодействия. Важно не просто вывести дефиницию «толерантная социальная сеть», но и выделить конкретные уровни (ступени) толерантности к «чужому», «другому» и его носителям. В исследованиях выделяют различные уровни, например, следующие: 1) активное обсуждение, требование применения к «другому» репрессивных мер; 2) обсуждение, требование отчаянной идейной борьбы, разоблачения, общественного запрета «чужого», но без применения репрессивных мер; 3) равнодушное отношение к «чужому», «другому»; 4) невосприятие «чужого», но уважительное отношение к нему и к его носителям; 5) практическое уважение к «чужому», «другому», борьба за то, чтобы они не отторгались от общества, имели полное право быть в нем достойно представленными [148, с. 54–55].

Для толерантной социальной сети, на наш взгляд, характерны следующие черты: а) эффективность благодаря созданию взаимного доверия и единой идентичности; б) высокая степень сетевой объединенности; в) наличие устоявшихся каналов коммуникации; г) взаимная ответственность участников сети за соблюдение принципов толерантности [194]. Сеть возникла и развивается преимущественно как технический феномен новых коммуникационных технологий, но последние трансформируют институты и практики современного общества, в т. ч. способные расширять толерантные социальные сети на основе соответствующих толерантно настроенных социальных коммуникаций. Не случайно ученые указывают на то, что «сетевая коммуникация имеет ряд особенностей и качеств, которые отличают ее от других типов коммуникации. Как и в любой сети, основное качество коммуникационной сети – многоканальность, высокая плотность логистических путей перемещения информации» [100, с. 63]. Сетевая коммуникация более пригодна для непрерывных диалоговых взаимодействий, которые могут способствовать осведомленности о «Другом» и тем самым распространяют толерантность на социальные отношения.

В условиях глобализации безграничные возможности открывают сети доверия в различных сферах общественной жизни (в политике, экономике и др.) [142]. Включение индивида в толерантную социальную сеть становится ключевым в формировании его толерантного социального поведения. А сама толерантная личность начинает рассматриваться как ценность для любого общества, хотя признается, что культивирование такой личности требует определенных социализирующих усилий, а также времени и свободы [74, с. 126].

1.3. Личностный и институциональный аспекты толерантности

Соотношение институционального и личностного уровней толерантности в разных социально-исторических практиках может складываться по-разному. Так, ученые отмечают несколько форм толерантности: 1) законодательно оформленная установка государства; 2) признанная общественная ценность; 3) качество личности. Причем этапы усвоения толерантности могут колебаться между этими формами в различных социумах. Например, «толерантность как социокультурная реальность была востребована в Западной Европе “снизу” и завоевывалась в ходе мощных культурных и религиозных трансформаций (Возрождение, Реформация, Просвещение), она была поддержана интеллектуальной элитой и народными движениями. Первым достижением в этой борьбе стала веротерпимость, которая

служила стимулом поступательного движения к новым видам толерантности (политической, расовой, этнической, сексуальной и т. п.). Благодаря усилиям интеллектуальных лидеров этой эпохи был сформирован сам концепт толерантности» [73]. Этапы усвоения толерантности в Европе и в постсоветских странах различны не только по их продолжительности, созреванию, но и по последовательности: в Западной Европе движение к толерантности проходило «снизу», а в постсоветских странах – «сверху». Но цель в обоих случаях достигалась одна – социальная интеграция в условиях поликультурного общества.

В. Кувакин фундаментальным для индивида считает необходимость «... научиться видеть и действовать в мире как соединении всех действительностей, в мире ... “четырёхмерном”, т. е. в измерении (1) того, что есть, (2) того, чего нет, (3) того, что неизвестно и (4) в собственно в человеческом измерении. И все это ради нахождения, открытия и прорыва в настоящий и плюралистический мир, который предоставляет для людей невероятные возможности» [77, с. 9]. Само пребывание во всех этих мирах способствует, на наш взгляд, формированию толерантной личности, открытой влиянию окружающей среды, требующей согласованных действий. Обобщая наработки психологов и социологов, изучавших проявления толерантности на личностном уровне, к характеристикам толерантной личности можно отнести такие:

- готовность к восприятию других взглядов;
- способность идти на цивилизованный компромисс;
- готовность допускать наличие различных мнений;
- попытки согласовывать позиции на основе справедливости, закона и прав человека на свое усмотрение;
- ненавязывание единых стандартов;
- навыки решать противоречия открыто, конструктивно и позитивно;
- сохранение чувства меры; уравновешенность;
- нахождение в состоянии конкуренции не лишает представления об ограничениях этического характера;
- совершение поступков по позитивному сценарию;
- некультивирование образа врага;
- противостояние любым проявлениям ксенофобии;
- неделение общества на победителей и побежденных и др.

Существуют различные попытки типологизировать толерантность на уровне личности. Например, в составе личностной толерантности предлагается выделять 1) толерантность типа «А» – это природная толерантность, которую характеризуют открытость, доверчивость, любознательность, присущие малому ребенку и не ассоциирующиеся с качествами его «Я»; это естественное и безусловное принятие других людей; 2) толерант-

ность типа «Б» – это искусственная толерантность, которую характеризуют терпение, терпимость, ассоциирующиеся с «внешним Я» человека. «Толерантная личность» в данном случае пытается сдерживать агрессию, используя механизмы психологической защиты, протекции, рационализации и т. д. Но сохраняется собственная нетерпимость, невысказанное несогласие. Это условная, частичная толерантность; 3) толерантность типа «В» – это нравственная толерантность, выражающаяся в принятии «другого», доверии, она ассоциируется с «внутренним Я» человека, предусматривает взаимодействие с «другими» на основе диалога [107]. Фактически данная типология толерантности отражает этапы становления социальной толерантности в сочетании этапов жизненного цикла личности и влияния социального окружения на развитие его компетенций, включая толерантность. Неубедительным представляется тезис о естественном влечении индивида к толерантности. Скорее речь идет о биологических механизмах, на основе которых может быть воспитана и социализирована толерантная личность.

Сейчас учеными признается необходимость включения толерантности как обязательного компонента в социальную компетентность личности [68, с. 155], т. е. толерантности можно обучать целенаправленно. Следует также согласиться с Ч. Х. Кули о том, что гнев и враждебность (а они провоцируют интолерантность) необходимы в жизни каждого человека, потому что эти чувства выполняют функцию активизации энергии сопротивления, усиливают эмоциональную мотивацию, направленную на самосохранение или развитие [цит. по: 35, с. 196]. Поскольку, по Ч. Х. Кули, человеческая природа становится источником негативных изменений в обществе, формирование толерантности становится общественно значимой задачей [35].

Считается, что Гордон У. Олпорт заложил методологические основы изучения толерантности как психологического феномена. Особая заслуга этого ученого заключается в выделении основных черт, присущих толерантной личности. По этим качествам можно диагностировать как толерантную, так и интолерантную личность: знание самого себя; чувство защищенности; ответственность; признание мира многомерным, многокрасочным; приверженность к свободе и демократическому устройству общества; способность к эмпатии, т. е. к социальной чувствительности; ориентация на себя, а не на принадлежность к общественным институтам; приверженность порядку в целях, мыслях, ценностях [106]. В дальнейшем исследования (прежде всего, психологов) зафиксировали у двух типов личностей – толерантной и интолерантной – значительные различия в идентификационных процессах, в их конкретных выборах и действиях. Такой теоретический вывод, на наш взгляд, неизбежно влияет на обосно-

вание гибких, индивидуализированных систем воспитания и обучения и требует преобразований в системе образования, в частности, университетском (этот аспект темы мы рассмотрим в разделе 3.3 монографии).

Е. Белинская [11] показала плодотворность эмпирического исследования толерантности посредством изучения персональных структур ценностей личности с точки зрения «отражения в них оснований для толерантного взаимодействия». Ее методика основана на «теории универсального содержания и структуры ценностей» Ш. Шварца. Последний выделил десять различных мотивационных типов, которые образуются определенными ценностями личности и включают в себя: 1) ценности, выражающие интересы индивида (например, «власть», «достижения», «гедонизм»); 2) ценности, выражающие интересы группы («традиции», «конформизм»); 3) ценности, выражающие и интересы индивида, и интересы группы («безопасность», универсализм»). Исследование доказало несовместимость и противоречивость мотивационных типов и, соответственно, ценностей личности, что приводит к противоречиям между ценностями, когда ценности сохранения (например, «социальный порядок») противостоят ценностям изменений (например, «разнообразная жизнь»), а ценности самоопределения (например, «преданность») противостоят ценностям самовозвеличивания (например, «социальная власть»). Не способствуют конфликтности, как правило, непротиворечивые парные отношения между ценностями (например, «власть» и «достижения», «традиции» и «конформизм»).

Как показали исследования психологов, становление личностной толерантности, например, подростков, обусловливается сформированностью правового сознания, чувством ответственности, самокритичности и наличием опыта конструктивного поведения в конфликтных ситуациях [58; 62]. Это позволило поставить вопрос о целенаправленном обучении толерантности.

На пути формирования толерантности, на индивидуальном уровне стоит враждебность, которую часто рассматривают в качестве коммуникативной установки личности. Вообще термин «враждебность» является неопределенным, однако в контексте картины мира личности неприязнь присутствует как особый вид достаточно устоявшегося отношения человека к «Другому», как один из элементов такого отношения: когнитивный (враждебность), эмоциональный (гнев) и поведенческий (агрессия). К характеристикам враждебных чувств обычно относят следующие: различные градации злости, антипатию, желание навредить, зависть, неуверенность (или уверенность) в себе, обиду, страх, азарт. Поведенческий компонент враждебности характеризуют вербальная агрессия, невербальные проявления напряженности, демонстрация негативного отношения, агрессия,

игнорирование (человека, группы и т. д.), провокация конфликта, демонстрация уверенности в себе и др. [86, с. 431–432]. Думается, что несовместимость толерантности и враждебности очевидна по отношению только к одному объекту, но они могут сосуществовать в одной личности.

Мы разделяем мнение тех ученых, которые подчеркивают, что толерантность на индивидуальном уровне (как качество личности и как характеристика поведения по отношению к «Другому») не заложена от природы, а складывается постепенно в процессе социализации и развития личности. Толерантные отношения реализуются также на институциональном уровне, в различных сферах общественной жизни, которые регулируются теми или иными социальными институтами.

Мы предлагаем разделять социальные институты по их роли в формировании и воспроизводстве толерантного социального пространства на три группы.

Первую группу составляют институты, которые «конструируют» толерантность как культурную, социальную и личностную ценность (это, прежде всего, институты науки, права, политики, религии).

Вторая группа включает институты, транслирующие (передающие) толерантное видение мира, формируют толерантную компетентность (это, прежде всего, институты семьи, образования, средства массовой коммуникации).

Третью группу представляют институты, контролирующие соблюдение в обществе принципов толерантности (это преимущественно институты права, государства, общественного мнения) [195].

Рассмотрим роль некоторых базовых институтов общества в формировании и воспроизводстве толерантного пространства социальных взаимодействий.

Так, основные принципы толерантных отношений в религиозной сфере способствуют межконфессиональной толерантности [157; 164; 196]:

- свобода совести;
- диалог в отношениях между религиозными организациями и группами;
- защита прав как большинства, так и меньшинства при распространности религиозных убеждений;
- исключение ложных, провокационных заявлений по поводу тех или иных религий;
- неабсолютность свободы распространения религиозных взглядов и убеждений;
- поиски примирения в случае конфликтов на религиозной почве и др.

Институт государства создает социальные условия формирования толерантности через реализацию следующих принципов: обеспечение

социального порядка демократическими способами; защита прав меньшинств (национальных и т. д.), содействие развитию гражданского общества; диалог с институтами гражданского общества и т. д.

Д. Мутц при обсуждении вопроса толерантности в политической плоскости выделил четыре главных направления анализа: а) разница в уровне толерантности между большинством населения и того сегмента, который является более политически активным; б) споры по определению границ толерантности; в) информация, которая имеет отношение к росту уровня толерантности в конкретном государстве; г) кросс-национальные исследования политической толерантности [221, р. 15767].

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что в последнее время ученые пытаются предостеречь общество от агрессивной политической риторики, которая способна провоцировать интолерантность. Тема интолерантности все чаще используется средствами массовой информации как средство для привлечения и удержания своей аудитории. Опасность несет также использование этой темы в политтехнологических целях, хотя обществом стало признаваться, что эффективной может быть политика только при наличии открытого социального диалога, компромисса и способности адекватно действовать. Политика толерантности на государственном уровне, как правило, реализуется по двум основным направлениям: снижение конфликтности в межгрупповых отношениях и осуществление политики толерантности в отношении всех групп населения. Государственная социальная политика становится толерантной, когда базируется на следующих принципах [76, с. 104–105]:

- поддержание скорее общих историко-культурных ценностей, общественно-политических установок, основанных на религии и этнической принадлежности, чем различий;
- равенство прав и свобод представителей различных наций и этносов, различных религиозных убеждений;
- межэтническое согласие и сотрудничество;
- равноправие представителей различных культур и др.

Интолерантности способствует пропаганда насилия, агрессии, ксенофобии через СМИ, формирование в обществе устоявшихся стереотипов восприятия определенных групп (религиозных, национальных и др.) как враждебных по отношению к определенному социуму.

А. Щербак подчеркивает ключевую роль институтов в утверждении толерантных отношений, выходе их из многочисленных лабиринтов. Он выдвинул тезис о том, что толерантность обуславливает успехи модернизации и выделил две модели модернизации: «толерантную» (в ней делается акцент на инновациях, высоком уровне толерантности и сильных политических институтах) и «догоняющую» (в этой модели упор делается

на инвестициях, низком уровне толерантности и слабых политических институтах). Институты им рассматриваются как каузальный механизм, обеспечивающий взаимосвязь между толерантностью и модернизацией: «Институты играют ключевую роль в толерантной модели модернизации, так как они гарантируют креативному классу поддержание открытости, разнообразия, защиты его интересов, в том числе права на индивидуальность и собственную идентичность. В случае “догоняющей модернизации” роль институтов игнорируется, упор делается на инвестиции: капиталовложения важнее, чем ценности политических институтов. ... Модернизация с упором на инвестиции ассоциируется с низким уровнем толерантности и низким уровнем развития политических институтов» [207, с. 30]. Такая ситуация складывается, как правило, в переходных обществах.

Эвристичной является мысль о том, что «социальные институты могут иметь как инструментальный, так и адаптационный характер. Однако и в том и другом случаях обязательным условием плавных изменений социальных институтов и их укоренение в конкретную «социальную почву» является «неформальное» вызревание новых правил. Иначе говоря, институциональная эволюция зависит от прошлого пути, от истории существующих в обществе институтов» [161, с. 81]. Это непосредственно касается того, как вызревает в том или ином социуме толерантное социальное пространство. Если его социальные институты культивируют «образ врага», то тем самым конструируется и интолерантность. Феномен врага (и понятие «враг» и «образ врага») имеют многочисленные объяснения. Так, под врагом часто понимается «актор» (явление), представляющий собой реальную или мнимую угрозу самому существованию индивида, группы, социума, носитель «антигуманных» свойств и качеств. «Враг» может ассоциироваться с конкретной личностью («личный враг»), с племенем, этносом, нацией, классом, партией, государством («империя зла»), с идеологией (фашизм, национализм, расизм, глобализм), с общественным строем (капитализм, социализм) и даже с природными явлениями (засуха, нашествие саранчи, эпидемия), техногенными факторами и стихийными бедствиями. «Образ врага – это качественная (оценочная) характеристика, которая формируется в общественном сознании. Это восприятие “врага” и представление о “враге”, при этом, “враг” и его “образ” могут значительно отличаться друг от друга, потому что восприятие отражает не только объективную реальность, но и оценочные интерпретации и эмоциональные компоненты перцепции. Кроме того, на формирование “образа врага” влияют стереотипы и установки, мифы и предрассудки, характерные для массового сознания: необходимо учитывать, что восприятие “врага” косвенно формируется многочисленными

источниками информации» [69, с. 32]. Основания для поиска реальных и мнимых врагов Г. Козырев предлагает разделять на три группы. Первую группу составляют традиционные основания, с помощью которых различается внешний враг по принципу «свой/чужой» в процессе формирования идентичности в любой социальной общности (группы, класса, нации, общества). При этом значение имеют исторический опыт, стереотипы сознания и социально-психологическое состояние общества. Во вторую группу вошли нетрадиционные предпосылки, ценностно-рациональные, возникающие в конфликтной ситуации, которую повлекла несовместимость интересов и целей двух и более сторон. Третья группа предпосылок определяет ситуационные моменты, конъюнктурные, манипулятивные, опосредованные враждой (по принципу «враг моего друга есть и моим врагом»), поиск «врага» как стремление переложить на другого свою вину [69, с. 36–38]. Опасной для общественного равновесия является ситуация, когда «образ врага» производят, транслируют и руководят процессом его поисков государственные институты, о чем свидетельствует исторический опыт отдельных стран мира, которые в разные периоды своего развития прошли этот путь и столкнулись с негативными последствиями интолерантности, которая проявлялась на почве такой политики. Сейчас противодействие таким сценариям могут оказать зрелые институты гражданского общества.

Толерантное социальное пространство в современном мире во многом определяет гражданское общество, способное контролировать государство, самоорганизовывать сообщества на толерантное поведение. Процесс развития гражданского общества условно разделяют на две зоны: зону развитого гражданского общества и зону гражданского общества, которое проходит становление (развивается). В качестве границы, разделяющей их, предлагается брать 50-процентное число граждан, которые доверяют тому или иному институту гражданского общества. Совокупный результат всех институтов показывает, в какой зоне находится гражданское общество конкретной страны в конкретный момент (период) времени. Этот подход позволяет не только определить состояние гражданского общества, но и увидеть, какой из институтов сдерживает развитие гражданского общества и нуждается в дополнительной поддержке. Социологические исследования фиксируют отсутствие устоявшегося положительного отношения населения к институтам гражданского общества в западных и постсоветских странах [205, с. 95–96], что сдерживает распространение толерантности, оставляет ее преимущественно на уровне декларативного принципа.

Таким образом, несмотря на то, что толерантность получает широкое концептуальное осмысление, теория и методология изучения толерант-

ности пока существует в виде ряда идей, которые часто противоречат друг другу. Следует выделить философскую и социологическую традиции в изучении толерантности. Понятие толерантности входит в различные парадигмы и, соответственно этому, по-разному трактуется. Мы согласны с теми учеными, которые подчеркивают, что теоретическая трактовка толерантности имеет не только научное, но и идеологическое, политическое значение. Для понимания сущности толерантности крайне важны попытки философского осмысления этого явления, где толерантность изучается преимущественно как проблема философской антропологии. В социологической традиции толерантность сегодня исследуется на уровне системы ценностей, входящих в структуру общественного сознания; как характеристика функционирования конкретного социального института (используются различные сообщения: «социальный институт – социальный институт», «социальный институт – социальная организация», «социальный институт – группа» и др.) анализируются проявления толерантности в системе межгрупповых взаимодействий (межнациональных, межэтнических, межконфессиональных и др.). Социологи не ограничиваются теоретизированием по поводу толерантности. Исходя из уровней социологического исследования, следует отметить, что для эмпирического изучения толерантности на уровне общества, институтов и групп важно определиться с понятием социальной толерантности, ее функциями, сферами и уровнями проявления толерантных/интолерантных установок и поведения. Именно социологи доказали, что каждый индивид может иметь разный уровень толерантности в различных сферах (например, может быть толерантным по отношению к людям старшего возраста и другого пола и выявлять интолерантность по отношению к представителям отдельных национальностей и т. п.). На этом основании, например, М. Мацковский даже предлагает разрабатывать для различных регионов, социальных институтов и групп «карты толерантности» [90]. Такая задача может выполняться путем мониторинговых исследований культуры толерантности.

Мы выделили и охарактеризовали этапы, которые социологи прошли в изучении толерантности – это путь от категориального поиска через эмпирическое изучение толерантности в различных сферах общественной жизни до современных ее интерпретаций как многомерного феномена. Эволюцию теоретических подходов к толерантности мы определяем как переход от нейтральной терпимости по отношению к представителям других обществ, культур, религиозных и этнических сообществ к активной толерантности, которая начинает базироваться на рефлексивном отношении к собственной позиции, конструктивном коммуникативном взаимодействии с «Другим». Основными чертами, по которым можно

диагностировать как толерантную, так и интолерантную личность, являются такие: знание самого себя; чувство защищенности; ответственность; признание мира многомерным, многокрасочным; приверженность свободе и демократическому устройству общества; способность к эмпатии, то есть к социальной чувствительности; ориентация на себя, а не на принадлежность к общественным институтам; приверженность порядку в целях, мыслях, ценностях.

Историческая изменчивость границ толерантности сказалась на социологическом теоретизировании: новая социальная реальность, получившая концептуальное осмысление в социологических теориях постмодерна, расширяет эти границы. Ценность приобретают альтернативные подходы к проблеме толерантности. Мы исходим из того, что социологическое измерение толерантности должно быть проблемно ориентированным. Толерантность требует институциональной поддержки как со стороны государства, так и гражданского общества. Ведь они имеют рычаги влияния на процессы социальной дифференциации и преодоления негативных последствий социальных неравенств.

РАЗДЕЛ 2

СУЩНОСТЬ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

2.1. Толерантность: ее сущность, функции и виды

Толерантность является социальным феноменом, при определении которого требует уточнения понятие «социальное», которое неоднозначно трактовалось в истории социологической мысли. Приведем обобщенные П. Гречко и А. Курмелевой интерпретации социального как изучаемой реальности [32]: 1. *Реификационная концепция социального*. Самостоятельность социального как особого типа бытия, отличного от органического (биологического) и психического (существующего только в индивидуальном сознании). Изучать проявления социального и факты или вещи. Социальный факт существует как общая тенденция еще до того, как принимается индивидуальное решение (Э. Дюркгейм). 2. *Натуралистическая концепция социального*. Социальное рассматривается в терминах биологического как надбиологическая человеко-искусственная реальность. 3. *Индивидуально-персоналистская интерпретация социального*. Социальное (общественное) и индивидуальное – две стороны единого исторического процесса, которые предусматривают и исключают друг друга. Происходит «кристаллизация» индивидуального в социальном, а не, наоборот, социального – в индивидуальном. 4. *Концепция «конца социального»*. Экспансия природного в социальное. В трактовках социальности сейчас распространяется подход, согласно которому природа социального не просто деятельностная или коммуникативная, а диспозиционно-коммуникативная. При этом диспозиционность вписывает социальное в общую структуру мира и одновременно обеспечивает адекватное концептуальное понимание его специфики.

По мнению Н. Лумана, «с социальностью человек встречается тогда, когда забывает, что она сама является единственным наблюдателем и привлекает к рассмотрению других людей в качестве наблюдателей наблюдения. Тогда он уже не стоит лицом к лицу к миру, а видит, что другие

наблюдают то, что наблюдает он сам» [87, с. 249–250]. На этом могут базироваться технологии формирования толерантности на индивидуальном уровне через предоставление личности соответствующих образцов социально ответственного поведения. Социальность присутствует в толерантности также на институциональном уровне, поэтому уместно при социологическом измерении толерантности исходить из понятия «социальная толерантность». До сих пор последнее понятие почти не встречается в научных работах. Его исследователи, в основном, используют в нескольких смыслах. Во-первых, иногда социальную толерантность трактуют как видовую характеристику толерантности, ставя ее в один понятийный ряд с политической, религиозной, национальной и т. п. толерантностью. Во-вторых, социальную толерантность рассматривают в пределах метаподхода как особое гносеологическое измерение толерантности. Такую позицию разделяет И. Крейн, который пытается определить соотношение толерантности мышления и социальной толерантности, отметив, что «толерантность Мышления является предпосылкой социальной толерантности» [72, с. 30]. Этот автор отмечает следующее: «Системы, которые функционируют в средах толерантной Конструкции, “обречены” на Толерантность Мышления, а Системы толерантного Устройства, функционирующие в организованной среде толерантной Конструкции, – также на Социальную и Рефлексивную Толерантность. Это является необходимым условием метацивилизационного развития таких систем. Поэтому неограниченное развитие индивидуальности и личности членов Системы – главный приоритет Системы» [72, с. 29]. Впрочем, социальную систему как пространство развития социальной толерантности данный автор не исследует, а лишь утверждает, что концепция толерантности как универсальной категории эволюции разума построена им на началах гуманитарной кибернетики.

Принципы толерантных отношений зафиксированы не только на уровне институтов, но и в повседневности, например, в пословицах. Пропагандируют толерантность такие из них: «В каком народе живешь, того и обычая держись», «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» и др. И. Крейн указывает на еще один давний механизм формирования толерантного поведения – сказки: «Стоит отметить, что “пропаганду” Социальной Толерантности находим и во многих сказках: Золушка превращается в Принцессу, а ужасное Чудовище из “Аленького цветочка” – в прекрасного Принца. И хотя сказочные персонажи с раннего детства сопровождают детей, им не удалось остановить нарастание Антитолерантности, которая именно в XX в. достигла новых масштабов и “высших” уровней» [72, с. 30].

Социальные аспекты толерантности вообще могут рассматриваться в широком контексте: толерантность в контексте процессов глобализации,

детрадиционализации, поздней модернизации, культурного плюрализма и многообразия, повышения рефлексивности. Распространены трактовки толерантности как механизма преодоления социальной дискриминации во всех ее проявлениях. В дискриминации, основанной на факторах расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, нетерпимость в современном обществе проявляется наиболее ярко. Признание толерантности в более широком смысле является предпосылкой эффективной борьбы с различными негативными проявлениями (формами) нетерпимости, поскольку гражданские, политические и экономические права человека тесно связаны с социальными и культурными правами. Например, толерантное отношение к видимым разногласиям (в мировой практике распространен термин «визуальное меньшинство») означает невозможность нарушения прав человека по внешнему признаку.

Определим понятие «социальная толерантность», исходя из его социальной сущности и многоаспектности. Социальная толерантность – это способность устанавливать и сохранять общность с людьми, между которыми существуют социальные неравенства, при условии, что последние не противоречат принятым в определенной общности, группе моральным и правовым стандартам.

В результате осуществленного критического анализа научных источников мы пришли к выводу, что феномен толерантности имеет конкретно-историческое и современное социальное измерение. Необходимость разработки концептуальных основ социологического изучения толерантности актуализируется как ответ на вызовы перехода от культуры насилия к культуре мира. Толерантность проявляется как диффузная форма социальности, что является отражением качества жизни и институциональных и самоорганизационных форм социальных взаимодействий.

Наиболее системно функции толерантности описаны М. Мацковским, который выделил их применительно к субъектам толерантности. Ученый, исходя из того, что даже в своих крайних проявлениях интолерантность выполняет определенные функции для общества, группы и личности, функциональное назначение интолерантности видит в формировании образа врага; сплоченности группы на основе противопоставления чужим; простоте и четкости групповой и личностной идентификации; построении иерархических отношений в группе. На институциональном уровне он различает такие функции толерантности: стабильность общества и профилактика социальных конфликтов; возможность включения в систему современных гуманистических ценностей и преодоление противоречий между международными документами, регулирующими толерантные отношения, и реальной деятельностью в политической, идеологической и культурной сферах; создание ценностно-нормативной базы для воспита-

тельной работы, формирования положительных идеалов. На групповом уровне, по М. Мацковскому, основными функциями толерантности являются: предотвращение конфликтов, формирование и поддержание стабильности группы, создание имиджа группы, формирование основы для привлечения в нее новых членов. На личностном уровне функции толерантности связаны с «... резким изменением числа, объема и характера конфликтных ситуаций в различных сферах жизни, формированием позитивного отношения к жизни; с влиянием толерантных установок на внешние формы поведения, которые способны предотвращать агрессивные формы взаимодействий, в том числе, противоправного характера» [90, с. 43]. Мы разделяем тезис о том, что функции толерантности/интолерантности обусловлены социально-историческими условиями и спецификой функционирования конкретного социального института и конкретной социальной группы.

Социальная толерантность проявляется через определенные функции, реализация которых свидетельствует об уровне толерантности в конкретном социуме. Мы выделяем следующие из них:

1. *Социально-интеграционная функция.* Известно, что «социальная интеграция – наиболее освещаемый процесс в социологии, связанный с состоянием неравенства в обществе, характером его социальной структуры и стратификации. Неравенства вызывают рост притязаний, что выливается в конфликты. Если последние не смягчаются развитием производства и совершенствованием системы распределения, в обществе нарастают процессы дезинтеграции. Существует связь между видами интеграции, которые весьма разнообразны» [178, с. 36]. Любое взаимодействие должно предусматривать защиту прав человека как личности и мирные способы разрешения противоречий. Толерантность может стать предпосылкой, условием и средством устойчивого социального развития благодаря своему интеграционному потенциалу.

2. *Идентификационная функция.* Можно предположить, что через толерантность происходит самоидентификация индивидов и групп, а в исторической перспективе – расширение ее пространства (границы, порога, предела – термины неустоявшиеся). Изучение социальной толерантности, так или иначе, должно учитывать, на наш взгляд, специфику идентификационных практик и жизненных стратегий индивидов в конкретном социуме. Толерантность связана с идентичностью и процессом идентификации, хотя этот аспект темы только начинает исследоваться учеными. Трактовки идентификации разнообразны, ее рассматривают а) как «способ принятия социальных ролей при вхождении в группу (З. Фрейд, Л. Бандура, Т. Парсонс), б) как средство интернализации объективной реальности (П. Бергер, Т. Лукман), в) как механизм слияния «Концепции» с социальным

окружением, который проявляется в осознании групповой принадлежности, формировании социальных установок (Ч. Кули, Дж. Мид)» [64, с. 199]. Известно, что Ф. Теннис противопоставлял понятие общинных отношений и связей, с одной стороны, и общественных – с другой. Отношения первого рода основываются на эмоциях, традициях и т. д. Они, собственно, и побуждают к группообразованию через групповую же идентификацию. Ученый отмечал: «... Объединения понимаются или как реальная и органическая жизнь – это является сущностью сообщества (Gemeinschaft), – или как идеальное и механическое образование – это является понятием общества (Gesellschaft) [170, с. 17]. Когда в процессе идентификации формируются толерантные установки, это становится залогом толерантного социального поведения личности.

3. Гуманитарная функция. Данную функцию выделяет А. Касьянова, которая доказывает ее необходимость в процессе профессионального воспитания личности. Мы разделяем мнение этого автора по поводу того, что без ориентации на гуманитарную функцию толерантности трудно говорить «... о появлении в профессиональной сфере деятельности интеллигентного специалиста, который умеет воспринимать многомерность и многополюсность развития цивилизации, взвешенно относиться к альтернативности выбора, его многовариантности в процессе развития локальных и глобальных ситуаций» [59, с. 38]. Эта функция толерантности реализуется преимущественно через институты семьи, образования, средств массовой коммуникации и т. д.

4. Функция группообразования. Роль толерантности в группообразовании мало исследована. Даже критерии определения групп «Мы» и «Они» все еще дискутируются [63]. Впрочем, распространению толерантности способствует появление толерантных «ин-групп», то есть таких, к которым индивид ощущает свою принадлежность. Неслучайно К. Левин вслед за Гордоном В. Олпортом отмечает следующее: «Человек принимает новую систему убеждений и ценностей вследствие принятия принадлежности к группе» [83, с. 194]. Если эта группа пропагандирует толерантность, индивид тоже в той или иной мере становится настроенным на толерантное поведение, становится участником формирования толерантной социальной сети, которая поддерживает и способна воспроизводить существующую иерархию (структуру). Индикаторами для определения места, которое занимает группа (сообщество, прослойка) в современной социальной структуре, О. Шкаратан называет такие: «власть – возможность распоряжаться всеми видами ресурсов и благ, в том числе и властью над людьми (административный капитал); собственность – объем и характер собственности; так называемый экономический ресурс (физический или экономический капитал); престиж – моральное вознаграждение, влияние, духовная

власть, т. е. возможность распоряжаться символическим капиталом; человеческий ресурс – мотивация, знания, навыки, компетенции и т. д. (человеческий капитал); культурный ресурс – определенный образ жизни, характер проведения досуга, особая структура потребительских предпочтений и т. д. (культурный капитал); социальный ресурс – особая система социальных связей, степень охвата социальных сетей (социальный капитал) [202, с. 158–159]. Специальные исследования, проведенные учеными, доказали, что уровень накопления социального капитала коррелирует с уровнем доверия в обществе [140]. Интолерантность может выступать и причиной, и следствием социального недоверия в зависимости от конкретного контекста.

Угрозу для диспозиций групп (сообществ) создает культура индивидуализма, распространенная в современном обществе. Следует согласиться с мнением В. Федотовой, что «с культурой» неограниченного индивидуализма, в которой ломка правил становится единственным правилом, связаны серьезные проблемы: распад общих ценностей представляет собой потерю социального капитала – основы консолидации общества, без которой оно не может существовать [175, с. 23]. Тогда толерантность как ценность становится системообразующей ценностью, которая способна консолидировать группу и расширить ее границы без потери своего отличия от других групп.

Толерантность как культурная норма, ценность и принцип социальных взаимодействий разворачивается в условиях, когда культура выступает способом социальной дифференциации и происходит, по словам С. Ильинской, «культурализация социальных проблем в процессе конкуренции за ресурсы», а «группы, формирующиеся вокруг знаков культурной идентичности, требуют от государства и его органов правового признания и предоставления им ресурсов для сохранения и защиты своих культурных особенностей» [54, с. 161–162]. Так, толерантность, выполняя функцию группообразования, вместе с тем, начинает играть значительную роль в системе обеспечения прав индивидов и групп.

5. Регулятивная функция. Толерантность может выступать в качестве регулятивного принципа межличностных, межгосударственных, межконфессиональных и других отношений. Реализация этой функции имеет определенные ограничения. Ученые признают, что, во-первых, восприятие «своих» и «чужих» не может быть навязано сверху, во-вторых, современное общество все еще не имеет действенных средств и механизмов недопущения негативного влияния на общественные взаимодействия проявлений ксенофобии и других форм интолерантности, в-третьих, для становления толерантной среды необходимы общественные усилия и властные действия, направленные на обеспечение общественного согласия. Исключительная

роль при этом принадлежит государству, поскольку «государство владеет всеми средствами обеспечения мира во всех сферах жизнедеятельности, и только оно имеет право применять меры для противодействия распространению нетерпимости и проявлений насилия» [76, с. 105].

6. *Функция выступать средством легитимации соответствующих действий или акций государства.* Данную функцию можно раскрыть, ссылаясь на мнение, высказанное П. Гречко: «... Толерантность, равно как и интолерантность государства, проверяется (подтверждается, одобряется) толерантностью его граждан. Другими словами, демократическое государство не может действовать ни толерантно, ни интолерантно, если на это нет согласия народа, если граждане не толерантны в отношении толерантности или интолерантности самого государства. Толерантно относиться к толерантности (государства) – это одновременно и добрая воля, и придиричивая оценка гражданина демократического государства» [31, с. 396].

Можно предположить, что в процессе реализации социальной толерантности возможен конфликт ее функций. Так, функция идентификационная может вступать в противоречие с гуманитарной функцией, провоцируя конфликтность как на межличностном, групповом, так и на институциональном уровнях. Эту конфликтность снимать (уменьшать) призвана регулятивная функция социальной толерантности.

Оптимизация социального взаимодействия в контексте толерантности на основе технологизации социологического знания требует не только уточнения самого понятия «толерантность» (что нами сделано в п. 1.1), но и определение видового разнообразия толерантности, ее проявлений в различных сферах.

Виды толерантного сознания и поведения разнообразны. Например, М. Мацковский [90] предлагает исследовать такие проявления толерантности: *межклассовую толерантность* (характеризуется непредвзятым отношением к представителям различных имущественно-денежных слоев – бедных к богатым, богатых к бедным); *политическую толерантность* (характеризует отношение к деятельности тех или иных политических партий, объединений, месседжей их членов и проч.); *географическую толерантность* (непредвзятость к жителям разных поселений и регионов со стороны жителей других поселений и регионов); *образовательную толерантность* (непредвзятое отношение к вербальному и реальному поведению людей с разным образовательным потенциалом); *сексуально-ориентированную толерантность* (беспристрастность в отношении лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией); *маргинальную толерантность* (непредвзятое отношение к нищим, бомжам, наркоманам, алкоголикам и т. д.). Основными видами толерантности ученые считают толерантность национальную, межконфессиональную, гендерную, этническую.

Значительно меньше внимание исследователей привлекает толерантность субкультурная, возрастная, профессиональная и др. Вообще, видовое разнообразие толерантности все еще не систематизировано.

Национальная толерантность наиболее плодотворно в социологической плоскости разрабатывалась Н. Паниной, которая использовала шкалу социальной дистанции в исследованиях национальной толерантности в Украине в течение 90-х годов XX – начала XXI в. [110]. Н. Панина уровень национальной толерантности определила по следующим признакам: толерантность, обособленность, изолированность, ксенофобия [109, с. 453]. Однако национальный уровень толерантности не исчерпывает всего многообразия проявлений феномена толерантности, хотя, безусловно, системно выражает ее наличие/отсутствие и одновременно выступает важным компонентом демократизации украинского общества. Об этом Н. Панина пишет так: «В контексте перспектив развития общества расовая, этническая и национальная толерантность может рассматриваться не только как потенциал поддержания мира и спокойствия в стране, но и как показатель степени готовности массового сознания населения к открытости и сотрудничеству на демократических принципах» [109, с. 445].

Гендерная толерантность характеризует непредвзятое отношение к представителям другого пола. Теоретико-методологические основы гендера и гендерной политики активно разрабатываются исследователями, которые указывают на многомерную модель гендера, многоплановость и междисциплинарность гендерных исследований, неоднозначность трактовок гендера в разных дискурсах и сложность в проведении государственной гендерной политики [52]. Однако тема гендерной толерантности все еще не получила достаточного освещения. В то же время исследование гендерной тематики важно для анализа феномена социальной толерантности и его проявления в различных сферах и на разных уровнях (общества, институтов и групп). Известно, что наличие гендерных асимметрий – объективная закономерность, проявляющаяся в диспропорциях удельного веса мужчин и женщин в конкретных сферах их жизнедеятельности (политика, экономика, образование и т. д.) и отображении явного или скрытого неравенства мужчин и женщин по гендерному признаку. Гендерная асимметрия имеет свои количественные и качественные характеристики, изменяющиеся в зависимости от конкретных социальных условий. Сейчас стоит задача уточнения особенностей формирования гендерной толерантности в современном обществе.

В современном мире рост значения толерантности в социальных отношениях имеет гендерный аспект. Различия, которые проявляются при переходе к активно адаптивной модели поведения населения в условиях

рыночных отношений, во многом обусловлены личностным ресурсом мужчин и женщин, их жизненной позицией и степенью овладения профессиональными и социальными компетенциями. К такой компетентности относят и готовность к толерантному взаимодействию. Именно студенческая молодежь, по данным многих социологических опросов, чаще представителей других социально-демографических групп выражает готовность взять в свои руки собственную судьбу. Именно для молодежи и в ее среде необходимо культивировать гендерное равенство для того, чтобы молодые люди, следуя толерантности как социальной ценности и моральному выбору, могли воспользоваться социально-экономическими и политическими свободами, которые открывает демократический путь развития украинского общества.

Межконфессиональная толерантность – один из ее видов, о котором размышляли еще несколько веков назад и дискутируют ученые в настоящем. Так, о толерантности в условиях сильной церковной цензуры писал Дж. Локк в работе «Опыт о веротерпимости». Философ размышлял о совершенной толерантности как защите государством свободы человека от нелегитимного ограничения или незваного вмешательства со стороны «Другого» [85, с. 48]. Толерантность вообще широко представлена в христианской философии. Отношения людей с разными религиозными взглядами – важная сфера межличностных и групповых отношений и в наши дни, когда религиозные объединения существуют в форме религиозных организаций и религиозных групп, толерантные отношения между которыми способствуют реализации конституционного права граждан на вероисповедание и распространения веры без ущемления тех, кто придерживается иной веры. Как известно, во всем мире обострились конфликты на религиозной почве и это становится предметом исследования социологов, в т. ч. при изучении конфессиональной толерантности различных групп населения.

Этническая (межэтническая) толерантность не случайно привлекает внимание многих исследователей [44; 53; 102; 132; 139; 210]. Следует согласиться с мнением В. Паниотто о том, что «уровень этнической нетолерантности является одним из важнейших индикаторов потенциальной нестабильности» [111, с. 197]. Идут поиски новых концептуальных подходов к анализу этнической и этноконфессиональной идентичности. Так, исследования, проведенные С. Рыжовой, показали, что этническая идентичность участвует в процессах формирования солидарных отношений, а в России межэтническая толерантность выступает связующим звеном между процессами этнической мобилизации и становлением национально-гражданской идентичности. Этническая идентичность участвует в процессах формирования солидарных отношений [132].

Следует отметить, что исследования, проведенные в Украине, позволили определить общие тенденции и факторы ксенофобии [109; 110; 111]. Социологическое измерение уровня этнической (межэтнической) толерантности, особенно на локальном (региональном) уровне, имеет практическое значение. На основе социологической информации можно формировать оптимальную модель этнической толерантности именно для конкретного региона с учетом этнокультурной и политической ситуации, сложившейся в нем.

Существует множество способов измерения толерантности, однако это одна из нерешенных проблем в изучении темы толерантности. Часто исследователи ссылаются на Р. Флориду, который предложил два индекса: Гей-Индекс (*Gay Index*) и Индекс Богемы (*Bohemian Index*). *Gay Index* позволяет измерить разнообразие, так как сексуальные меньшинства традиционно подвергались высокому уровню дискриминации – проявлениям интолерантного отношения со стороны групп с традиционной сексуальной ориентацией. Открытость в отношении сексуальных меньшинств – индикатор наличия низких барьеров для человеческого капитала [207, с. 9].

Социологи вплотную подошли к постановке вопроса о том, как соотносятся и взаимодействуют друг с другом различные проявления толерантности в социальном пространстве. Тема социального пространства не нова для социологии, хотя толерантное социальное пространство относится к недостаточно разработанной теме. Вследствие падения теоретического престижа классового анализа марксистского типа и «культурного поворота» в социологии в последние годы новое развитие получила теория стратификации. Теоретики стратификации используют отличный от классовой теории подход, который заключается в утверждении, что структура стратификации не влияет на паттерны ассоциации (типы, формы социальных связей). Наоборот, типы социального взаимодействия, стиль жизни определяют структуру стратификации. Из этого следует, что эмпирическая стратегия индивида должна заключаться в анализе социальных отношений равенства (эквивалентности) между людьми для того, чтобы выявить более широкие ее паттерны (неравенства). Из истории социологии целесообразно обратить внимание на такие достижения. Е. Богардус размышлял над проблемой субъективной социальной дистанции. Престиж социальной группы он измерял уровнем приближенности (соседство, дружба, супруги), который респонденты считают совместимым с индивидами, принадлежностью к различным национальным, этническим группам. Р. Парк отмечал, что степень близости между индивидами из различных социальных групп определяется влиянием, которое они осуществляют друг на друга. Отсутствие близких социальных отношений доверия не дает возможности сформироваться

социальной дистанции. П. Сорокин обращает внимание на социальное пространство, что является близким понятию социальной дистанции, так как дистанция понимается как определенное пространство, а пространство детерминировано какими-то объектами [150].

Н. Луман предложил ценности для анализа социальной дистанции. Социальную структуру он рассматривает через ценности с целью анализа социальной дистанции. Социальная структура при этом выступает как следствие желания людей вступить в более близкие социальные отношения с индивидами равного с ними статуса. Дистанцию между профессиями он описывает как функцию степени взаимодействия между ними, но не упоминает об относительности престижа профессий. Он анализирует четыре типа отношений – отношения между респондентами и их друзьями, их соседями, их родителями и отчимами – как базу для исследований социальных дистанций между профессиями и построения трехмерного «пространства» для описания дистанции взаимодействия между профессиями. Н. Луман защищает индивидуализм, который предусматривает солидарность. В сегментарном обществе такая солидарность также сегментарная, ее поддержка предполагает применение насилия, тогда как через мир коммуникаций индивиды, вытесненные во внешний мир общества, могут наладить действительно солидарные отношения [88]. Добавим, что солидарное общество в таком понимании – это одновременно и толерантное общество.

Важно, что многие исследования социальной дистанции выявили общее в сущности социальной дистанции, существующей в виде различных типов социальных отношений. Это свидетельствует о том, что социальная дистанция – неотъемлемое структурное свойство социальных отношений. Социальные отношения не только отражают социальную дистанцию, но и являются ключевым элементом в процессе ее воспроизводства. Социальная дистанция воспроизводится тем кругом друзей, которых выбирает человек и с которыми у него общие предпочтения и культурные запросы. Социальную дистанцию можно определить как проявление социального преимущества или социального недостатка индивида, обусловленного совокупностью социальных, экономических и культурных факторов. Преимущество обеспечивает индивиду возможность распоряжаться различными ресурсами и занимать лидирующее положение в своем классе, социальной группе. Преимущества и ущербность индивидов создают социальную дистанцию и приводят к появлению классов, социальных групп и социальных конфликтов. Однако стратификацию многие исследователи не склонны отождествлять только с конфликтами и борьбой. Имеет место и социальная мобильность между классами и группами. Анализ социальной дистанции позволяет рассмот-

реть группы и границы между ними как особый случай более масштабных отношений в социальном пространстве. Роль групповых процессов стратификации все чаще исследуется в рамках концепций социальной дистанции. Главное преимущество этой концепции в возможности по-новому взглянуть на возрождение социального порядка и понять сущность неравенств между людьми, которые провоцируют интолерантность.

Наличие, с одной стороны, социальной реальности, в которой толерантность присутствует в качестве ценности, культурной нормы, принципа деятельности, а с другой – фрагментарность проявлений толерантности, ее существование в многочисленных видах наталкивает на признание того, что феномен толерантности – явление коллективного действия и коллективного сознания, которое способно захватывать определенное социальное пространство. Последнее предлагаем называть понятием «толерантное социальное пространство».

Толерантное социальное пространство мы определяем как систему социальных взаимодействий, основанную на таких технологиях внешнего упорядочения и самоорганизации, которые способствуют взаимопониманию и сотрудничеству в условиях социального неравенства между индивидами и группами. Оно является динамичным, подвижным, таким, что поддается конструированию. Линии разграничения между индивидами и группами в толерантном социальном пространстве способны задавать различия в толерантности, а сама толерантность может измеряться дистанцией между отдельными индивидами и группами.

Толерантное социальное пространство поддерживает социальная коммуникация, без которой оно утрачивает возможность воспроизведения. В последнее время учеными признается невозможность полного рационального обоснования толерантности как коммуникативного действия, которую определяют 1) общественные нормы (нравственные, идеологические, религиозные и др.), 2) общественное мнение, 3) специфика места и времени, в которых разворачивается толерантная поведение, 4) свободный выбор субъектов коммуникации. В то же время толерантность посредством обретения макро- и микросоциумом через средства коммуникации способности к цивилизованному существованию способствует развитию инструментальной культуры бытия. Это, однако, не отрицает того, что мотивация толерантности (заинтересованность в ней, ее востребованность) может быть как внутренняя, так и внешняя (конъюнктурная) [31, с. 390–392]. Возникает вопрос: какие коммуникации способствуют толерантности в настоящем, когда, по словам А. Шипилова, «социокультурное развитие характеризуется правовой неопределенностью, отсутствием соответствующих систем культурной маркировки стратифицированных социальных групп, переходным характером господствующего типа социальной

идентичности» [201, с. 514]. Правовая и моральная легитимация толерантности без привлечения коммуникативного механизма вряд ли возможна на практике. Ведь именно через коммуникацию на всех этапах жизненного цикла человек получает возможность почувствовать толерантное отношение к себе и толерантно вести себя с теми, чьи идеологические, интеллектуальные, эстетические и другие взгляды он не разделяет, но допускает их существование, когда это соответствует базовым ценностям и нормам конкретного социума (общности). Толерантность допускает различия, существование определенной грани между «Мы» и «Другие» (хотя эта граница не является определенной раз и навсегда, она подвижная). В то же время толерантность органично входит в ценностно-нормативную систему общества, когда ее сопровождает социальная коммуникация, которая, на наш взгляд [188]:

- во-первых, поддерживает плюралистический баланс в обществе и создает условия для формирования толерантной общественной атмосферы, свободы мнений и оценок, которые необходимы для формирования рефлексивной толерантности и для превращения «Другого» в полноправного и равноправного субъекта;

- во-вторых, воспроизводит демократические основы сосуществования, без которых становится невозможным или затрудняется диалог между «Мы» и «Другими», а также осознание, формирование и реализация прав человека и групп;

- в-третьих, образ «Другого» представляется с точки зрения отличного, но не «врага»; сама культура в такой коммуникации воспринимается не как единство в многообразии, а как разнообразие единств, когда у индивида и группы появляется право быть другими, и это право в той или иной степени легитимно защищено;

- в-четвертых, пропагандирует диалог между различными культурными и другими группами, а также обучает компромиссу ради социального согласия.

Естественный рост человеческой коммуникации имеет своей подоплекой толерантность, а сама толерантность становится реальностью через установление устойчивых, беспрепятственных разнонаправленных коммуникаций, целью которых является распространение понимания между людьми и признание за ними определенных прав и свобод, а также социальной ответственности.

Таким образом, толерантность становится новой сущностью социальных отношений, она сознательно конструируется для того, чтобы в условиях углубления социальных неравенств, нестабильности и неопределенности не только выжить определенной личности, группе, сообществу, но и приобрести им моральное и легитимное право, не теряя самобыт-

ности, выстраивать новые отношения с другими, отличными культурными мирами. При этом толерантность, как право быть другим, не только осознается, формируется, но и реализуется в процессе коммуникативно-диалоговых взаимодействий. Чтобы быть толерантным, человек должен себя самоограничивать, т. е. уступать своему индивидуальному эгоизму в той мере, в какой он может помешать реализации равных прав и возможностей другими членами конкретного социума. То есть толерантность имеет границы, которые совпадают с границами свободы при наличии объективных оснований для реализации свободы и субъективной готовности к ней субъектов.

Социальная толерантность – это система социальных взаимодействий, которые основаны на понимании и признании многочисленности форм самовыражения личности (группы), а также поддерживаются и воспроизводятся соответствующими технологиями внешнего упорядочения и самоорганизации. Чтобы толерантность заняла свое место в современном обществе в качестве системообразующей ценности, что способствует индивидуальному и социальному развитию в условиях социальной дифференциации, неопределенности и рисков, необходимо изучение механизмов формирования толерантного социального пространства, в т. ч. на *региональном уровне*. Толерантность мы предлагаем рассматривать не только на национальном уровне, но и *в качестве фактора регионального развития*, где она является следствием социальных взаимодействий в специфических регионально обусловленных социокультурных условиях.

2.2. Риски толерантности в условиях глобализации

В новейших социологических дискурсах исследования социальных явлений (процессов), к которым относится и толерантность, происходят с учетом глобализации. Сейчас формируется новое направление – социология глобализации [152]. Признается, что жизнедеятельность индивидов и групп осуществляется при «прогрессирующем упадке социальности в глобализирующемся мире» [123, с. 15], что ведет к конфликтным взаимодействиям и появлению новых интолерантных практик. Тема толерантности становится центральной для обществ, которые признают проблему интеграции на различных уровнях социальной организации как ключевую, т. е. такую, с которой связывается выживание социальных общностей различного уровня и их дальнейшее устойчивое развитие. В условиях глобального мира значение изучения интолерантных практик

как современности, так и прошлого возрастает, поскольку социальная стабильность полиэтнических обществ, которые вступают в интенсивные глобальные межкультурные коммуникации, во многом определяется тем, какие меры принимаются социумом для контроля над интолерантными практиками.

Процесс межкультурного взаимодействия в условиях глобализации описывается следующими основными теориями. Во-первых, это теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона, согласно которой глобализация не является путем к культурной гомогенизации, не способствует взаимопониманию культур и приводит к столкновению цивилизаций, столкновению «попыток сохранить идентичность группой традиционно ориентированных цивилизаций, таких, как исламская, православно-христианская, конфуцианская, или изменить под их влиянием западнохристианскую цивилизацию как лидера глобализации» [175, с. 263]. Во-вторых, теория гибридизации Я. Питерса, согласно которой мягкие формы сращения качеств различных культур создают новые идентичности. В-третьих, теория макдональдизации Дж. Ритцера, описывающая ситуацию отрыва от традиционной идентичности посредством схем упрощенной рациональности.

Таким образом, отличительной чертой современной культуры является глобальность, на волне которой усиливается взаимодействие между различными обществами, рост осознания культурного разнообразия мира и одновременно культурных различий [182], принятие которых различными категориями населения происходит противоречиво.

До сих пор отсутствует анализ того, какую цену платит общество за интолерантность и почему сейчас актуально расширение толерантного социального пространства. Определимся в вопросе теоретико-методологических подходов к социологическому анализу цены интолерантности, а также того, как исторически менялось отношение общества к толерантности/интолерантности.

На первый взгляд может показаться, что актуализация толерантных социальных отношений происходит под влиянием глобальных процессов, определенной унификации и стандартизации социальных отношений и распространения мультикультурализма. Культурная плюрализация происходит как следствие распространения межкультурной коммуникации, повышения социальной мобильности населения, влияния средств массовой коммуникации, интенсификации миграционных процессов, развития туризма [80, с. 56]. Можно согласиться с мнением А. Куропятника относительно того, что мультикультурное общество не является гармоничным по своей сути, особенно в условиях наличия социальных неравенств, поэтому в поликультурном и полиэтническом обществе «культурными различиями

с первостепенным значением для этничности выступают те, которые люди используют для распознавания и определения границы своего коллектива» [80, с. 53]. Этот предел обычно определяет и границы толерантности. А интолерантные практики начинают выполнять защитную функцию, даже получают определенное оправдание в общественном мнении необходимостью соблюдения этой коллективной границы.

Обращает на себя внимание также предостережение А. Тойнби относительно неоправданности концепции «единства цивилизации», которая предлагалась западными учеными на основании унификации мира на экономической почве Запада. А. Тойнби доказывает, что унификация и единство – это разные понятия [162, с. 87], т. е. место для проявлений интолерантности остается и в условиях экономической и политической экспансии тех или иных стран, а иллюзия единства через распространение унификации социальной жизни не ставит препятствий на пути интолерантных практик. В то же время различные общества платят разную цену интолерантности.

Под ценой интолерантности мы понимаем различные эффекты, выражающие потери, которые несет общество в результате несоблюдения основных принципов толерантности и толерантного поведения в повседневной жизни (как на личностном, так и на институциональном уровнях). Определение цены интолерантности затрудняют, на наш взгляд, прежде всего, такие основные моменты: невозможность количественного (формализованного) измерения многочисленных последствий интолерантности; наличие расхождений во времени (опоздание) интолерантного поведения и проявлений негативных последствий интолерантности. Наконец, толерантность реализуется в повседневной жизни благодаря освоению различными индивидами и группами гражданско-правовых способов разрешения споров и толерантного поведения в конфликтных ситуациях.

Анализ цены интолерантности включает определение тенденций, сопровождающих конструирование социального толерантного пространства на протяжении истории человечества. Толерантное социальное пространство мы определяем как систему социальных взаимодействий, основанных на таких технологиях внешнего упорядочения и самоорганизации, которые подчинены общечеловеческим ценностям гуманизма. Отметим, что отношение к толерантности/интолерантности исторически менялось и подвержено изменениям в наши дни [185].

1. Меняется восприятие толерантности/интолерантности и переоцениваются интолерантные практики прошлого.

Интолерантность в современном мире начинает восприниматься как ненормальность, то есть как такое состояние социума, которое против-

речит гуманизму, признанию прав личности, сообщества быть отличными от других. Под этим углом зрения все чаще подлежат переоценке интолерантные проявления прошлого. В качестве примера приведем оценку инквизиции, данную историком Н. Дэвисом: «Ни один средневековый институт не испытывал большего осуждения поздних столетий, чем святая инквизиция. Зверства, которые расцвели во время преследований еретиков, евреев и ведм, многим современным комментаторам ... кажутся просто непонятными. По их мнению, инквизиторы были психически ненормальными. Но когда немного поразмыслить, оказывается, что феномен инквизиции – отнюдь не чисто средневековый. Само определение “нормы” и “отступления от нормы” всегда субъективно. Тех, чье нетрадиционное поведение угрожает важным интересам, можно очень легко дискредитировать, назвав их безумными или опасными. Инквизицию уже сравнивали с оппозицией современного медицинского истеблишмента по отношению к Движению за психическое здоровье. Ее можно сравнить и с отношением советского режима к диссидентам, которых даже в 1980-х годах и далее раз за разом бросали в психиатрические клиники, ставя им диагноз “шизофрения” и силой калеча их медикаментами» [38, с. 470].

И сегодня актуальны слова Дж. Стюарта Милля: «Современная общественная нетерпимость не казнит, не выкорчевывает идеи, а побуждает людей или маскировать свои мысли, или воздерживаться от их распространения» [95, с. 15]. Этому частично способствует регулятивная функция толерантности.

2. Повышается роль ценностной обусловленности отношения к «Другому». Толерантность начинает восприниматься как важная социальная ценность, распространение которой входит в задачи социальной политики [187; 216].

В регуляции социального поведения индивидов, общностей и групп все более заметную роль начинает играть политика государства, опирающаяся на гуманистические ценности. Справедливым нам представляется утверждение о том, что «любая политика, косвенно или непосредственно, опирается на некоторую систему ценностей, на некоторую систему норм; игра сил и игра ценностей становятся в ней глубоко связанными между собой» [96, с. 404]. Моральный контекст любой социальной деятельности заявляет о себе как таковой, сквозь призму которого определяется социальная приемлемость или неприемлемость тех или иных действий других субъектов. При этом социальное государство, которое берет на себя ответственность не только за социальный порядок, но и за социальную безопасность каждого своего гражданина, становится тем институтом общества, который призван обеспечивать толерантность. Собственно толерантность в наше время можно рассматривать как

продолжение социально-государственной солидарности в условиях признания не только коллективной, но и индивидуальной ответственности за устойчивое развитие общества.

3. Средства борьбы с «Другими» (представлениями, течениями) исторически изменялись, как и системы социального контроля. Человечеством наработаны многочисленные формы социального контроля, базирующегося как на ценностной регуляции социального поведения, так и на принуждении. Жесточайшими по отношению к «Другим» являются репрессии (особенно политические и религиозные). Кто прибегал к репрессиям и распространял интолерантность среди населения? Обычно, те институты, которые в социуме в конкретный период времени имели достаточное влияние. Например, в Средние века это была церковь. Почти единодушно исследователями определяется средневековая культура как такая, которая демонстрирует ярко выраженный церковно-религиозный характер, что проявлялось в науке, искусстве, школе, в повседневной жизни людей. Для Средневековья, начиная с XI в., характерным стало распространение так называемых ересей, которые имели не только религиозный, но в большей степени социальный характер. В качестве ересей выступали многочисленные религиозные течения, направленные против господствующей феодально-католической церкви. Результатом еретических движений было отделение от церкви определенного числа верующих [56, с. 620–622]. А церковь в ответ разжигала религиозную интолерантность.

Таким образом, отношение к толерантности/интолерантности исторически менялось, толерантное социальное пространство начало увеличиваться с признанием социумом ценностей гражданских свобод и прав человека и становлением гражданского общества.

Оптимизация социального взаимодействия в контексте толерантности требует, на наш взгляд, технологизации социологического знания, что, в свою очередь, актуализирует исследование рисков социальной толерантности как на личностном, так и на институциональном уровнях.

Реализация толерантности в украинском обществе, которое характеризуется полиэтничностью и поликонфессиональностью, проходит противоречиво не только в этносфере, но и в сфере политики, культуры, экономики, актуализирует исследование рисков социальной толерантности/интолерантности, особенно в контексте глобализационных влияний. С точки зрения глобализации обычно проводятся исследования тех социальных явлений (процессов), на развертывание которых влияние глобализации оказывается одним из решающих. Это, на наш взгляд, в полной мере в глобальном поликультурном мире касается проблемы толерантности/интолерантности.

Сущность глобализации трактуется по-разному в зависимости от того, на каких аспектах акцентируется внимание исследователей: на экономических, на формировании мирового информационного пространства, на проблемах культуры, на вопросах разработки стандартов в различных областях общественной жизни и др. Соответственно, существует и ряд концепций глобализации, которые разрабатывают соответствующую методологию изучения влияния глобализации на те или иные общественные явления. Однако ощущается недостаток исследований, которые бы изучали риски, связанные с толерантными/интолерантными практиками в условиях глобализации.

Мы согласны с тезисом, высказанным С. Красиковым относительно того, что многообразная глобализация разрушает «универсалии» и утверждает культурную открытость вне конкретного пространства и времени, она «качественно меняет характер политических рисков», ведь «открытость и рефлексивность социума связаны друг с другом» [70, с. 163]. Следует отметить, что данное утверждение можно распространить и на риски толерантности/интолерантности, ведь глобальная открытость, с одной стороны, обостряет интолерантность, а с другой – требует конструирования толерантного социального пространства, которое открывает новые возможности для межкультурных взаимодействий и устойчивого социального развития.

Системное изучение глобализации сейчас происходит в рамках многочисленных методологических подходов, где глобализация рассматривается а) как эпоха глобального экономического роста, б) эпоха глобального мультикультурного общества, в) как системная трансформация мира, г) как разрушение культур и традиций [201, с. 48–49]. Последний подход, на наш взгляд, является эвристическим при социологическом исследовании рисков толерантности/интолерантности в условиях глобального мира. Как справедливо утверждает М. Алиев, «глобализация может работать на любую форму согласия – образующую и разрушительную, и положительную и отрицательную. Исторический процесс отдает предпочтение тем формам, которые помогают жить в согласии всем жителям Земли ...» [1, с. 28]. Развертывание толерантных практик и способствует такому сценарию общественного развития.

Методологической основой исследования рисков толерантности в условиях глобализации может выступать теория комплексности. Например, Джон Урри для анализа модерности и глобальности предлагает использовать данную теорию на основании того, что она придает социальным наукам метод анализа современных хаотических и непредсказуемых социальных процессов. К особенностям сложных систем автор относит следующие: события и элементы влияют друг на друга;

маленькие причины могут вызвать большие последствия; изменения могут быть катастрофическими в период трансформации систем. Исследуя социальные процессы в условиях глобализации, данный автор предлагает традиционный анализ, описывающий переход от локального к глобальному, от микроуровня до макроуровня; заменить анализом множественности систем мобильных взаимосвязей. Это обусловлено тем, что не существует центра или периферии глобальной системы, существуют сложные системы взаимосвязей событий и явлений. При анализе многих систем в данном контексте целесообразно использовать не категории микро- или макроуровня, а понятия скорости, волн, ритма, гармонии и т. д. Глобальная комплексность представляет собой множественность взаимодействующих материальных систем. Джон Урри выделяет две основные формы таких систем: 1) глобальные взаимосвязи/системы (например, «Кока-кола», «Сони», «Майкрософт» и т. д.); 2) глобальные флюиды – это деньги, автомобили, социальные движения, Интернет и т. д., т. е. флюидные системы, которые распространяют не продукт, а контекст действия, способ самоорганизации, безграничное количество взаимосвязей [225]. Характер последних может быть как толерантным, так и интолерантным.

Интолерантные практики, по мнению М. Поповича, в современном глобальном мире проявляются из-за ряда нерешенных проблем: а) наличие глобальных конфликтов при отсутствии четких методов их преодоления, б) «... отсутствие понимания коллективной ответственности в демократических и либеральных представлениях о преступлении и наказании, грехе и покаянии. Каждый отвечает только за то, что он сам лично сделал» [цит. по: 68, с. 148]. Вместе с тем недостаточно убедительным является предложение формировать коллективную ответственность через национальную идентичность и, соответственно, национальную толерантность. Думается, отрицанием этого служит изменение места и роли национального в глобальном мире, когда национальная идентичность уже не может олицетворять все моменты существования человека, а, следовательно, путь к толерантному поведению может быть не только через национальную толерантность, но и в большей степени через социальную толерантность, которая вмещает в себя представления о большем круге социальных неравенств, чем те, которые ограничены национальными особенностями человеческого существования и мировосприятия (национальной ментальности).

При определении рисков толерантности/интолерантности стоит обратить внимание на предостережения У. Бека о том, как развиваются социальные процессы в условиях глобализации: «Глобализация подразумевает процессы, в которых национальное государство и его суверенитет

вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентациям и идентичности» [10, с. 26]. Кроме того, «в наибольшей степени потенциал мощи глобализма создается инспирированной угрозой: всем руководит сослагательное наклонение – “могло бы быть”, “должно бы быть”, “если, то”... Семантическая гегемония, публично разжигаемая идеологией глобализма, является источником власти и могущества ...» [10, с. 208–209]. Глобализация и связанные с ней общественные трансформации, по крайней мере в тех формах, в которых они воспроизводятся сегодня, не дают решения социальных проблем и, соответственно, не стимулируют повышение уровня толерантности ни в развитых странах, ни в развивающихся, ни в мировом социуме в целом. Отметим, что воспроизведение рискованных практик в условиях толерантных отношений обусловлено, прежде всего, действием таких выделенных нами факторов [187]:

1) уровень социально допустимого или разрешенного риска в обществе и его подсистемах. Известно, что существуют социокультурные и социально-политические, национально-государственные особенности восприятия риска (они обычно определяются угрозами, которые сами несут);

2) степень сложности, опасности конкретных жизненных ситуаций, в которые попадают отдельные индивиды и группы в результате нарушения их прав (в данном случае идет речь о так называемых рисках социальной эксклюзии и их восприятии);

3) эффективность действующих институтов социальной защиты, систем безопасности и социального страхования рисков;

4) готовность индивидов и групп к отдельным видам риска, овладение ими технологиями выхода из проблемных ситуаций;

5) степень развития креативности мышления, самосохранительного поведения, индивидуальной и коллективной ответственности субъектов;

6) уровень социальных страхов, возникающих в ответ на длительное пребывание индивидов и групп в рискогенных ситуациях.

Концептуализация понятия риска в социологических исследованиях происходит по разным основаниям. Риск рассматривают как категорию, отражающую, «во-первых, характеристику условий жизнедеятельности социальных субъектов в состоянии перехода от ситуации неопределенности к ситуации определенности (и наоборот) – средний риск, во-вторых, саму деятельность при данных условиях, когда появляется обоснованная возможность выбора при оценке вероятности достижения предусмотренного результата – деятельностьный риск» [197, с. 17–18]. Довольно распространенным является взгляд, согласно которому риск – это мера опасности, то есть чреватость нежелательного и опасного для социума (социальных групп и их представителей) развития событий, которые

сопровожаются осознанием угроз. Как отмечает И. Яковенко, «риски связаны с неопределенностью значимых параметров среды человеческого существования, которые нельзя устранить» [212, с. 9]. Как известно, угрожающие события способны приводить к хаотизации, дезорганизации человеческого существования, поэтому нежелательны как для отдельного индивида, так и для общества в целом. Интолерантность и является тем нежелательным событием, которое пытаются в современном мире контролировать для устранения возможных негативных последствий интолерантного поведения в различных общественных сферах. На этом подходе настраивает эпоха плюрализма. Такое движение началось с появлением религиозного плюрализма и потребности в межконфессиональной толерантности [222] и сейчас активно распространяется на все сферы общественной жизни, придавая им новый импульс развития в толерантном социальном пространстве.

Риск в социальном пространстве рассматривается также как «потенциальная возможность угрозы будущих потерь (убытков), обусловленных субъективным решением» [127, с. 28]. Соответственно, типология рисков на основе категории потери (убытки) выглядит следующим образом: материальный, физический, психологический, социальный, духовный, моральный, экономический риски. Индикаторами риска становятся: риск – компенсация, риск – выгода, риск – тревожность, риск – защищенность, риск – допустимость, риск – решение [127, с. 28–30]. С указанными видами рисков встречаются те социальные группы (их представители), которые чаще всего сталкиваются с интолерантным отношением к себе (например, мигранты, беженцы и др.).

В дискуссии относительно предметной сферы и специфики методологии социологии риска, которые не утихают на протяжении последних трех десятилетий, определился новый исследовательский интерес, который заключается в заинтересованности изучения разрушительного воздействия факторов риска на те или иные социальные группы. Потребность в толерантных отношениях повышается, когда в социальной системе воспроизводятся рискованные практики без адекватных систем их регулирования, возникает неуправляемая маргинализация. В «обществе риска» (по У. Беку) возникают новые сообщества – сообщества «жертв риска» и «производителей риска», формируются риск-солидарности, цель которых – защищать определенный порядок в борьбе с другими сообществами. Например, появление таких «жертв риска» может обуславливать гендерная дискриминация, подтверждением чего являются такие явления, как феминизация бедности, феминизация безработицы и т. д.

Известно, что преодолевать негативные проявления многих социальных рисков пока позволяют системы социального страхования как

один из элементов системы социальной защиты (в современной Украине существует четыре вида обязательного государственного социального страхования). Не на все риски общество обращает одинаковое внимание, не все опасности пытается предсказать и уменьшить их негативное влияние на социум. Следует согласиться с тезисом С. Красикова относительно того, что общество строит иерархию рисков и при этом «... выбирает как наиболее опасные те, что зеркально отражают общественные идеалы. ... Именно поэтому риски становятся предметом не столько естественнонаучных и экспертных обсуждений, сколько политических и общественных дискуссий» [71, с. 18]. Это касается, на наш взгляд, и рисков толерантности. Ситуации любого риска, в том числе риска интолерантного поведения, присущи определенные условия, среди которых чаще всего называются следующие: наличие неопределенности; необходимость при принятии любого решения учитывать альтернативы и вероятность реализации каждой из них. Так возникло научное течение, которое рассматривает толерантность в ситуации неопределенности и возможности ее формирования. Можно предположить, что различные уровни толерантности сопровождаются различными рисками (как по видам, так и по степени выражения). Риск социальной толерантности можно рассматривать, прежде всего, как ситуационную характеристику социальных взаимодействий в условиях плюрализма мнений и действий. Однако риски толерантности/интолерантности имеют разную природу и именно учет этого аспекта усложняет как их идентификацию, так и оценку, и социальное регулирование. В данном случае возникает необходимость в развертывании широкого социального диалога в обществе по вопросам, которые вызывают полярность подходов и являются отражением различных позиций, интересов тех или иных индивидов и групп.

В Украине наступление определенных событий защищается также соответствующими социальными программами, т. е. граждане, попавшие под их действие, являются формально защищенными. К таким событиям относятся, в частности, старость, инвалидность, потеря кормильца, болезнь, профессиональное заболевание, несчастный случай, безработица, бедность семей с детьми, потери из-за стихийного бедствия или катастрофы и некоторые другие. Можно считать, что наше общество уже самим фактом наличия правового механизма защиты граждан от указанных социальных рисков достаточно толерантно (прежде всего, на уровне правового сознания) относится к тем социальным группам (индивидам), которые вследствие указанных событий нуждаются в заботе и защите. Вместе с тем толерантность по отношению к группам, которые попадают под риск потери доходов, и толерантность по отношению к носителям

другой культуры имеет различные механизмы формирования развития и различные внешние проявления. Распространение «культуры толерантности» и уменьшение интолерантных практик в этой сфере требует применения более гибких инструментов, чем системы социальной защиты. Прежде всего, речь идет о просветительской деятельности и межкультурном диалоге в обществе.

Сейчас растет потребность в толерантности активной, о чем косвенно свидетельствует ориентация на практическое использование концепта толерантности в ходе политической модернизации, или даже рассмотрение толерантности в качестве не только культурной нормы, но и политической необходимости [36]. А. Петров, обобщая определения политической толерантности, справедливо отмечает, что «толерантность – это активная позиция индивида, а не пассивно-терпеливое отношение к тем событиям, которые происходят. Толерантный человек не должен быть терпеливым, например, к нарушению прав и свобод человека или к каким-то манипуляциям или спекуляциям. Поэтому надо разделять толерантное поведение и рабскую терпимость» [115].

Социальную толерантность мы рассматриваем как особый тип социального взаимодействия. Тогда встает вопрос о том, какой набор типов взаимодействий способствует именно социальной толерантности. Возьмем за основу наиболее распространенную классификацию типов взаимодействий, в которой выделяются следующие взаимодействия: естественные (на них базируются такие объединения, как популяции), эмоциональные (становятся почвой сообществ), языково-коммуникационные (охватывают сообщества), деятельностные (без них не существует общество), правовые (на их основе возникает и функционирует государство) [16, с. 10]. Социальную толерантность создают, поддерживают и воспроизводят все указанные типы взаимодействий, но ведущим, как мы дальше будем обосновывать, является деятельностно-коммуникативное взаимодействие. Именно последнее создает (виртуально и реально) толерантное социальное пространство.

Таким образом, можно констатировать востребованность активной толерантности, под которой мы будем понимать действия социальных групп и сообществ (включая представителей управленческих и властных групп), направленные на практическое воплощение принципов толерантности в социальные взаимодействия в рамках конкретного социального времени и пространства. Осознание активной (деятельной) природы толерантных отношений логически выводит анализ концепта «толерантность» на проблему культуры толерантности, которая предусматривает освоение культуры толерантных отношений на всех уровнях: межличностном, политическом, профессиональном и др.

2.3. Культура толерантности и факторы, ее обуславливающие

Сейчас учеными и практиками признается как идеальный и желанный социум, которому присущ высокий уровень культуры социальной толерантности. Понятие «культура социальной толерантности» пересекается с понятием «культура мира», но их социологи только начинают использовать и, как понятие «согласие» и «толерантность», в научном анализе данной проблемы они все еще не разведены [1]. Это трудно сделать в условиях неопределенности понимания того, что есть плюрализм в социальной теории.

Культуру социальной толерантности мы определяем как такой способ взаимодействия социальных субъектов с другими, отличными мирами, который является цивилизованным, мирным, происходит на основе диалоговых взаимодействий и партнерства. Развитие культуры толерантности может стать методом противодействия интолерантности как угрозе социальной безопасности в современном социуме в целом и в разных его сферах.

Социологами признается эвристическая роль показателя социальной удовлетворенности при определении меры толерантности общества: высокий уровень социальной удовлетворенности «существенно способствует укоренению толерантности, низкий – оттесняет ее на периферийные позиции общественной жизни» [24, с. 67]. Однако, на наш взгляд, культура социальной толерантности не сводится лишь к социальной удовлетворенности, ведь последняя сама определяется уровнем общественных потребностей и требований. Критерием социальной толерантности, на наш взгляд, может выступать степень овладения различными субъектами конкретными условиями мирной жизнедеятельности в поликультурном мире. К показателям культуры социальной толерантности, которые соответствуют данному критерию, нами отнесены такие:

- степень социальной удовлетворенности;
- интегральный индекс социального самочувствия;
- уровень развития толерантной компетентности;
- степень овладения субъектами диалоговыми формами социального взаимодействия;
- ценностное единство социальной общности на основе принципов толерантности;
- уровень доверия к властным институтам и институтам гражданского общества;
- расхождение между декларируемыми и реальными правами человека, уровень соблюдения этих прав и свобод;
- зона дискриминационных практик и отношение к ним;

- уровень стабильности в государстве и обществе;
- индивидуальная и коллективная ответственность за среду обитания человека;
- уровень соблюдения прав и свобод человека (см. п. 3.1 данной монографии).

Отдельно отметим, что состояние социальной толерантности определяется рядом разнонаправленных факторов: внутренних и внешних, объективных и субъективных, личностных и институционализированных. Значительную роль в распространении социальной толерантности играют внешние условия существования индивида, социальной группы, общества в целом, наконец, международная среда, те условия, которые вызывают негативные проявления социальных неравенств.

Следует подчеркнуть, что концепт социальной толерантности, как показывает история теоретического осмысления этого феномена, вызревал постепенно и в европейской культуре стал продуктом Реформации. Можно согласиться с Н. Кругловой, которая отмечает: «Переключение активности европейца на построение материальных основ цивилизации, которые вдохновлены протестантской этикой, самоуважением владельца-труженика, дарованным богатством – вот те предпосылки, которые стали толчком к возникновению реальной толерантности. Терпимость в человеческом обществе не появляется сама собой, она требует усилий, борьбы, обоснования, но она требует и материально благополучного общества. “Нетерпимость людей бедных – одна из самых ужасных, именно они первыми впадают в неприятие знаковости” (У. Эко)» [75, с. 21]. Так тема толерантности пересекается с проблемой социального неравенства.

Социальная толерантность и социальная дискриминация взаимосвязаны между собой, хотя их соотношение не кажется простым и однозначным. В то же время ученые отмечают необходимость учитывать эти феномены. Например, Ю. Хабермас отмечает: «Только критерий недискриминации создает моральные и правовые основы взаимоотношений граждан, которые становятся сильнее веских доказательств до отторжения терпимых в нем убеждений и взглядов других. На этой основе нормативного соответствия притуляется конфликтный потенциал противоречий между конкурирующими видениями мира в социальном измерении гражданского равенства, которое продолжает существовать на когнитивном уровне. В этом отношении толерантность начинается лишь при условии отсутствия дискриминации» [180, с. 50]. Это утверждение нам представляется далеко не универсальным, что подтверждается данными социологических мониторингов. В частности, по результатам «Европейского социального исследования» 2005–2007 гг., проведенного в более чем 20 государствах Европы (руководитель проекта – Р. Джовел, с украинской

стороны – Е. Головаха), уровень социальной дискриминации в Украине по состоянию на 2007 г. был на уровне (или даже превышал его) показателей развитых стран Европы. На вопрос «Можете ли Вы сказать, что принадлежите к группе, которая в Вашей стране подвергается дискриминации?» 94% респондентов в Украине ответили «нет» (см. приложение, табл. 2). Одновременно, по данным Н. Паниной, уровень национальной толерантности в Украине вызывает определенное беспокойство [110] и это несмотря на ограниченное распространение дискриминационных практик. Можно предположить, что последние косвенно влияют на состояние толерантности через социокультурные механизмы.

Вместе с тем, в условиях глобализации культуру социальной толерантности, на наш взгляд, определяют также два внешних фактора. Во-первых, это уровень открытости социетальной системы. Известно, что социетальные системы делятся на «закрытые» и «открытые». Первый тип обществ – это системы без обмена со средой, в частности, без эмиграции и иммиграции. Крайний случай – страны, где «закрытость» доведена до максимально возможной в наше время изоляции от внешнего мира и где формируется психология людей «крепости в осаде». Второй тип обществ – открытость для приема внешних факторов и передачи во внешнюю среду информации и ресурсов. Открытые системы более развиты по сравнению с закрытыми [178, с. 36]. Открытые же системы в большей степени для своего развития требуют социальной толерантности. Во-вторых, это устоявшаяся коэволюция природы, общества и человека. Сближение социума и природы, различных сфер общественной жизни, их согласованность во времени и пространстве становятся возможным при высокой культуре социальной толерантности.

Культура социальной толерантности в украинском обществе поддается измерению благодаря мониторинговым исследованиям, которые проводят сотрудники Института социологии НАН Украины с 1992 г. по настоящее время. Данные мониторинга позволяют нам представить культуру социальной толерантности, измеряемую с помощью таких показателей, которые частично охватывают предлагаемые нами показатели: 1) уровень национальной толерантности; 2) уровень ценностно-нормативного единства общества; 3) уровень стабильности в государстве и обществе; 4) уровень соблюдения прав человека; 5) уровень доверия к властным структурам и институтам гражданского общества; 6) интегральный индекс социального самочувствия населения.

Н. Панина зафиксировала в украинском обществе за период с 1992 г. по 2002 г. «скачок» от национальной толерантности и обособленности к изолированности и ксенофобии (табл. 2.1). Классификация населения Украины по уровню национальной толерантности рассчитана исследова-

телем на основе интегрального индекса национальной дистанцированности (далее – ИИНД). К первой группе – толерантность – отнесены респонденты, чей ИИНД не превышает значение в 4 балла. Вторая группа – обособленность – включает лиц со значением ИИНД от 4 до 5 баллов («пусть живут эти представители в Украине и мне не хотелось бы вступать с ними в непосредственные контакты»). Третий уровень включает тех, чей ИИНД в диапазоне 5–6 баллов и характеризуется ориентацией на изолированность. Четвертый уровень – ксенофобия – характеризуется нежеланием вообще допускать в страну представителей большинства национальностей [109, с. 453].

Таблица 2.1

Изменение уровня национальной толерантности
населения Украины, в % [109, с. 453]

Уровни толерантности	Доля населения с соответствующим уровнем толерантности	
	1992 г.	2002 г.
Толерантность	35,2	9,9
Обособленность	25,2	16,0
Изолированность	33,3	48,1
Ксенофобия	6,3	27,0

Результаты мониторингового опроса 2006 г. демонстрируют высокий уровень психологической обособленности населения Украины и роста ксенофобии [135, с. 304]. Данные мониторинга свидетельствуют, что за исключением украинцев, русских и белорусов, украинские граждане не очень склонны пускать в свое личное пространство представителей других этносов.

Весьма высокий уровень национальной дистанцированности от мусульманских этносов беспокоит ученых, поскольку современная Украина принадлежит к группе европейских стран, имеющих собственное мусульманское население [135, с. 304]. В табл. 2.2 представлены данные по уровню открытости (толерантности) в группах нерелигиозных, православных и греко-католиков среди граждан Украины. Население Украины испытывает дефицит ценностного единства, стабильности в государстве и обществе, соблюдения прав и свобод человека (табл. 2.3–2.5), что становится потенциальной угрозой распространения интолерантных практик.

Таблица 2.2

Уровень открытости (толерантности)
в группах нерелигиозных, православных,
греко-католиков среди граждан Украины [135, с. 305] *

Национальная дистанцированность населения Украины от ...	Общая выборка N = 1800	Нере- лигиозные N = 226	Право- славные N = 1372	Греко- католики N = 134
Азербайджанцев	10,9	8,4	12,1	4,5
Американцев	13,9	12,9	13,2	14,8
Арабов	5,5	7,1	5,7	3,0
Афганцев	4,6	5,7	5,0	0,7
Белорусов	48,5	47,6	51,9	14,9
Венгров	21,3	19,5	22,1	12,6
Грузин	18,2	15,6	19,4	9,0
Евреев	23,7	20,9	26,0	6,8
Китайцев	7,9	10,6	8,3	2,2
Крымских татар	11,6	12,1	12,2	3,7
Молдаван	17,0	21,5	16,6	12,7
Немцев	24,7	28,1	24,6	28,4
Поляков	29,6	33,7	28,4	35,8
Русских	63,7	71,2	66,5	28,4
Румын	19,8	22,6	20,2	15,7
Словаков	24,2	21,8	25,0	21,6
Турок	9,5	10,2	9,5	8,5
Украинцев	78,1	81,3	78,6	69,4
Цыган	4,2	4,7	4,4	2,3
Чехов	21,1	21,4	21,3	19,4
Чеченцев	4,6	4,8	5,0	3,0

* Доля в % респондентов, ответивших «согласен допустить» указанные этносы в качестве: 1) членов семьи; 2) близких друзей; 3) соседей; 4) коллег по работе.

Таблица 2.3

Ответы респондентов на вопрос: «Хватает ли Вам норм и ценностей, объединяющих людей в государстве и обществе?» (по данным социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины, опрошено население Украины старше 18 лет) [171, с. 497]

	1995	1997	1999	2000	2005	2006
Не хватает	33,2	33,1	41,0	39,1	39,2	36,9
Трудно сказать, хватает или нет	40,7	39,5	34,2	36,9	34,9	37,4
Хватает	7,2	5,1	8,7	9,1	14,4	15,2
Не интересуется	17,5	21,4	14,9	14,6	11,2	9,9
Не ответили	1,3	0,9	1,2	0,3	0,2	0,7
Средний балл	1,7	1,7	1,7	1,7	1,8	1,8

Таблица 2.4

Ответы респондентов на вопрос: «Хватает ли Вам стабильности в государстве и обществе?» (по данным мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины, опрошено население Украины старше 18 лет) [171, с. 499]

	1995	1997	1999	2000	2005	2006
Не хватает	66,6	70,9	78,0	76,3	67,7	72,2
Трудно сказать, хватает или нет	20,3	19,8	13,9	14,8	20,2	17,6
Хватает	5,2	3,1	2,5	4,5	7,7	6,3
Не интересуется	6,7	5,5	4,5	4,0	4,2	3,5
Не ответили	1,2	0,6	1,0	0,5	0,3	0,5
Средний балл	1,4	1,3	1,2	1,3	1,4	1,3

Таблица 2.5

Ответы респондентов на вопрос: «Хватает ли Вам соблюдения в Украине прав человека?» (по данным мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины, опрошено население Украины старше 18 лет) [171, с. 495]

	1995	1997	1999	2000	2005	2006
Не хватает	53,2	62,4	64,8	63,5	62,2	61,2
Трудно сказать, хватает или нет	32,9	29,2	25,2	26,1	25,7	26,8
Хватает	7,2	4,8	6,2	6,7	8,2	8,9
Не интересуется	5,5	3,1	3,0	3,1	3,7	2,6
Не ответили	1,3	0,5	0,8	0,4	0,2	0,5
Средний балл	1,5	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5

Ниже приведен интегральный индекс социального самочувствия населения Украины (по данным социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины, опрошено население Украины старше 18 лет) (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины (по данным социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины, опрошено население Украины старше 18 лет) [171, с. 503] *

	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006
ИСС-20	35,1	34,8	34,8	35,5	37,3	36,8	38,3

* Диапазон шкалы социального самочувствия ИСС-20 – от 20 до 60 баллов, 40 баллов – среднее значение (условный ноль), ниже которого находятся показатели отрицательного уровня удовлетворения потребностей.

Однако в последнее десятилетие фиксируется стабильно низкий уровень доверия граждан Украины к институтам, политическим партиям, органам правопорядка, профсоюзам, международным структурам, что не способствует росту культуры социальной толерантности. Трансформационные процессы обострили социальные отношения, ослабили диалог различных групп, усилили интолерантные настроения и поступки. Толерантность является одной из фундаментальных основ социального согласия, ведь социальная устойчивость общества обусловлена характером связей и отношений между его основными элементами. В рамках этой системы функционируют различные сообщества и группы – нации, классы, гендерные, профессиональные, конфессиональные и другие социальные группы и слои. В процессе трансформации украинского общества произошли кардинальные изменения всех элементов его социальной структуры, которые имели преимущественно негативное влияние на реализацию принципа толерантности, организацию солидарных действий.

Реализация толерантности в украинском обществе во многом определена его полиэтничностью и поликонфессиональностью. Толерантные и интолерантные отношения активно проявляются в этносфере. Специфику украинской толерантности ученые все чаще связывают с национальным характером [91, с. 115–120]. При таких условиях только социальный диалог может способствовать улучшению общественных взаимоотношений. При

этом он является активным действием, а демонстрация толерантности в ходе его проведения может характеризовать ее как активную. Деятельностный контекст толерантности подчеркивают авторы монографии «Ксенофобия в современном обществе» (отв. ред. В. Ачкасов, Д. Мутагиров, 2008), использующие понятие «общественная толерантность», которое они трактуют как «... двуединый процесс: когда личность культивирует в себе установку на согласие и сотрудничество и когда общество всячески поощряет эту установку, особенно через образование и средства массовой информации» [76, с. 89]. Стоит обратить внимание на тезис о том, что толерантность отличается от терпимости именно наличием активного компонента. «Понятие толерантности, хотя и отождествляется большинством источников с понятием терпимости, имеет более яркую активную направленность. Толерантность – не пассивное, не естественное покорение мнению, взглядам и действиям других, не покорное терпение, а активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпению во имя взаимопонимания между этносами, социальными группами, во имя позитивного взаимодействия с людьми другого культурного, национального, религиозного мировоззрения или социальной среды» [117]. На наш взгляд, активная толерантность – это не просто отсутствие враждебности, агрессии, но и заинтересованное отношение к людям другой национальности, одобрение самого факта их существования, стремление их понять и найти с ними взаимопонимание. Следовательно, возможности реализации толерантности в украинском обществе зависят от социальных, культурных и правовых традиций, уровня общей культуры граждан, от взвешенной политики правящей элиты. Это не исключает роли таких внешних факторов, как цивилизационные различия и уровень межгосударственного сотрудничества.

В Украине интолерантность в значительной мере провоцируют социальные неравенства между бедными и богатыми (68,5 %), между политиками и обычными гражданами (52,0 %), между наемными работниками и управленцами, владельцами на предприятиях (47,0 %). Об этом свидетельствует анализ удельного веса респондентов, которые признали наличие напряженности между группами людей в украинском обществе по состоянию на 2009 г. и прогнозные оценки до 2020 г. (по данным Всеукраинского социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины, 2009 г., N = 1800). По мнению респондентов, эти неравенства до 2020 г. не будут нивелированы: 41,3 % опрошенных считают, что увеличится пропасть между богатыми и бедными, 42,2 % – между политиками и обычными гражданами, 41,3 % – между наемными работниками и управленцами, владельцами на предприятиях (см. приложение, табл. 3). Эти данные подтверждают, что решение проблемы

формирования толерантного социального пространства в Украине сдерживают негативные проявления социальных неравенств.

Как формировать социальную толерантность, рожденную новыми социальными неравенствами? Обратимся к новым социальным неравенствам в трактовке С. Макеева, который к последним относит следующие неравенства.

Во-первых, неравенства, связанные с теми благами, шансами, возможностями, которые не были характерны для прошлого; новое дефицитно по определению, чем и обусловлен неравный доступ к нему. Во-вторых, неравенства по степени дифференцированности: то, что раньше разъединяло, теперь может иметь отношение к социальным категориям. В-третьих, неравенства, возникающие вследствие новых причин, обусловленные живым и текущим социально-экономическим контекстом. В-четвертых, неравенства как новые неоднородности в середине традиционных слоев населения – классов (новое расслоение внутри рабочего класса, например), а также различных категорий занятого населения или социально-демографических категорий (мужчины и женщины, индивиды всех возрастов). В-пятых, модифицированные или такие, что начали модифицировать стратификационные порядки и характеризуются новыми режимами воспроизводства социального статуса. С. Макеев различает две разновидности институционализированных социальных неравенств [105, с. 39–40]: формально институционализированные неравенства, т. е. закрепленные в определенных нормативах, инструкциях, а также неравенства-фактичности – иногда очевидные, но чаще неявные продукты нерегламентированной игры социальных сил.

Социально толерантное поведение определяют не только существующие виды неравенств в социуме, но и их восприятие. Известно, что «люди, принадлежащие к одному социуму, но занимающие в нем различные социальные (или, если пользоваться традиционной терминологией, классовые) позиции, обычно неодинаково воспринимают едва ли не все стороны общественной жизни» [3, с. 38].

Тема соотношения социальной толерантности и социального неравенства не может считаться исчерпанной без учета такой тенденции, как конверсия социального неравенства в политическое. Этой теме посвящена монография «Социальное неравенство и публичная политика» (ред. кол.: Медведев В. А. (отв. ред.), Горшков М. К., Красин Ю. А., 2007). Ее авторы доказывают, что порожденное различными причинами социальное неравенство так или иначе воспроизводит себя и в политической жизни, причем даже при наличии формального равенства политических прав граждан (групп). Почва для интолерантности возникает, когда обостряются социальные отношения на фоне перепадов в экономическом положении

и социальном статусе людей и при экстраполяции неравенств на политику. Тогда пирамида избыточного неравенства достраивается: «те, кто находятся на верхушке и располагают богатством, стремятся прибрать к своим рукам и политику, используя для этого рычаги власти для закрепления своего доминирующего положения в государстве». Таким образом, авторы монографии показывают, как «преимущества и выгоды эксклюзивного расположения в матрице социального неравенства (владение собственностью, высокие доходы, ключевые позиции в элитной иерархии) так или иначе конвертируются в политическое влияние» [151, с. 71]. Рассмотрим каналы такого влияния, ведь группы (сообщества), которые по тем или иным причинам отстранены от этих каналов, могут провоцировать интолерантность к тем, кто приближен к таким каналам и ими пользуется. Каналами конверсии социального неравенства в политическую плоскость становятся такие [151, с. 71–72]:

- «близость к центрам власти, которая позволяет формировать приоритеты политической повестки дня;
- наличие финансовых ресурсов влияния на публичную политику;
- материальная поддержка партий и общественных организаций;
- личная уния с правящей политической элитой;
- создание мощных и хорошо финансируемых лоббистских структур;
- прямое и опосредованное манипулирование СМИ;
- подкуп государственных служащих, депутатов и судей;
- формирование полулегальных и нелегальных силовых группировок, использующихся в качестве средств воздействия на граждан и политические институты».

Указанные каналы можно рассматривать как внутренний фактор, который существенно влияет на формирование культуры социальной толерантности в государстве (регионе). При этом отстраненные от экономической и политической жизни социальные группы создают «группы риска» и одновременно склонны к проявлениям социальной интолерантности. Для кого же толерантность становится наиболее востребованной? Ответ на этот вопрос находим в таком заключении: «Наиболее возлагают надежды на внедрение толерантности “слабые”, они непосредственно выигрывают от этого. Толерантность призвана скрыть их уязвимость. А “сильные” не нуждаются в преимуществе толерантности. Она для последних является свойством самоограничения. Однако может случиться так, что сегодня тот, кто “слабее”, на следующий день может стать “сильным”, а те, кто сегодня были “сильными”, могут стать на следующий день “слабее”. Толерантность закладывает дискурс перспективного мышления и учета этой возможности» [219].

В конце концов, человечество признает необходимость перехода от культуры насилия к культуре мира. М. Бертильсон по этому поводу отмечает перспективы поисков социологов: «... Груз социальных наук, особенно социологии, попробовать трансцендировать непосредственно настоящее время (что постмодернизм от нас долго скрывал) и посмотреть на долгосрочные социетальные последствия “естественного выбора индивидов”, которые сейчас преследуют всех нас. ... Эволюция человечества отныне не просто естественный процесс, а осознанный проект человечества» [12, с. 126]. В этом проекте должна найти свое место социальная толерантность как основа социальных взаимодействий в поликультурном мире.

Подведем некоторые итоги. Понятие толерантности имеет конкретно-историческое и социальное измерения. В условиях дефицита социального равенства актуализируется социальная толерантность, которая предусматривает такой способ коммуникаций между индивидами и группами, который при наличии различий, провоцирующих неравенства, способствует реализации гуманно и плюрально ориентированных стратегий и практик на основе социального диалога и признания прав «Другого». Развитие культуры толерантности может стать методом противодействия угрозам социальной безопасности в украинском социуме, которую усиливает углубление социальных неравенств.

Социальная толерантность проявляется через функции, реализация которых свидетельствует об уровне толерантности в конкретном социуме. Функции толерантности обусловлены социально-историческими условиями и спецификой функционирования конкретного социального института и конкретной социальной группы.

Риск интолерантности – это потеря социальной системой устойчивого развития, риск толерантности – это потеря границы, где заканчивается то, что допустимо с точки зрения гуманизма. Новая система образов глобализации и их восприятия различными социумами способны повышать социальные риски. В частности, в глобальном мире существуют специфические механизмы идентификации, влияние которых на развертывание толерантных/интолерантных социальных практик требует дальнейшего социологического изучения. Неконтролируемый рост социального неравенства в постсоветских странах приводит к повышению напряженности в обществе и, соответственно, к поискам путей оптимизации социальных взаимодействий. Одним из таких путей можно считать распространение такой культуры толерантности, которая вносит конструктивность в общественную жизнь и способна преодолевать негативные последствия дифференциаций, присущих тому или иному обществу. Среди факторов усиления неравенств в современном украинском обществе прежде указываются следующие: низкий уровень легитимности собственности; отсутствие у

большинства населения ликвидной собственности; ориентация субъектов преимущественно на перераспределение собственности (в т. ч. через незаконные силовые захваты) вместо эффективного ее использования (все это углубляет социально-экономическое неравенство); коммерциализация и приватизация социокультурной сферы (углубляет неравенство культурное).

Сейчас толерантность во всех ее проявлениях испытывает как глобальное, так и локальное влияния и это наводит на мысль о том, что проблему толерантности можно изучать на пересечении глобального и локального, то есть используя концепт «глокализации» (сплетение глобального и локального, термин введен Р. Робертсоном). Тем более, что в наши дни ученые все чаще изучают социальные связи в терминах дихотомий “глобальное” – “локальное”, “мы” – “они”. Узость и ограниченность локальных проявлений толерантности преодолевается тем, что локальность «... символизирует корни в эпоху краха связей и традиций. В терминах архитектуры постмодерна она поддерживает не абстрактное пространство, а традиции и укорененность в место» [89, с. 25]. Это наталкивает нас на анализ проблемного поля и перспектив толерантности на примере ее локальных проявлений.

Толерантность мы предлагаем рассматривать не только на национальном уровне, но и в качестве фактора регионального развития, где она является следствием социальных взаимодействий в специфических регионально обусловленных социокультурных условиях.

Классическим примером паритетного общения индивидов и групп считается социальный диалог. Однако распространение в территориальных сообществах диалогового общения в виде помощи, содействия, сотрудничества требует толерантного настроения жителей территориальной общины и действий власти, которые учитывают настроения граждан. Кроме того, социальный диалог – это, как правило, проблемно ориентированное общение, поэтому жители должны быть осведомлены о социальных проблемах в социуме и его отдельных сферах, а также о приоритетах социальной политики, которую проводит власть в направлении развития толерантности.

Общественное мнение относительно состояния толерантности жителей региона, их готовности поддержать меры региональной власти для консолидации территориального сообщества изучалась нами в ходе социологического исследования, проведенного при участии автора данной монографии (на всех этапах исследования) Научно-исследовательским институтом региональной политики при Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина в августе 2009 г. (интервью по месту жительства респондентов, квотная многоступенчатая выборка, опрошено 1997 лиц Харьковского региона от 18 лет и старше). Нами были выделены три группы, представляющие разные поколения жителей Харьковщины:

младшая возрастная группа (18–30 лет), средняя возрастная группа (31–50 лет), старшая возрастная группа (51 год и старше), а также группы по полу, образовательному потенциалу, уровню материальной обеспеченности (выделены на основе самооценок респондентов) [190].

Указанное респондентами ухудшение социально-экономической ситуации за последние полгода к моменту опроса не привело в Харьковском регионе к росту социальной напряженности и выраженным конфликтам на национальной, религиозной, политической почве. Респонденты, независимо от их социально-демографических характеристик, единодушны в оценках степени социальной напряженности в их населенном пункте. Более двух третей опрошенных (69 %) считают, что в их населенном пункте «социальной напряженности нет, ситуация спокойная», 23 % утверждают, что «есть небольшая социальная напряженность, однако конфликты носят локальный характер», 6 % отметили, что «наблюдается сильная социальная напряженность, периодически возникают конфликты, которые не решаются». На наличие социальной напряженности, которая может привести к социальным столкновениям, указало незначительное количество опрошенных. Относительная однородность населения Харьковского региона по национальному признаку (жители в ходе опроса идентифицируют себя преимущественно как украинцы и русские), общие тревоги и единодушие в оценках динамики изменений в жизни собственной и своего населенного пункта, региона и страны в целом позволяют в современном пространстве региона сохранять социальный мир и толерантность. Однако последняя, как свидетельствуют материалы проведенного исследования, проявляется избирательно: в различных сферах жизнедеятельности население демонстрирует различную степень толерантности, что косвенно проявляется в разной степени готовности поддержать действия властей в тех или иных направлениях социальной, гуманитарной и других формах политики.

С целью консолидации общества жители готовы проявить толерантность и поддержать такие действия властей (ранжированы нами по среднему баллу в сторону уменьшения поддержки со стороны населения, где максимальная поддержка – 1 балл, минимальная – 5 баллов): усиление борьбы с коррупцией (1,257); преодоление чрезмерной дифференциации в доходах населения, разрыва между «бедными» и «богатыми» (1,845); ограничение деятельности религиозных организаций, исповедующих отличные религиозные взгляды (3,298); ограничение деятельности легальных политических партий, программы которых респонденты не разделяют (3,326); ограничение прав и свобод людей некоторых национальностей (3,830); введение свободной купли-продажи земли (3,982); легализация нетрадиционных сексуальных отношений (защита прав гомосексуалистов

и др.) (4,474); свободная продажа населению огнестрельного оружия (4,550). Интолерантность, прежде всего, проявилась в отношении общественного одобрения продажи огнестрельного оружия и одобрения нетрадиционных сексуальных отношений. Наименьшую поддержку со стороны опрошенных жителей получили потенциальные меры, направленные на распространение оборота огнестрельного оружия и легализации нетрадиционной сексуальности. Всестороннюю поддержку со стороны жителей региона, независимо от их пола, уровня образования, материального положения, имеют меры властей по борьбе с коррупцией. Жители также единодушно готовы поддержать меры, направленные на преодоление негативных последствий дифференциации населения по уровню доходов. Уровень поддержки действий власти по отдельным направлениям деятельности коррелирует с основными социально-демографическими характеристиками опрошенных жителей региона (см. приложение, табл. 4).

Принятию различными категориями населения толерантных установок и стратегий в значительной мере может способствовать переход от формирования толерантного сознания на уровне декларации намерений к закреплению реальных практик толерантного взаимодействия представителей различных социальных и социально-демографических групп. Особенно через активизацию их участия в гражданских акциях, нацеленных на преодоление негативных последствий социальных неравенств (правовых, политических, экономических и др.), а также через постоянный социальный диалог.

Реализации толерантно ориентированных стратегий и практик в украинском обществе в значительной степени способствует ориентация жителей территориальных общин (на примере Харьковского региона) на защиту социальных и гражданских прав личности. Такие стратегии можно поддерживать путем коммуникаций, толерантных взаимодействий как на межличностном, так и на институциональном уровнях, в т. ч. через реализацию региональной властью действий, которые одобрены общественным мнением населения территориальных общин и в отношении которых население настроено толерантно. Без повышения культуры толерантности выход из лабиринта толерантности становится проблематичным.

РАЗДЕЛ 3

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

3.1. Толерантность в системе обеспечения прав человека

Дефицит толерантности в посткоммунистических странах вызывает проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, экстремизма. Поэтому неслучайно проблема толерантности является ключевой в социальном и политическом дискурсе стран молодой демократии и это способствовало концентрации внимания ученых именно на политической толерантности, которую трактуют как готовность гарантировать права и свободы противникам [36, с. 13]. Ученые в основном трактуют принцип толерантности, ссылаясь на его значение в современном многообразном мире и трудности его воплощения в условиях существования многочисленных социальных неравенств в отношениях между индивидами, группами, государствами и т. д., которые провоцируют нетерпимость. Обычно исследуются политические, правовые, социально-политические, межнациональные, межконфессиональные, культурные и международные аспекты проблемы. Особенно подчеркивается, что «толерантность развивается как культура бытия в негарантированном, сложном, насыщенном дифференциациями и сингулярностями мире» [31, с. 300]. Для постсоветских стран, где значительные различия сохраняются между городом и деревней (инфраструктурными различиями эти неравенства не ограничиваются), между «богатыми» и «бедными», проблема толерантности имеет специфику, особенно это касается носителей толерантного поведения [157]. М. Вевьерка указывает на то, что не все различия провоцируют интолерантность, так как они могут не создавать сложностей, вопросов в сфере закона и порядка и, как следствие, не порождать насилие и конфликты. Важно «... признание и предложение культурных прав для меньшинств. При этом подразумевается, что они не бросают вызов общим ценностям, правам, разуму. Разница между признанием и толерантностью в том, что

первое основано на правах. Одно дело быть признанным и совсем другое – лишь терпимым» [22].

На наш взгляд, заслуживает внимания предположение, что утверждение толерантности невозможно без реализации принципов прав человека, в частности таких, как а) единство всех видов прав человека (экономических, социальных, политических, культурных и личных), б) равенство прав человека, в) гарантированность прав человека; г) единство прав и обязанностей [164, с. 92]. Интересно, что М. Буравой, развивая публичную социологию прав человека, видит опасность использования прав человека в их абстрактном характере и призывает к ограничению государства и рынков общественной самоорганизацией и защитой прав человека [18, с. 32, 44]. Однако соотношение толерантности и прав человека не представляется простым и понятным. Так, С. Ильинская даже предположила, что в наше время происходит неоправданная «подмена толерантности концептом групповых прав» [54, с. 160–176]. Таким образом, с одной стороны, имеется неопределенный концепт толерантности, но признается, что толерантность имеет дело с определенной социальной реальностью, где соблюдение прав человека является определяющим, а с другой – существует нехватка социологического знания о взаимодействии принципа толерантности и принципа обеспечения прав человека. Между тем, по данным социологических исследований [120, с. 91–92], существуют многочисленные препятствия для обеспечения прав и свобод человека в Украине, а именно: игнорирование властью прав человека и гражданина; несовершенство законодательства; безразличие населения к проблеме соблюдения их прав; недостаточность информации о правах человека и гражданина в стране; неэффективность общественных (правозащитных) организаций. Это умножается на проявления интолерантности и провоцирует социальную напряженность, грозящую стабильному развитию.

Поэтому возникает вполне естественный вопрос: как толерантность связана с правами индивидов и групп? Одни исследователи отделяют права групп от собственно прав человека, а другие – подчеркивают статусные привилегии именно культурных групп. Например, Т. Пугге разделяет коллективные права на такие категории: 1) права, которые группа имеет при условии, что она активно выражает и защищает эти права, 2) специфические права, которые имеет только эта группа и не имеют другие, 3) статистические права, предусматривающие определенный гарантированный минимум репрезентации членов группы в органах власти [223]. Интолерантное социальное пространство способно просто блокировать как формирование, так и реализацию коллективных прав. И в этом мы видим первый аргумент в пользу того, что концепт групповых (коллективных) прав никак не приводит к подмене толерантности, ведь эти права без

расширения толерантности остаются декларативными. Кроме того, толерантность имманентно присутствует при разворачивании коммуникативно-диалогических взаимодействий как условия обеспечения прав индивидов и групп. При этом стоит заметить, что такие коммуникации обычно должны соответствовать социальному времени. Последнее метко охарактеризовал В. Бакиров: «Социальное время – это не только структура качественных состояний социума, которые последовательно сменяют друг друга, что можно идентифицировать с позиции стороннего наблюдателя. ... Это время, которое мы понимаем, знаки которого мы способны расшифровать и смыслы которого мы способны прочесть» [6]. Среди знаков современного социального времени толерантность занимает особое место, задает ему культуру мира и взаимопонимания.

Толерантность занимает особое место в системе обеспечения права людей в языковой сфере [4]. Поэтому далее рассмотрим возможности распространения толерантности через конструирование толерантного социального пространства средствами языка информирования населения. На постсоветских просторах проблему толерантности актуализирует языково-культурная поляризация населения. Не случайно хрестоматийным выступает учет языковых предпочтений различных социальных слоев при проведении исследований в области как коммерческого, так и политического маркетинга. Тема языка информирования населения важна также во время исследования медийного пространства, следовательно, об информационном уважении к аудитории можно говорить только тогда, когда речь информирования не только понятна, но и желательна, и которой отдают предпочтение, когда носители государственного языка не вызывают нетерпимости и не привлекаются к интолерантным практикам. Можно предположить, что толерантные этнические публикации предлагают применение языка информирования, которым обладают потенциальные читатели. И. Блохин толерантность справедливо считает важнейшим принципом журналистской деятельности, подчеркивая, что признаки толерантности в журналистских материалах проявляются через такие элементы: «наличие бесконфликтной трактовки других видов этнических культур; наличие рациональной и продуктивной идеи межэтнической интеграции; наличие так называемой “рефлексии содержания” – способности авторов согласовывать позиции с текстами оппонентов, то есть умение вести диалог» [14, с. 121]. Все настойчивее говорится о недопустимости волюнтаризма государства в сфере языковой политики. А сама языковая ситуация на определенной территории (в мегаполисе) может служить индикатором степени социальной толерантности в местном сообществе. Толерантность предполагает бесконечность путей коммуникации, создание толерантной социальной сети на личностном и институциональном уровнях, чему может

способствовать соответствующая языковая политика, в т. ч. на региональном уровне, в зоне компактного проживания носителей того или иного языка. Это в полной мере касается языковой ситуации в Харькове (Украина). Состояние речевой сферы этого современного украинского мегаполиса мы рассматриваем в качестве фактора формирования социальной толерантности.

Проанализируем этот вопрос на материалах социологического исследования «Медиапространство города Харькова», реализованного социологической службой Института региональной политики Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в период с 13 апреля по 12 мая 2009 г. Метод исследования – поквартирный социологический опрос жителей всех районов г. Харьков в режиме личного интервью (face-to-face), проводившийся по месту проживания респондентов. Применено квотную районированную многоступенчатую выборку с бесповторным отбором респондентов (контролировались пол, возраст и место проживания); выборочная совокупность составила 997 человек старше 18 лет. Автор монографии участвовал во всех этапах этого исследования.

Предоставим оценку знания и степени владения языком жителями города. Вследствие того, что в национальном составе города доминируют украинцы (с этой национальностью идентифицируют себя почти 47 % опрошенных) и русские (44 %), то наиболее распространены в городе украинский и русский языки. Нами фиксировались языковая компетентность, уровень владения тем или иным языком взрослым населением посредством определения уровня общения респондентов именно на этих языках.

Известно, что высокий уровень языковой компетентности человек проявляет в сфере родного языка. Ответы на вопрос «Каким языком Вы чаще всего разговариваете в быту (дома, с семьей, родственниками, друзьями)?» существенно отличались от ответов на вопрос «Какой язык Вы считаете для себя родным?», также поставленный нами в ходе опроса общественного мнения. Распределение харьковчан по родному языку не совпадает с их распределением по национальной принадлежности. Украинцами себя считают почти 47 % опрошенных, тогда как украинский язык считает своим родным лишь каждый седьмой респондент. Русскими по национальности назвали себя почти 44 % респондентов, а русский язык как родной определили для себя более двух третей опрошенных (69 %), говорящих на русском языке в повседневной жизни почти 80 % респондентов. К тому же, каждый седьмой респондент считает родными украинский и русский языки одновременно (табл. 3.1).

Этнические и языковые группы в Харькове в наше время не совпадают, что целесообразно учитывать не только во время избирательных кампаний, но и при разработке социальных технологий обеспечения прав человека во всех сферах общественной жизни. Аналогичная картина вырисовывается с родным языком и разговорным: каждый седьмой респондент назвал своим родным языком украинский, а в быту предпочитают разговаривать на этом языке только 4 %.

Таблица 3.1

Распределение харьковчан по родному языку и языку повседневного общения в быту, в %, по самооценкам (г. Харьков, 2009 г., n = 997)*

Языки повседневного общения	Удельный вес респондентов, которые считают данный язык ...	
	... родным	... разговорным
Украинский	15	4
Русский	69	80
Украинский и русский	15	15
Другой	1	<1

* Респонденты могли выбрать только один вариант ответа.

Какой уровень компетентности харьковчан в украинском языке? На вопрос «В какой мере Вы владеете украинским языком?» ответы распределились следующим образом (табл. 3.2). Почти 64 % опрошенных отметили, что они свободно читают и разговаривают на украинском языке. Еще 28 % его понимают, но свободно читать и писать не могут. Около 7 % респондентов украинский язык знают минимально или не знают вообще; из них только 2 % читают и говорят на украинском со словарем и столько же – знают отдельные слова и словосочетания и совсем не владеют государственным языком. Таким образом, украинский язык харьковчане знают достаточно хорошо, в городе незначительное количество жителей, имеющих проблемы с коммуникацией на государственном языке. Степень владения взрослого населения г. Харьков (старше 18 лет) украинским языком не зависит от пола и возраста. Существует разница знания украинского языка лишь между респондентами с разным образовательным уровнем: чем образованнее харьковчане, тем выше они оценивают свою степень владения украинским языком.

Таблица 3.2

Уровень знания харьковчанами украинского языка, в %, по самооценкам (распределение ответов респондентов на вопрос «В какой степени Вы владеете украинским языком?», г. Харьков, 2009 г., n = 996)

Степень владения украинским языком	Удельный вес респондентов
Свободно читают и разговаривают	64
Понимают, но свободно читать и писать не в состоянии	28
Читают и разговаривают со словарем	2
Знают только отдельные слова и словосочетания	2
Совсем не владеют этим языком	2
Затрудняются ответить	2

Уровень компетентности харьковчан относительно русского языка в наше время выше по сравнению с украинским. Свободно владеют русским языком 97 % опрошенных жителей, остальные 3 % его только понимают. Возможно предположить, что г. Харьков остается преимущественно русскоязычным на основании того, что русским языком свободно владеют практически все жители, он доминирует в повседневном общении (80 %) и его считают родным более двух третей опрошенных.

Рассмотрим языковые предпочтения харьковчан, учет которых во время избирательных кампаний может стать как важным фактором работы с электоратом, так и способствовать политической толерантности. Мнение жителей г. Харьков по преобладающему языку общения для различных сфер представлены в табл. 3.3.

Язык повседневного общения является важным фактором выбора передач российского телевидения: среди украиноязычной аудитории эти передачи смотрит каждый десятый опрошенный, тогда как среди русскоязычной – 28 % респондентов. Билингвисты (т. е. те, кто привык в быту разговаривать и по-украински, и по-русски) – их 18 % – составляют аудиторию российского телевидения.

Таблица 3.3

Языковые предпочтения харьковчан в различных видах СМИ, в %, по самооценкам (ответы респондентов на вопрос: «На каком языке Вы бы хотели ...», г. Харьков, 2009 г., n = 997)

№ п/п	Респонденты предпочитают ...	Ответы респондентов				
		только по-украински	только на русском языке	и на украинском, и на русском	не имеет значения	трудно сказать
1.	Смотреть телепередачи	3	56	17	23	<1
2.	Слушать радиопередачи	3	54	16	23	4
3.	Читать печатные издания	3	56	16	22	3
4.	Работать в сети Интернет	2	43	11	16	28

Род занятия респондентов влияет на их языковые предпочтения при просмотре телепередач. Среди пенсионеров и работающих меньше сторонников смотреть телепрограммы только на русском языке и большая тех, для кого язык просмотра не имеет особого значения. Статус занятости потенциальных избирателей также определяет их преимущества языка информирования через телевидение по событиям в стране, регионе, мире. Не имеет значения язык телевизионного информирования преимущественно для высокообразованных респондентов: это специалисты с высшим образованием (каждый третий), представители творческих профессий (каждый четвертый). Языковые предпочтения рабочих, служащих менее гибкие, относительно устойчивые и приближаются к языку повседневного употребления.

На каком языке харьковчане хотели бы слушать радиопередачи? На фоне явного большинства русскоговорящих респондентов каждый пятый – сторонник билингвизма и готов слушать радиопередачи хоть по-русски, хоть по-украински (акцентируем, что среди молодых – только каждый седьмой) (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Языковые предпочтения респондентов разных возрастов во время прослушивания радиопередач (в %, г. Харьков, 2009 г., n = 997)

Возрастные группы респондентов	Предпочитают слушать радиопередачи...					
	только по-украински	только по-русски	на другом языке	на украинском и на русском	не имеет значения	трудно сказать
18–30 лет	3	58	1	15	21	2
31–50 лет	2	57	<1	13	25	2
51 год и старше	4	48	<1	20	23	4

Слушать радио на русском языке в большей мере готовы домохозяйки и молодежь, которая учится, а в меньшей степени – пенсионеры, среди которых каждый пятый будет рад, если радиопередачи будут транслировать как по-русски, так и по-украински.

Статус занятости респондентов также определяет их предпочтения языка информирования по радио. Обращает на себя внимание тот факт, что украинский язык при прослушивании радиопередач предпочитают в большей степени представители творческих профессий (6 %) и бизнесмены (9 %), а вот удельный вес рабочих всего 2 %, служащих со средним специальным образованием – меньше 5 %. Это может быть следствием распространения в официальных сферах государственного языка и косвенно свидетельствует о начале формирования в городе украиноязычной творческой и экономической элит.

На каком языке харьковчане хотят читать печатные издания? Аналогично выбору языка для просмотра (прослушивания) телевизионных и радиопередач, харьковчане, читая печатные издания, предпочитают русский язык или/и украинский. Среди возрастных групп языковые предпочтения при чтении печатной продукции выглядят следующим образом. Только по-русски хотят читать 58 % молодежи (18–30 лет). Среди них только по-украински хотят читать 3 %, в одинаковой степени хотят читать на русском и украинском 15 %, неважно на каком языке – 21 %. Старшее поколение (31 год и старше) определилось так: 3 % хотят читать только на украинском языке, 40 % – только на русском, 21 % – одинаково приемлемы украинский и русский языки, для 22 % – без разницы, на каком языке читать.

Во всех поколениях крайние группы не сбалансированы, в любом возрасте фиксируется речевая асимметрия в пользу русского языка. Среди

образовательных групп респондентов также выявлены значительные преимущества чтения печатных изданий на определенном языке. Существует некоторое разнообразие желаний в каждой из групп при установившейся доминанте русского языка. Чем выше образовательный уровень опрошенных харьковчан, тем меньшее значение для них имеет язык при чтении печатных изданий (табл. 3.5).

Таблица 3.5

Языковые предпочтения респондентов разного образовательного уровня при чтении печатных изданий (в %, г. Харьков, 2009 г., n = 997)

Образовательный уровень респондентов	Хотят читать печатные издания ...					
	только по-украински	только по-русски	на другом языке	на украинском и на русском	не имеет значения	трудно сказать
Начальное	5	47	<1	25	16	6
Среднее	2	57	<1	19	17	4
Среднее специальное	2	56	<1	18	21	2
Высшее (н/высшее)	3	57	<1	13	25	1

Среди работающих в народном хозяйстве только 3 % опрошенных высказали желание читать печатные издания только на украинском языке, значительно больше сторонников русскоязычных изданий – 58 %, каждый седьмой в равной степени готов читать как на украинском, так и русском языках, почти для 23 % язык печатного издания не имеет значения. Среди пенсионеров каждый второй опрошенный хочет читать только на русском языке, каждый пятый – на украинском и русском языках одновременно, для 22 % язык не важен.

Предпочтения харьковчан относительно языка информирования как через телевизионные и радиопередачи, так и через печатные издания не зависят от пола, их материального достатка, от выполнения ими управленческих функций, сектора экономики, где они работают, отрасли экономики [189]:

- для большинства харьковчан старше 18 лет общение на государственном языке не вызывает затруднений: они понимают украинский язык – таких почти 92 %. Однако группа, которая владеет этим языком, неоднородна: менее двух третей опрошенных свободно владеют украинским языком или не ощущают трудностей при чтении и общении на нем, еще 28 % понимают язык, но читать и писать на украинском языке не в состоянии;

- совершенно не владеют государственным языком лишь 2 % опрошенных. Это преимущественно пенсионеры, лица с начальным и неполным средним образованием;
- знание украинского языка меньше у пенсионеров (свободно владеют им только 59 % опрошенных в этой группе), а самый высокий уровень знания имеет учащаяся молодежь (свободно владеют языком 74 %);
- каждый десятый харьковчанин с низким уровнем образования не владеет государственным языком или знает лишь отдельные слова и словосочетания.

Языковая ситуация, сложившаяся в г. Харьков среди различных возрастных групп, показывает, что русский язык все еще занимает господствующие позиции среди горожан всех возрастов: большинство молодежи и пенсионеров свободно владеет русским языком и сегодня все предпочитают его в качестве языка информирования через медиапространство.

На языковое поведение харьковчан влияют традиции, инерция употребления русского языка в повседневной практике (как в устной, так и в письменной форме). В такой ситуации быстрый и категоричный переход на государственный украинский язык для многих граждан создает трудности. Реальное языковое поведение людей не совпадает с их субъективными предпочтениями и стремлениями. Наличие у жителей свободы выбора форм языкового поведения может способствовать не только лучшему социальному и политическому информированию, но и демонстрации наличия в обществе языковой свободы, что является проявлением поддержки социумом демократических ценностей, среди которых – языковая толерантность.

Таким образом, состояние языковой сферы можно рассматривать как один из факторов формирования социальной толерантности, особенно в условиях распространения сверхсовременных средств коммуникации, что делает невозможным тотальный контроль информационного пространства как со стороны государства, так и владельцев медиарынка.

3.2. Толерантность по отношению к мигрантам и ее роль в консолидации современного украинского общества

Потоки мигрантов, направленные на те или иные регионы, повышают в поселениях социальную напряженность и порождают среди местного населения страх конкуренции, провоцируют ксенофобные настроения и, наконец, – мигрантофобию. А различия ценностных ориентаций и поведенческие особенности, вызванные культурными различиями, тоже могут провоцировать недоразумения и даже конфликты между мигрантами и местными жителями. Поэтому путем профилактики мигрантофобии

и формирования доброжелательных отношений между мигрантами и местными жителями считается развитие толерантности как личностного качества и социальной ценности как в среде местного населения, так и мигрантов.

Трансформационные процессы в современной Украине осложняют повседневную жизнь как гражданам, так и мигрантам. Неустоявшаяся демократия, отсутствие у населения опыта жизни в условиях гражданских и экономических свобод приводят к многочисленным проявлениям неравенств и интолерантности. Различные аспекты миграционных перемещений, в т. ч. международных, привлекают внимание политиков и различных групп общественности, они также становятся предметом исследования ученых. Ученые отмечают, что на рубеже XX–XXI вв. в мире значительно увеличился поток международных миграций, охвативший все географические регионы: более 100 млн человек живут за пределами родины (20 млн из них – беженцы). Миграция становится конфликтогенным фактором общественного развития [42, с. 13].

Миграции неоднозначно влияют на социальную жизнь: расширяют этнокультурную и этническую мозаику общества, вызывают и обостряют этнокультурные противоречия между различными группами населения, вызывают социальное напряжение [206, с. 67]. Сейчас осознается, что социальные перспективы мигрантов выглядят проблематично без проведения эффективной государственной миграционной политики. Исследователи доказывают, что в постсоветских странах за годы демократических и социально-экономических преобразований миграции стали одной из массовых стратегий активного экономического поведения городского населения [128, с. 47]. Отмечается также, что «в сфере экономической и культурной политики миграция трансформировала внутреннюю политическую среду, ... изменила типы выбора политики, которые есть у страны, а также соотношение затрат и выгод, связанных с этой политикой» [26, с. 379]. Обычно миграцию определяют как «перемещение лица через границу тех или иных территорий стран, населенных пунктов с переменой места жительства навсегда или на более длительное время» [141, с. 109]. Различают миграции: внутренние и внешние, легальные и нелегальные, сезонные и др. Понятие «миграция» многозначно, а миграционные процессы имеют многочисленные последствия, среди которых – изменения в статусных позициях мигрантов, трудности реализации собственного потенциала в условиях новой социальной перспективы, которая перед ними открывается вследствие миграции. В целом повышается внимание ученых к качественным параметрам, характеризующим состояние мигрантов – такими считаются их ценности, установки и ожидания, мотивация и цели переселения, состояние семейной жизни, уровень дохода, профессиона-

лизм, принадлежность к этнокультурной среде и др. Вопросы трудовой миграции активно освещаются СМИ. В целом трудовая миграция современных украинцев освещается в прессе в негативном контексте (исключение составляют высокие оценки значительных финансовых вливаний в бюджет страны). Это не способствует распространению толерантных отношений в обществе по отношению к мигрантам и иммигрантам.

Учеными сделаны следующие гипотетические утверждения относительно институциональных, распределительных, структурных последствий образцов глобальной миграции (преимущественно для развитых капиталистических стран). Во-первых, поток нелегальных мигрантов, экономических и неэкономических, показывает ограниченные возможности многих национальных стран защищать свои границы. Во-вторых, те страны, которые усилили контроль своих границ, были не в состоянии остановить поток нелегальных мигрантов. В-третьих, распространение международного сотрудничества в целях контроля или координации политики различных стран по миграции свидетельствует о признании меняющегося характера государственной автономии или суверенитета и необходимости увеличения кооперации в этом направлении. В-четвертых, в сфере экономической и культурной политики миграция трансформировала внутреннюю политическую среду, в рамках которой должны действовать развитые капиталистические страны [26, с. 379].

Нелегальная иммиграция – неотъемлемая часть миграционных потоков, этот вид миграции провоцирует распространение интолерантных практик в странах, принимающих трудовых нелегальных мигрантов. Так, в США количество нелегальных трудовых мигрантов достигло, по разным оценкам, от 2 до 15 млн, в Европе, включая Россию, – от 1,3 до 5 млн, в Японии – от 300 тыс. до 1 млн человек. Нелегальная иммиграция, по свидетельству ученых, создает в обществе напряжение. Например, в США аналитики Центра иммиграционных исследований пришли к выводу, что увеличение доли мигрантов в общей численности рабочей силы на 1 % уменьшает вероятность положительного результата поиска работы молодыми американцами на 2,1 % и, кроме того, иммигранты вытесняют из сферы занятости коренную, родившуюся в США, молодежь. Работодатели предпочитают иммигрантов, а не равных им по квалификации коренных жителей. Так работодателям выгоднее, ведь у иммигрантов меньше прав и, соответственно, меньшие расходы на них. Однако такая экономия, по мнению ученых, искажает рынок труда в стране и негативно влияет на все категории наемных работников [41].

Сейчас признается, что основы теоретических концепций изучения миграционных процессов наработал английский ученый Э. Ревенстайн, который сформулировал одиннадцать миграционных законов (правил),

а именно: более всего миграций осуществляется на короткие расстояния; миграции происходят постепенно, шаг за шагом; миграции на большие расстояния направлены, как правило, в крупные торговые или промышленные центры; каждому миграционному потоку соответствует свой контрпоток; жители городов менее активны в миграционном плане, чем крестьяне; во внутренних миграциях более активны женщины, а в международных – мужчины; большинство мигрантов – из взрослого населения; семьи меньше мигрируют за границу своей страны; рост крупных городов более обусловлен миграцией населения, чем естественным приростом; масштабы миграции возрастают в соответствии с развитием промышленности, торговли и особенно транспорта; большинство мигрантов-крестьян направляются в крупные промышленные и торговые центры; экономические причины миграции являются определяющими. Его подходы (например, тезисы по осуществлению большинства миграций на короткие расстояния, относительно порождения миграционными потоками контрпотоков и их зависимость от технического развития и т. д.) прошли испытание временем и в наши дни служат методологическим основанием изучения миграций [211, с. 117–118]. Однако влияние миграционных процессов на состояние толерантности в обществе все еще не стало предметом глубокого и всестороннего социологического изучения.

Этнокультурное и этноконфессиональное разнообразие социумов быстро растет вследствие масштабных перемещений мигрантов. Вообще на постсоветском пространстве ученые фиксируют различные формы мигрантофобии (личностную и межличностную, пассивную и активную [114, с. 84–91]), что провоцирует межэтническую напряженность и не соответствует европейским ценностям, вызывает распространенность интолерантных практик в отношении мигрантов. В. Мукомель отмечает тесную взаимосвязь мигрантофобий и этнофобий на том основании, что мигранты как представители других этнических групп являются «другими», а отношение местного населения проецируется сквозь призму отношений «свои» – «чужие» [98]. Мигранты особенно ощущают на себе социальные неравенства, ведь они заполняют преимущественно неприглядные ниши на рынке труда. Например, в России они работают чаще всего рядовыми строителями, поварами, официантами, водителями троллейбусов, автобусов, маршрутных такси и т. п. [137].

В целом же тема толерантности и миграционных процессов только заявлена учеными [91], однако не рассматривается в плоскости формирования социальной толерантности, уровень которой обуславливается состоянием социальных неравенств, которые особенно на себе испытывают мигранты. П. Бавин на основе результатов проведенного исследования подразделяет респондентов на четыре группы: к первой группе

отнесены те, кто не поддерживает действия властей, направленные против ограничения притока мигрантов; вторую группу составили те, кто поддерживает ограничения притока мигрантов в регионе, но не чувствует враждебность по отношению к ним; в третью группу вошли те, кто никакой враждебности по отношению к мигрантам не испытывает; в четвертую группу вошли те, кто не скрывает своей враждебности по отношению к лицам другой национальности, поддерживает любые действия по отношению к ним со стороны властей [5]. В целом сегодня есть необходимость в дальнейших исследованиях, касающихся поиска путей оптимизации миграционных процессов, а также практики толерантных отношений в сфере миграции. Возникает необходимость выяснить роль миграционных процессов в актуализации социальной толерантности, определить факторы, обуславливающие толерантность в условиях распространения миграций в современном глобальном мире.

Социальная терпимость и социальное равенство взаимосвязаны между собой, хотя их соотношение не кажется простым и однозначным. Проблемность жизни и поведенческие стратегии мигрантов в значительной мере обусловлены явлением, которое мы называем «дефицитом социального равенства». Под последним мы понимаем такое ограничение пространства легитимных прав мигрантов по сравнению с местными жителями, которое воспринимается мигрантами как несправедливое и затрудняет их обустройство в отличной социокультурной среде.

Глобальная миграция исследуется учеными преимущественно в плане ее влияния на модели труда и занятости, создание диаспор и колонизации, межкультурных коммуникаций, при этом недостаточно изученными остаются вопросы гуманизации прав и свобод мигрантов, преодоления «дефицита социального равенства» между ними и укоренившимся населением, формирования толерантности в отношениях между местными жителями и мигрантами, что в итоге служит консолидации общества.

Нами выдвинута такая гипотеза: социальные перспективы мигрантов в украинском мегаполисе обуславливают их статусные изменения и ресурсный потенциал. Однако эти перспективы становятся реальными только при наличии толерантных отношений в обществе и локальной территории, где они проживают (временно или постоянно). Подтверждение этой гипотезы нами найдено в ходе выполнения исследовательского проекта «Состояние процессов социокультурной и социально-психологической адаптации этнических меньшинств в г. Харьков и возможности регулирования адаптации средствами местной политики» (проект реализован студентами и аспирантами социологического факультета с участием автора; финансирование осуществлено за счет Фонда фундаментальных, прикладных и поисковых научно-исследовательских работ Харьковского

национального университета имени В. Н. Каразина). Опрошено в качестве экспертов 100 мигрантов из стран Ближнего Востока. Распределение опрошенных по возрасту свидетельствует о том, что это, в основном, молодежь в возрасте 20–29 лет (таких 83 %), каждый десятый в возрасте 18–19 лет, 4 % – 30–39 лет и 3 % – 40–49 лет. В Украину большинство опрошенных (74 %) попали из больших (более 500 тыс. населения) и средних (от 100 до 500 тыс. населения) городов. Почти каждый пятый респондент до переезда жил в небольших городах (до 100 тыс.) и незначительное количество – в поселках городского типа (4 %) и селах (3 %). Большинство респондентов (80 %) находятся в Украине от 1 до 10 лет. Приходилось ли им сожалеть о своем приезде в страну? Более половины опрошенных отметили, что намерение приехать в Украину они не изменили и считают такое решение оправданным. Около 18 % все еще колеблются с оценкой того, стоило ли приезжать в страну, а около 23 % откровенно жалеют о своем приезде. На такую оценку не влияет уровень материального обеспечения респондентов, то есть причины недовольства приездом в Украину следует искать в неэкономической сфере. Это подтверждают и ответы опрошенных на вопрос «Почему Вы жалеете о своем приезде в Украину?». Около трети опрошенных этой причины вообще не смогли назвать, а мнения других разделились: 29 % указали на тяжелые материальные условия жизни в Украине, каждый пятый – на трудности привыкания к новым условиям жизни в чужой стране, а также на то, что «трудно осознавать, что мы остались наедине со своими проблемами, ждать помощи не от кого», 11 % – на отсутствие возможности переезда в Украину других родственников, 8 % – на опасность конфликтов на национальной, религиозной почве. Причины, побуждающие респондентов сожалеть о приезде в Украину, концентрируются вокруг трех основных: тяжелые материальные условия; трудности в привыкании к жизни в чужой стране; осознание того, что остались наедине со своими проблемами.

Жалеют, что бросили свою родину, преимущественно те, кто не смог адаптироваться к новым условиям жизни. При этом наличие работы на условиях полной занятости существенно не влияет на чувство сожаления респондентами по поводу своего приезда в Украину. Весомым фактором выступают дискриминационные практики (в частности, притеснения со стороны милиции). Так, более половины тех, кто такие притеснения испытывал, сожалеют о своем приезде в Украину. Дискриминационные практики становятся интолерантными по своим социальным последствиям.

Социальная толерантность в отношении мигрантов измерялась нами по таким критериям:

- наличие дискриминационных практик в отношении мигрантов;

- институты (лица), со стороны которых проявлялась дискриминация;
- чувства, которые испытывают респонденты в связи с проявлениями дискриминации и нарушения прав граждан других государств в Украине.

Дискриминационными мы называем практики, в которых унижается человеческое достоинство, люди испытывают нарушение своих прав, не имеют возможности их отстоять законным путем.

Лишь после десяти лет проживания в Украине респонденты испытывают определенное уменьшение дискриминации в отношении иностранных граждан, хотя такие практики не прекращаются полностью. О распространенности дискриминационных практик в отношении мигрантов свидетельствуют данные, приведенные в табл. 3.6.

Таблица 3.6

Дискриминационные практики в отношении мигрантов
из стран Ближнего Востока в оценках респондентов,
в % (г. Харьков, 2006 г., n = 100)

Дискриминационные практики	По массиву в целом
С проявлениями дискриминации в отношении граждан других стран встречались родственники или знакомые респондентов	
1. Да	34
2. Нет	40
3. Трудно сказать	26
Были проявления дискриминации в отношении самих респондентов	
1. Да	34
2. Нет	46
3. Трудно сказать	20

Испытывают ли респонденты дискриминацию на этнической, религиозной почве? Ответы респондентов на вопрос «Приходилось ли Вам лично сталкиваться с пренебрежением к Вашим этническим, религиозным чувствам?» свидетельствуют о том, что не испытывают несправедливость в этом плане лишь 38 % опрошенных, а других (62 %) в той или иной степени оскорбляют, унижают как представителей некоренного этноса. Где и со стороны кого это обычно происходит? Почти треть опрошенных испытывают давление со стороны представителей правоохранительных органов, что требует применения определенных мер к милиционерам, которые превышают свои полномочия и предвзято, интолерантно относятся к иностранцам. Респонденты отмечали такой факт:

«Мы (я и мои украинские друзья) шли по улице Сумской. Милиционер остановил нас и с просьбой представить документ, устанавливающий личность, обратился только ко мне, у меня другой цвет кожи и по внешним данным я отличаюсь от украинцев. Следовательно, проверены документы были только у меня. Это оскорбительно» (студент, 28 лет).

Полученные нами данные подтверждают общую ситуацию на постсоветском пространстве, где работникам правоохранительных органов, по данным социологических исследований, не хватает «... компетентности в вопросах мультикультурализма, толерантности и нон-дискриминации» [177, с. 158].

Для почти каждого четвертого опрошенного опасность интолерантности возникает в повседневной жизни: в быту, на улице. Еще 7 % указали на нетолерантность на этнической, религиозной основе со стороны должностных лиц в учреждениях. Кого обижают чаще всего? По данным опроса, предвзятость со стороны милиции испытывают преимущественно те, кто живет в Украине до 10 лет, а также студенческая молодежь по сравнению с теми, кто работает (притесняют соответственно 31 % и 22 %). В быту же чаще подвергаются оскорблению те, кто уже работает, по сравнению со студентами (соответственно 44 % и 24 %). В бытовых ситуациях обижают этнические и религиозные чувства преимущественно мигрантов, которые считают себя бедными (48 %), для сравнения – среди высокообеспеченных респондентов таких лишь каждый десятый. Уровень материальной обеспеченности выступил фактором, который позволяет мигрантам избегать оскорблений по национальному и расовому признакам. Так, не встречались лично с фактами несправедливости на основе национальных, религиозных отношений 60 % высокообеспеченных и только 24 % бедных. Чем чаще столкновения респондентов с проявлениями дискриминации, нарушениями прав мигрантов, тем более негативные чувства это у них вызывает (прямо пропорциональная зависимость, коэффициент Крамера равен 0,481, значимость на уровне 1 %). Среди тех, у кого родственники или знакомые подвергались дискриминации, 45 % испытывают по этому поводу возмущение, 39 % – обиду, 23 % – гнев, 13 % – разочарование, 7 % – желание ответить тем же. Обращает на себя внимание то, что дискриминационные практики возмущают, обижают опрошенных, но лишь незначительное их количество (7 %) готово к активному сопротивлению и испытывает желание отомстить за пренебрежительное отношение к мигрантам.

О том, что опрошенные мигранты чувствуют себя в Украине по-разному, свидетельствуют данные о динамике изменений в их жизни за последние 5 лет. У каждого третьего респондента существенных изменений не произошло, почти каждый четвертый не смог однозначно определиться с ответом. А другие разделились на две группы: у каждого

четвертого опрошенного «жизнь стала хуже» и у 19 %, по их свидетельству, наблюдалась положительная динамика («жизнь стала лучше»). У кого же произошли позитивные сдвиги в жизни за последние пять лет? В основном у женщин по сравнению с мужчинами (36 % и 16 % соответственно), а также у тех, кто сейчас являются студентами. Отрицательная динамика в жизни произошла преимущественно у мужчин (28 %) по сравнению с женщинами (9 %). При этом 38 % тех, у кого жизнь ухудшилась, сожалеют о своем приезде в Украину [190, с. 315–317].

Опрошенные представители мигрантов из стран Ближнего Востока продемонстрировали высокую толерантность к русским и украинцам.

Нами проведена сравнительная характеристика уровня материальной обеспеченности респондентов на их родине и в Украине. В частности, распределение опрошенных по уровню материальной обеспеченности у себя на родине и в Украине почти не отличается, то есть те, которые считали себя высокообеспеченными, такими и остались, а значительное число людей среднего достатка в прошлом теперь в Украине себя такими уже не чувствуют (соотношение 65 % и 42 %); также увеличилась доля бедных (с 13 % до 22 %). До приезда в Украину лишь 9 % респондентов не могли определиться с уровнем своей материальной обеспеченности, тогда как сейчас таких 24 % (табл. 3.7).

Таблица 3.7

Сравнительная характеристика уровня материальной обеспеченности респондентов–выходцев из стран Ближнего Востока на их родине и в Украине, в % (г. Харьков, 2006 г., n = 100)

№ п/п	Группы	Уровень материальной обеспеченности респондентов	
		на своей родине	в Украине
1.	Высокообеспеченные	13	12
2.	Люди среднего достатка	65	42
3.	Бедные	13	22
4.	Трудно сказать	9	24

Очевидно, расслоение людей в Украине по уровню материальной обеспеченности и отсутствие устоявшихся критериев идентификации по этому показателю вызывают у мигрантов определенную растерянность. Трудности с собственной самоидентификацией респондентов проявились в том, что половина из них (52 %) не смогли однозначно определиться, довольны ли они своим положением в обществе. А другие разделились на две почти равные по численности группы: 23 % вошли в категорию

недовольных своим статусом и 25 % – к категории довольных. В ходе исследования выявлено статистически значимую связь между уровнем удовлетворенности респондентами своим статусом и сроком их пребывания в Украине (коэффициент Крамера составляет 0,308 при 5-процентном уровне значимости).

Отмечается неоднородность группы мигрантов с Ближнего Востока по уровню материального обеспечения: в бедности живут 4 % (отметили позицию «денег не хватает даже на самые необходимые продукты питания»), 21 % считают себя нуждающимися («все деньги тратят на продукты питания и приобретение необходимых недорогих вещей»), каждый четвертый опрошенный отнес себя к бедным и 13 % – к богатым («могут позволить себе практически все, что пожелают»), 21 % опрошенных затруднились с ответом. Социальные ресурсы мигрантов зависят как от уровня их материального и финансового состояний, так и от того, насколько они способны сами себя содержать. На какие средства живут респонденты? Первое место занимает материальная помощь родственников (от нее зависит существование 73 % опрошенных). Получают ее даже те, кто живет в Украине более 10 лет, хотя и значительно меньше, чем в первые годы своего пребывания в стране. Другие источники дохода менее распространены: постоянная работа, бизнес (17 %), временная работа, материальная помощь от друзей (по 10 %), стипендия (5 %), помощь от государства, общественных организаций (2 %), другие источники (4 %). Поддержка мигрантов (материальная, психологическая и т. д.) со стороны национального сообщества (землячества) практически отсутствует.

К высокообеспеченным людям себя отнесли преимущественно респонденты, имеющие постоянную работу (таких в этой группе 60 %, тогда как среди бедных – всего 5 %). С повышением уровня материальной обеспеченности опрошенных уменьшается роль в их доходах материальной помощи со стороны родственников. В группе высокообеспеченных лишь каждый десятый получает такую помощь, тогда как среди бедных ею пользуется подавляющее большинство мигрантов (90 %). Друзья тоже помогают тем, кто по-настоящему нуждается (среди высокообеспеченных ни один не отметил среди источников дохода помощь друзей, тогда как среди бедных на нее указал каждый пятый респондент). Недовольны своим положением в украинском обществе преимущественно мужчины по сравнению с женщинами (соответственно 25 % и 9 %).

Таким образом, для адаптации мигрантов в украинском мегаполисе нужно определенное время, в течение которого они овладевают как необходимыми знаниями, навыками общения в новой для них социокультурной и экономической среде, так и технологиями обеспечения собственного существования и реализации собственного ресурсного потенциала.

Прослеживается ориентация молодых мигрантов на то, чтобы повышать свой образовательный уровень, открывать собственное дело. В целом же мигранты, даже при наличии сильной мотивации, имеют большие трудности с приобретением желаемого статуса, чем местные жители.

С какими из социальных неравенств часто встречаются мигранты в украинском мегаполисе? Их рейтинг выглядит следующим образом: значительные различия в доходах у тех, кто приезжает в Украину, и местных жителей (на это указала почти треть опрошенных); ограничение возможности трудоустройства (28 %); ограничение свободы передвижения (так считает почти каждый четвертый опрошенный); ограничения на открытие собственного бизнеса (25 %); ограничения права на приобретение собственности (17 %); отличные права по сравнению с гражданами Украины в судопроизводстве (15 %); ограничения права на участие в органах управления и самоуправления (14 %); ограничения свободы слова, высказываний (12 %); ограничения на осуществление определенной профессиональной деятельности (12 %); ограничения возможности развития этнической, религиозной культуры (9 %); ограничение свободы собраний (9 %). Таким образом, неравенства в жизни мигрантов в основном концентрируются вокруг следующих четырех проблем: значительные различия в доходах у тех, кто приезжает в Украину, и местных жителей; ограничение возможности трудоустройства; ограничение свободы передвижения; ограничения на открытие собственного бизнеса [187].

Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, с какими жизненными проблемами встречаются в Украине такие люди, как Вы?» позволяют выявить рейтинг этих проблем, к которым, прежде всего, относятся: языковые, национальные барьеры (на них указал каждый третий опрошенный); отсутствие информации о правилах жизни в Украине (29 %); сохранение родного языка, традиций, культуры (28 %); наличие жилья (26 %), нарушение гражданских прав (26 %); материальные трудности (25 %); недоброжелательное отношение со стороны граждан этой страны (24 %); недоброжелательное отношение со стороны представителей местных властей (19 %); конфликтные ситуации с местным населением (18 %); невозможность воссоединения с семьей, оставшейся в стране предыдущего проживания (17 %); трудности трудоустройства, открытия (ведения) собственного бизнеса (17 %). Обнаружено различие в оценке респондентами уровня проблемности своей жизни: мужчинам, по сравнению с женщинами, более острыми кажутся проблемы трудоустройства (соответственно 18 % и 9 % ответов); отсутствие информации о правилах проживания в Украине (33 % против 9 %); конфликтные ситуации с местными жителями (20 % против 9 %). Данный рейтинг проблем в жизни мигрантов может служить информационной базой для разработки социальных

программ адаптации мигрантов в украинском мегаполисе и формирования в мегаполисе толерантной социальной среды.

Какова причина проблемности в жизни мигрантов из стран Ближнего Востока, проживающих в г. Харьков? (табл. 3.8).

Таблица 3.8

Источник проблем, с которыми сталкиваются респонденты – выходцы из стран Ближнего Востока, в % (г. Харьков, 2006 г., n = 100)

№ п/п	Проблемы	По массиву в целом
1.	Несовершенство украинского законодательства	25
2.	Плохое знание языка	24
3.	Отсутствие взаимопонимания	22
4.	Предвзятое отношение городского населения	20
5.	Плохое знание законов	15
6.	Плохое знание особенностей украинской культуры	9
7.	Трудно сказать	22

Следует обратиться к замечанию Ю. Хабермаса о том, что толерантное поведение рассчитано на предупреждение поведенческих конфликтов [180, с. 47]. Чем выше уровень социальной толерантности в обществе, тем меньше риск возникновения конфликтов, спровоцированных интолерантными проявлениями. Проведенное нами исследование показало: при оценке опрошенными мигрантами отношения жителей г. Харьков к тем, кто приезжает в город, мнения респондентов разошлись. Около 23 % вообще не смогли определиться с ответом. Почти треть опрошенных, в целом, отношение к ним харьковчан оценили положительно: 28 % считают, что оно «хорошее» и лишь 4 % отметили, что жители мегаполиса относятся к мигрантам «сердечно, с сочувствием». В то же время почти каждый пятый отметил равнодушие жителей города, а 26 % опрошенных отношение к ним оценили как неудовлетворительное, они чувствуют к себе со стороны коренного населения предвзятость.

Недоброжелательное отношение со стороны граждан Украины к представителям своей нации не доминирует среди источников проблемности существования мигрантов, хотя этот фактор считают проблемой 24 % опрошенных, а 18 % указали на то, что проблему для их этнической группы составляют конфликтные ситуации с местным населением. Мигранты не всегда чувствуют к себе толерантное отношение со стороны местного населения. Толерантная социальная сеть практически не сформирована.

Культурный шок, который испытывают с приездом в Украину выходцы из стран Ближнего Востока, обусловлен многими факторами, среди которых основными являются такие:

- наличие языковых и национальных барьеров затрудняет общение (каждый третий опрошенный считает это проблемой обустройства мигрантов). Треть опрошенных «часто при общении с местными жителями думают, что они ведут себя и говорят совсем не так, как они привыкли»;

- проблема сохранения своей национальной идентичности и социального статуса. Сохранение родного языка, традиций, культуры, по мнению 28 % опрошенных, является проблемным сейчас в Украине. Около 40 % опрошенных мигрантов считают, что их соотечественники ощущают нехватку общения на своем родном языке. Более половины респондентов считают, что «на родине они пользовались большим уважением, чем в Украине»;

- нетолерантное отношение к мигрантам, особенно со стороны милиции. Среди сожалеющих о своем приезде в Украину больше половины (55 %) ощутили на себе несправедливость и предвзятое отношение со стороны представителей правоохранительных органов;

- недостаточную информированность мигрантов о правилах проживания в Украине (или полное отсутствие такой информации) назвали 29 % опрошенных в качестве проблемы, с которой встречаются мигранты. Информационный голод наиболее распространен среди тех, кто живет в Украине до 5 лет;

- неустроенность мигрантов в быту, в повседневной жизни. Около 26 % опрошенных имеют проблемы с жильем, каждый четвертый сталкивается с материальными трудностями;

- неравенства в правах мигрантов и местных жителей. Почти 26 % респондентов отметили как проблему в Украине для таких, как они, нарушение их гражданских прав. Около 28 % опрошенных в качестве неравенства назвали ограничение возможностей трудоустройства. Каждого пятого беспокоит отсутствие (определенные ограничения) свободы передвижения, столько же – ограничение права на открытие собственного дела, ведения частного бизнеса.

В то же время, по мнению опрошенных, мигранты, в целом, настроены миролюбиво. Обращает на себя внимание то, что дискриминационные практики возмущают, обижают опрошенных, но лишь незначительное их количество (7 %) готово к активному сопротивлению и желает отомстить за пренебрежительное отношение к мигрантам. Показательным является тот факт, что лишь каждый седьмой респондент согласен с тем, что в случае ухудшения условий жизни мигрантов «для изменения ситуации можно прибегнуть к насилию» (с этим утверждением «полностью

согласны» лишь 4 % опрошенных и 11 % – «скорее, согласны»). Однако протестовать против ухудшения условий жизни (но без использования насилия) готовы 60 % респондентов. Около 58 % опрошенных согласны перетерпеть ухудшение жизненных условий ради мира и согласия. Существует определенное недоверие мигрантов к местным органам власти: в случае возникновения проблем лишь 47 % опрошенных считают, что «следует обратиться в органы власти и с их помощью решить проблемы». Вообще среди мигрантов нет единства в отношении того, как лучше отстаивать свои права, в то же время большинство из них ориентируется на мирные формы протеста, демонстрируя со своей стороны толерантность.

3.3. Конструирование толерантного социального пространства средствами университетского образования

Ф. Вольтеру принадлежит выражение «Я не разделяю ваших убеждений, но я отдаю жизнь за то, чтобы вы могли их высказать» [цит. по: 17, с. 542]. Высказанная в этих словах мысль указывает на один из путей достижения гражданского мира через распространение толерантности, что актуально в современном мире. Поскольку «с точки зрения соотношения инновационных и традиционных элементов в системе общественных практик молодое поколение традиционно выступает инициатором изменений» [92, с. 373], формирование толерантности как личностной и социальной ценности, культурной нормы у молодежи имеет особое значение для утверждения толерантных практик.

Поскольку формирование убеждений и знаний о роли толерантности в общественной жизни во многом является прерогативой образования, то можно отметить: институт образования занимает значительное место в формировании толерантного социального пространства именно благодаря его функциям. Изучение ресурса толерантности в немецкой и российской педагогической практике показало значительные возможности среднего образования в формировании толерантности учащихся [168]. Однако недостаточно изучены возможности высшего (университетского) образования в этом направлении деятельности.

В условиях глобальных трансформаций университетское образование в Украине требует изменений, что обуславливает такие моменты: 1) недостаточность влияния современного университета на процесс распространения толерантности и борьбы с экстремизмом в различных его формах; 2) неопределенность стратегической линии университета в преодолении негативных последствий социальной дифференциации, которая провоцирует

интолерантность; 3) недостаточная информированность общественности о миссии, задачах, направлениях деятельности университета в плане повышения толерантности общества; 4) неразвитость социального диалога, призванного ослабить напряженность в отношениях между университетом и ключевыми игроками в социально-экономической и политической жизни общества.

Толерантность социального пространства во многом определяется настроенностью молодого поколения на толерантные отношения, толерантность постепенно становится способом мировосприятия молодого поколения [138]. Затрудняет формирование толерантности в молодежной среде специфика молодежи как социальной группы, а именно: статусная неопределенность и поиск социальных ролей, а также проблемы их освоения; возрастные социально-психологические характеристики, которые способствуют распространению среди молодежи радикальных идей и склонности к их реализации через экстремистские действия.

Социальные технологии формирования толерантности, в т. ч. институтом образования, востребованы, однако все еще не разработаны. В работе «Индивидуализированное общество» (2001) З. Бауман определяет «подготовку к жизни» в качестве вечной и неизменной задачи любого образования и раскрывает сущность такой подготовки через следующие элементы, контекст которых отражает сущность толерантности как социального качества личности. По З. Бауману, «подготовка к жизни» включает: «развитие способности сосуществовать в современном мире с неопределенностью и двусмысленностью, с разнообразием точек зрения и отсутствием неспособных ошибаться и достойных доверия авторитетов; привитие терпимости к различиям и готовности уважать право быть отличными; укрепление критических и самокритичных способностей и мужества, необходимых для принятия ответственности за свой выбор и его последствия; совершенствование способности “изменять границы” и оказывать сопротивление искушению бегства от свободы по причине той мучительной неопределенности, которую она приносит вместе с новыми и неизвестными радостями» [8, с. 174]. Формирование толерантности у молодежи считается важным направлением ее социализации. В этом направлении следует отметить проведенное российскими учеными социологическое исследование «Толерантность в волонтерской (или добровольной) социальной работе» (2006), в котором выявлены различия в отношении к волонтерству как толерантной социальной практике со стороны российских и немецких студентов. Впрочем, общий вывод таков: «Принципы и мотивы волонтерства ... способствуют формированию у молодого человека не только навыков, необходимых для профессионального роста, но и таких важных качеств, как трудолюбие, милосердие,

доброжелательность, гуманное, толерантное отношение к людям» [145, с. 58]. Какие еще практики в университетской жизни можно считать толерантными – эта тема практически не разработана. До сих пор остаются открытыми и вопросы относительно социологического изучения того, какими ресурсами располагает современный университет для формирования толерантной среды, как эти ресурсы задействованы и какова эффективность их использования.

Виды деятельности, которые наращивают человеческий капитал, концентрируются преимущественно в образовательно-научных комплексах, какими являются современные университеты. В постсоветских странах на рубеже XX–XXI вв. «развитие демократических институтов, утверждение плюрализма в духовной сфере способствовали деидеологизации системы образования на всех ее уровнях» [43, с. 233]. В то же время исследователи начали фиксировать изменения в студенческой среде: пока «студенчество представляет собой глубоко дифференцированную массу (по социальному происхождению, материальному положению, по типам вузов и т. д.). Оно как бы “расколото” на отдельные группы, между которыми часто нет взаимопонимания. То, что волнует одних, кажется безразличным для других» [43, с. 227]. В этих условиях возникли различные субкультуры, которые производят свои нормы, ценности, образцы поведения и даже провоцируют проявления интолерантности в студенческой среде (например, демонстративное потребление среди студенческой молодежи; конфликты на политической, межнациональной и расовой почве).

Ученые называют изменения, которые произошли в высшем образовании европейских стран во второй половине XX в., «еще одной университетской революцией». Сущность этой революции в том, что высшее образование приобрело массовый характер, а «традиционные цели – проведение научных исследований и обучения – были дополнены третьей – налаживание связей и взаимодействие с внешним миром» [108, с. 176]. Справедливо указывает А. Козлова на специфическую социальную роль университета: «Мир университета традиционно скрепляет социальный мир, защищает его от распада. Воссоздавая культуру и культурных, он оберегает этим от энтропии все стороны жизни общества. ... Однако для реализации этой функции защиты университету необходима автономность. Поэтому он неизменно стремится к самостоятельности, независимости не только от денег, но и от политической власти. В этом и заключается основная политика университета – политика обособления для лучшего служения» [67, с. 205]. В этих условиях современная университетская наука может способствовать формированию толерантности как особого социального пространства, которое создает условия для социального мира и процветания личности, групп в глобальном мире. Трудно переоценить социализиру-

ющую роль высшего (университетского) образования в преодолении ксенофобных настроений в молодежной среде [103].

На наш взгляд, следует различать два аспекта роли университета в направлении повышения толерантности: один связан с толерантными практиками в самой университетской среде, второй – в обществе в целом. То есть можно говорить о бытии студентов в рамках университета сквозь призму соотношения «толерантность/интолерантность», а также о возможности реального влияния института университетского образования на состояние толерантных отношений за пределами университета как учреждения через научную, просветительскую и PR-деятельность.

Поскольку толерантность отражает лишь те формы самовыражения и способы проявления индивидуальности, которые реализуются при наличии свободы выбора, университетское образование в движении к толерантности осваивает новые принципы взаимодействия в системе отношений «преподаватель – студент», когда студентам предоставляется право участвовать в решении тех вопросов университетской жизни, которые касаются их прав и обязанностей. Трудно переоценить роль в этом отношении студенческого самоуправления. Университетское образование считается важным элементом и ресурсом информационного общества, в нем формируется личность будущего специалиста – толерантного гражданина. Однако долгое время студенческое самоуправление не рассматривалось как социальная технология, призванная сформировать именно толерантную личность. В новаторской деятельности современного университета развитие студенческого самоуправления становится его визитной карточкой, потому что отвечает целям демократизации и гуманизации высшего образования, благодаря чему студенчество становится актором образовательного процесса, участвует в формировании образовательной политики и компетенций будущего специалиста. Сейчас требования к модели специалиста меняются, актуализируется обретение личностью таких качеств, как новаторство, самостоятельность, ответственность, способность к саморазвитию и др. Именно эти качества производит, поддерживает и развивает у студентов участие в студенческом самоуправлении. По нашему мнению, насущной является потребность в проведении постоянного мониторинга состояния функционирования и эффективности форм деятельности органов студенческого самоуправления университетов единого европейского образовательного пространства, среди характеристик которого толерантность занимает системообразующее место. Глобализация образования усиливает контакты между студенческими организациями разных стран, в процессе которых весьма плодотворным может стать сотрудничество по вопросам выработки единых стандартов образования и толерантных форм взаимодействия в системах «студенты – администрация университета», «студенты –

преподаватели». Таким образом, толерантность как культурная ценность и норма поведения воспроизводится в самодеятельности студентов, прежде всего, через развитие студенческого самоуправления.

Толерантное социальное пространство средствами университетского образования может формироваться в таких определенных нами направлениях [191–194]:

1. Учебно-воспитательная работа среди студенческой молодежи.

Современный университет через учебно-воспитательную деятельность не только повышает уровень образованности общества, но и распространяет определенные ценностные установки, содержание которых определяет характер социальных отношений, включая толерантность. Университетское образование призвано формировать студента как личность, специалиста и гражданина, способного воспроизводить толерантные социальные практики. Для устойчивого развития общества нужна готовность студента к жизни в толерантной социальной среде, а также к поддержке этой среды. Прежде всего, важно содействие развитию у студентов толерантности как ключевой жизненной компетентности. О. Грива показала, что толерантность является одним из факторов, который пронизывает ключевые компетентности личности [33]. В социальной компетентности как комплексном явлении отражается способность личности к самореализации в различных сферах социальной жизнедеятельности. Толерантность как компетентная характеристика личности свидетельствует, по нашему мнению, об усвоении ею определенной культуры толерантности, то есть такого способа взаимодействия с другими, отличными мирами, который является цивилизованным, мирным, происходит на основе диалоговых взаимодействий и партнерства.

Университетская жизнь дает студентам возможность определиться в отношении различных видов толерантности, а именно: возрастной, профессиональной, межличностной, расовой, этнической, социально-групповой, конфессиональной. Как элемент социальной компетентности, толерантность может, на наш взгляд, реализовываться по тем же направлениям, что и компетентностный подход в целом: 1) функциональное направление – актуализация всех элементов профессиональных компетенций; 2) личностное направление – гуманитарная подготовка; 3) комплексное направление – формирование целостной социальной компетентности [97, с. 190].

2. Научная и просветительская деятельность университета в направлении формирования толерантного общества.

При этом ключевое значение имеет социологическая наука, которая ищет ответы на следующие вопросы:

- чем определяется толерантность и интолерантность в социальных отношениях;

- какие формы и виды толерантности доминируют в современном мире;
- существующие характеристики толерантных и интолерантными практик и какие возможности их регулирования в направлении повышения уровня толерантности;
- степень развития толерантности в университетской среде, мотивация к толерантному социальному поведению участников университетского образования; препятствия на этом пути;
- потребности университета в учебных программах, внеучебных акциях, способствующих повышению толерантности в обществе;
- факторы, которые негативно влияют на толерантность в обществе, разработка технологий по нейтрализации их действия.

3. Реклама, пропаганда и PR лучших толерантных практик, в которых задействовано университетское сообщество.

Принципы толерантных отношений зафиксированы и реализуются через нравственное и правовое регулирование социального поведения. В то же время образцы толерантного поведения настраивают индивидов на соответствующие поступки, которые способствуют социальному миру, согласию, взаимопониманию через социальный диалог. Университеты являются тем центром, который обобщает и передает из прошлого в настоящее и в будущее образцы толерантных практик, а также производит такие образцы в своей повседневной деятельности (привлечение студентов к волонтерству, диспуты, сотрудничество со СМИ по распространению информации о толерантных поступках в прошлом и настоящем и др.).

Названные средства формирования университетским образованием толерантной социальной среды, конечно, не являются окончательными, особенно учитывая изменения, которые происходят в современной образовательной структуре. Это связано с появлением наряду с классическими университетами, которые обычно базируются на традициях и конструктивном консерватизме, так называемых мегауниверситетов. Деятельность последних экстерриториальна, а основной целевой группой студентов выступают люди, которые уже имеют определенный опыт работы и учатся без отрыва от производства (этому, прежде всего, способствуют информационно-коммуникационные технологии и дистанционные формы обучения). Стандартизация, унификация, массовость и одновременно индивидуализация университетского образования, существование мегауниверситетов на пересечении различных культур – все это выводит тему роли университета в распространении толерантности на новый уровень. Сейчас «стратегии всех мегауниверситетов ориентированы на общую цель – увеличение количества студентов и усвоение наиболее эффективных с точки зрения географического охвата и восприятия студентами технологий обу-

чения» [50, с. 85]. Пока трудно сказать, какие средства формирования толерантности, находящиеся в распоряжении мегауниверситетов, окажутся наиболее эффективными. Внедрение в образовательный процесс технологий Интернета уже сейчас ставит вопрос о том, как влияет на толерантность в молодежной среде появление новых сообществ пользователей Интернетом. Проведению таких исследований также должен предшествовать теоретико-методологический анализ толерантности. Гигантский виртуальный университет, построенный на современных информационно-коммуникационных технологиях и виртуальных практиках, конечно, будет иметь другие ресурсы и практики формирования толерантности.

Конструирование в вузах толерантного социального пространства предполагает диагностику социальных неравенств, того, что разъединяет современное студенчество, создает препятствия в процессе их идентификации, ставит барьеры на пути открытых коммуникаций и толерантных социальных взаимодействий.

Открытость высших учебных заведений для коммуникаций, концентрация усилий на духовной составляющей образования и воспитания студентов, пропаганда возвышенности мыслей, желаний, благородной мотивации поступков – эти меры могут рассматриваться, на наш взгляд, как факторы, способствующие толерантной ориентации студенческой молодежи.

Таким образом, формирование толерантности у молодежи – важное направление ее социализации. Среди внеучебных акций, способствующих повышению толерантности студенческой молодежи, следует отметить волонтерскую деятельность. Волонтером считается лицо, добровольно осуществляющее благотворительную, неприбыльную, мотивированную деятельность, которая имеет общественно-полезный характер. Волонтерство как серьезный досуг отличается от случайного, стихийного досуга тем, что задействованные в нем лица способны приобретать специальные навыки, проходить обучение, делать карьеру вне основной занятости (учебы). В последние годы появился даже термин «карьерное волонтерство». При этом карьерные волонтеры, как правило, предоставляют различные услуги в рамках следующих основных типов организаций [155, с. 67]: 1) уход за лицами любого возраста; 2) образовательные услуги (обслуживание в рамках формальной школьной системы или вне ее); 3) социальное обеспечение (охрана детства, семейное консультирование, коррекция поведения); 4) досуговые услуги (предоставляются спортивными и неспортивными ассоциациями); 5) служба в религиозных организациях; 6) участие в общественных акциях (работа в профсоюзах, защита интересов и т. п.); 7) участие в политических акциях. До сих пор остается открытым вопрос о том, какими ресурсами располагает волонтерство как форма студенческого самоуправления для формирования толерантной среды, как эти ресурсы задействованы и какова эффективность их использования.

Хотя учеными в последние годы активно исследуются особенности проявления толерантности на уровне межличностных отношений, механизмы межличностной толерантности [65], делается проекция проблематики толерантности в контексте подростковой и молодежной субкультуры, тема волонтерства в этих механизмах не находит достаточного освещения. Сейчас в Украине волонтерство как социальное движение получило признание на законодательном уровне, а также стало объектом внимания ученых и практиков, которые в основном сосредоточили внимание на технологических аспектах волонтерской работы. Однако роль волонтерской деятельности в формировании толерантности в студенческой среде изучена, на наш взгляд, недостаточно. Это тем более актуально в условиях усиления в студенческой среде фрустрации, особенно в связи с углублением материального неравенства между современными студентами [165, с. 153–158], что может помешать формированию толерантных отношений.

Волонтерская деятельность как форма студенческого самоуправления является действенным механизмом социализации студентов, в ходе которой они получают навыки благотворительности, социальной ответственности, а также овладевают культурой толерантности. Среди основных трендов появления и развития студенческих организаций волонтерские организации часто просто игнорируются [209, с. 261–267], однако их значимость как для вуза, так и для самих студентов трудно переоценить. Волонтерская деятельность является проявлением социальной ответственности личности, пространством ее самореализации. Волонтерская деятельность по определению относится к самодеятельности, которая предусматривает ценностное основание в виде настроенности на толерантное отношение личности к окружающему меняющемуся, непредсказуемому миру. Распространение в студенческой среде волонтерской деятельности имеет определенное рациональное обоснование, а именно: эта деятельность играет существенную роль в процессе формирования профессиональной компетентности будущего специалиста. Известно, что профессиональная компетентность имеет многочисленные подструктуры, главнейшие среди которых: специальная (профессионально-предметная) компетентность; социально-психологическая компетентность; методическая компетентность; коммуникативная компетентность; временная компетентность как составляющая коммуникативной компетентности [15, с. 252]. Эти подструктуры через студенческое волонтерство приобретают реальное воплощение лишь при условии, что сами волонтеры являются толерантно настроенными. Особенно это касается компетентности в общении, под которой понимается «компетентность в межличностном восприятии, межличностной коммуникации и межличностных взаимодействиях» [15, с. 254]. Толерантное отношение к получателям волонтерской помощи поднимает волонтерскую деятельность до уровня общих социальных ценностей и норм поведения.

Распространенным является подход, что принципы и мотивы волонтерской работы способны формировать у индивида гуманное, толерантное отношение к людям, ведь «принципы и мотивы волонтерства ... способствуют формированию у молодого человека не только навыков, необходимых для профессионального роста, но и таких важных качеств, как трудолюбие, милосердие, доброжелательность, гуманное, толерантное отношение к людям» [145, с. 58]. Вместе с тем, как свидетельствуют материалы социологического исследования «Положение студенческой молодежи Украины», проведенного Украинским институтом социальных исследований имени Александра Яременко (анкетный опрос проводился в феврале-декабре 2008 года во всех областях Украины, АР Крым и городе Киев, всего опрошено 5103 респондентов 2–6-го курсов вузов III–IV уровней аккредитации), волонтерство все еще не является распространенным явлением в студенческой среде: лишь каждый седьмой опрошенный студент отметил, что он принимает участие в волонтерской работе (табл. 3.9).

Социальная база волонтерского движения в студенческой среде сейчас достаточно узкая, но она имеет перспективы роста. Вместе с тем в Украине фиксируется становление отдельных референтных групп студентов, для которых волонтерство начинает играть определенную роль как элемент связи с социумом через самодеятельность и самоуправление. Теперь можно утверждать, что образовательная услуга становится интеллектуальным капиталом будущего специалиста, если он соответствует этим ценностям, культурным предпочтениям и контролируется самими студентами, что возможно лишь при условии развития студенческого самоуправления.

Таблица 3.9

Распределение студенческой молодежи Украины по участию в волонтерской работе, в % (по данным социологического исследования «Положение студенческой молодежи Украины», проведенного Украинским институтом социальных исследований имени А. Яременко, 2008 г., n = 5103)

Участие в волонтерской деятельности	Удельный вес респондентов
1. Не принимают участие в волонтерской работе	84
2. Участвуют в волонтерской работе при студенческих социальных службах	8
3. Участвуют в волонтерской работе при социальных службах города/района/области	6
4. Не определились с ответом	2

Таким образом, толерантность как культурная ценность и норма поведения воспроизводится в самодеятельности студентов, прежде всего, через развитие студенческого самоуправления. Долгое время студенческое самоуправление не рассматривалось как социальная технология, призванная сформировать именно такую личность, которая отвечает вызовам постиндустриального общества и при этом учитывает культурную динамику общества, в котором средствами студенческого самоуправления такая личность формируется.

В новаторской деятельности современного вуза развитие студенческого самоуправления становится его визитной карточкой, потому что отвечает целям демократизации и гуманизации высшего образования, благодаря чему студенчество становится актором образовательного процесса, участвует в формировании образовательной политики и компетенций будущего специалиста. Сейчас требования к модели специалиста меняются, актуализируется обретение личностью таких качеств, как толерантность, новаторство, самостоятельность, ответственность, способность к саморазвитию и др. Именно эти качества производит, поддерживает и развивает у студентов участие в студенческом самоуправлении через такую его форму, как волонтерская деятельность.

Увеличению круга тех, кто свою толерантность подтверждает реальными поступками, направленными на помощь нуждающимся людям, могут способствовать, на наш взгляд, такие меры:

- преодоление негативного отношения общества к проблемам социально уязвимых слоев населения, ведь волонтерская деятельность разворачивается сейчас на фоне недостаточно позитивно настроенного общественного мнения о необходимости обеспечения поддержки социально уязвимых слоев населения путем предоставления им социальных услуг;
- повышение информированности волонтеров о потребности потенциальных клиентов;
- популяризация волонтерских мероприятий среди студенчества и рядовых граждан, повышение престижности занятия волонтерской работой;
- обмен опытом волонтерской работы на конференциях, семинарах, организация стажировки в ведущих социальных службах, центрах;
- обучение волонтеров, повышение их осведомленности по вопросам социальной работы с отдельными категориями граждан;
- увеличение финансирования социальных проектов, к реализации которых привлекается студенческая молодежь;
- усиление координации деятельности волонтерских студенческих организаций и государственных и негосударственных институтов (в частности, благодаря созданию в регионе информационно-аналитического центра по проблемам студенческого волонтерского движения);

- расширение сети студенческих социальных служб, центров, занимающихся предоставлением социальных услуг;
- расширение референтного круга тех, кто занимается волонтерской деятельностью и пропагандирует ее среди своих друзей, знакомых, через активизацию деятельности студенческих социальных служб.

Обратимся к материалам указанного выше социологического исследования. Распределение ответов респондентов на вопрос «Есть ли в Вашем учебном заведении студенческие социальные службы?» говорит, что осведомленность респондентов о студенческих социальных службах весьма невелика: половина опрошенных вообще не владеют информацией о наличии таких служб в учебных заведениях, где они получают высшее образование. Каждый десятый студент уверенно заявил, что в его университете (институте) студенческих социальных служб нет. То есть удельный вес тех, кто отметил, что в учебном заведении «нет» или «не знает о существовании» студенческих социальных служб, достигает 61 %. Около 40 % респондентов осведомлены в той или иной степени о деятельности социальных служб в их учебных заведениях. Именно их положительное отношение (эту группу составили те, кто отметил позицию «полностью положительно» и «скорее положительно») к этим службам (73 %) является свидетельством того, что украинское студенчество, в целом, толерантно настроено к проведению социальных мероприятий по поддержке тех, кто в ней нуждается (табл. 3.10).

Таблица 3.10

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете деятельность студенческих социальных служб?», в % (по данным социологического исследования «Положение студенческой молодежи Украины», проведенного Украинским институтом социальных исследований имени А. Яременко, 2008 г., n = 5103)

Оценка деятельности студенческих социальных служб	Среди тех, кто ответил, что в вузе есть студенческие социальные службы, N = 2000
1. Положительно	33
2. Скорее, положительно	40
3. Скорее, отрицательно	6
4. Отрицательно	2
5. Трудно сказать	19

Актуальным в украинских высших учебных заведениях, на наш взгляд, является развертывание воспитательных программ, направленных на то, чтобы студенты чувствовали внутреннюю потребность делать добро, были альтруистически настроены и такими, которым присуща толерантность как социальное представление и этическая норма, что подчеркивает в своем исследовании Г. Бардиер [7].

Целесообразно также проведение постоянного мониторинга состояния функционирования и форм деятельности органов студенческого самоуправления университетов стран, которые создали единое европейское пространство высшего образования. В этом мониторинге состояние волонтерской работы становится важным индикатором студенческого самоуправления. Данные такого мониторинга могут служить информационной базой для принятия управленческих решений относительно приближения образовательных практик европейских стран в сфере студенческого самоуправления, в т. ч. волонтерской деятельности. Теперь студенческое самоуправление (и волонтерство как его составляющая) может рассматриваться как перспективная практика конструирования толерантных отношений в студенческой среде как на национальном, так и европейском уровнях.

Волонтерская деятельность как форма студенческого самоуправления является действенным механизмом социализации студентов, в ходе которой они получают навыки благотворительности, социальной ответственности, а также овладевают культурой толерантности. Среди основных трендов появления и развития студенческих организаций волонтерские организации часто просто игнорируются, однако их значимость как для высшего учебного заведения, так и для самих студентов трудно переоценить. Волонтерская деятельность является проявлением социальной ответственности личности, пространством ее самореализации.

Нами выдвинута гипотеза, что толерантность/интолерантность в различных сферах общественной жизни воспринимается студенчеством неоднозначно и определяется как соотношение в сознании молодежи традиционных и новых ценностей, так и внешними социальными условиями. Где интолерантность наиболее распространена? Для получения ответа на этот вопрос мы рассмотрели отношение студентов к тем явлениям, которые вызывают наибольшую дискуссию в украинском обществе, в следующих четырех областях.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ. Как представлены в сознании студентов инновационные и традиционные практики в семейных отношениях? Молодые люди испытывают давление как традиционных ценностей семейной жизни, так и новых, что обуславливает их различную толерантность по отношению к отдельным явлениям в области семьи и брака (см. приложение, табл. 5).

Традиционно в нашем обществе вызывает осуждение отсутствие заботы о детях и людей старшего поколения. И эти ценности полностью разделяются современной студенческой молодежью. Опрошенные студенты единодушно высказали нетерпимость к таким явлениям, как «отказ от новорожденного» (92 %) и «отказ от заботы о родителях» (90 %). В то же время студенчество менее настроено придерживаться традиционных ценностей в половых отношениях. Супружеская верность – традиционная семейная ценность, которую тоже разделяет молодежь, значительная часть ее представителей (74 %) осуждает внебрачные связи. Одновременно каждый десятый опрошенный довольно терпимо относится к супружеским изменам, а 16 % готовы их признать в отдельных случаях. Дети постепенно перестают рассматриваться молодежью как фактор, который цементирует семью: «сохранение семьи ради детей» оправдывают меньше половины респондентов (47 %), а прямо осуждает – каждый седьмой опрошенный. Приемлемым в студенческой среде считаются добрачные половые отношения: толерантны к ним две трети опрошенных (68 %) и лишь каждый седьмой указал на их недопустимость.

Неоднозначная реакция опрошенных студентов на новые формы брачных отношений. Значительный резонанс в кругах общественности Украины вызывает «регистрация однополых браков», против них настроены 75 % опрошенных. В то же время часть студентов (13 %) толерантны к однополым бракам, а 12 % допускают их при определенных обстоятельствах.

А пробные браки вносят в студенческую среду некий раскол. К таким бракам настроен толерантно лишь каждый пятый опрошенный, почти столько же респондентов допускают их при определенных обстоятельствах, а более половины (58 %) вообще считают такие отношения безответственными и недопустимыми.

Наибольшие же разногласия у студенчества вызывает заключение брачного контракта: толерантно к этому относятся 39 % опрошенных, интолерантные – 30 % и ситуативно – 31 %.

К разводам, наличие которых является правом современных супругов, студенты относятся взвешенно: треть респондентов толерантны к этому явлению, каждый четвертый занимает интолерантное отношение и 41 % – ситуативное. Очевидно, среди молодежи сохраняется ориентация на создание крепкой семьи, но лишь часть опрошенных считает целесообразным закрепить семейные отношения за счет осуждения тех, кто прибегает к разводу.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ. Респонденты настроены на соблюдение норм уголовного законодательства, у большинства из них вызывает осуждение и презрение те, кто не платит налоги, занимается торговлей людьми, распространением порнографии, обвиняется в сексуальных домогательствах и взятках (см. приложение, табл. 6).

Подавляющее большинство респондентов (97 %) считает недопустимым торговлю людьми (трафикинг), то есть разделяет мнение о том, что это является грубым нарушением прав человека. Международным сообществом Украина признана важной страной транзита и поставки женщин и детей на рынки интимного бизнеса Турции, Польши, Венгрии, Чехии, Греции, России, Арабских Эмиратов, Израиля, Японии и других стран. Граждане Украины пополняют живым «товаром» открытые и тайные рынки продажи людей Европы и Азии. Этот вид преступной деятельности имеет давнюю историю, ведь известно, что еще в X–XIV ст. на исторических территориях Украины рабство было вполне обыденным явлением, обусловленным военными кампаниями. С начала XV в. стало усиливаться закрепощение крестьян и участились татарские набеги. Татары ловили рабов – «пленников» – и продавали их на рынках Кафы, в Турцию. Таким образом, плен и продажа в рабство были обычным явлением в судьбе многих наших предков.

Ввоз, изготовление, сбыт и распространение порнографических предметов считают недопустимым 81 % респондентов. Порнография предназначена для возбуждения половой страсти путем циничного, грубо натуралистического или противоестественного отображения сферы половой жизни. В отличие от эротики, которая затрагивает сферу половой жизни без грубого натурализма и имеет целью достижения эффекта эстетического (лишь побочным ее эффектом может быть сексуальное возбуждение), порнография концентрирует внимание на анатомических и/или физиологических его аспектах, на обнаженном показе элементов половых актов или других форм сексуальной жизни. Ввоз в Украину произведений, изображений или других предметов порнографического характера с целью сбыта или распространения, или их изготовление, перевозка или другое перемещение с той же целью, или принуждение к участию в их создании является преступлением.

Взяточничество осуждают более половины опрошенных студентов (59 %). В то же время 12 % респондентов толерантны к взяточникам, а 29 % ситуативно оправдывают его. Это явление подрывает авторитет государственного аппарата, организаций, коммерческих и предпринимательских структур, дискредитирует их деятельность. Взяточничество – родовое понятие, охватывающее два неразрывно связанных между собой состава преступлений: получение взятки (ст. 368 УК Украины) и дача взятки (ст. 369 УК Украины). Получение взятки означает принятие должностным лицом от другого лица материальных ценностей, получение имущественных выгод или пользование услугами имущественного характера за действие, которое лицо должно было или могло совершить или совершило в пользу другого лица благодаря служебному положению. Предметом взятки может быть имущество (деньги, строительные материалы и т. п.),

право на имущество (документы, предоставляющие право на получение имущества, предоставление права пользования имуществом или требованиями, имущественных обязательств и т. п.), любые действия имущественного характера (передача имущественных выгод, отказ от них, отказ от прав на имущество, бесплатное предоставление услуг имущественного характера, санаторных или туристических путевок, проведение строительных или ремонтных работ и т. п.). Получение взятки означает, что предмет взятки лично вручается должностному лицу или с его ведома близкому или знакомому человеку. Предмет взятки может быть переслан почтой, внесен на счет лица в банке, а также может передаваться в более завуалированной форме (например, преднамеренный проигрыш денег в карты, передача вещи под видом подарка, дача денег в долг без последующего возврата, продажа ценной вещи за бесценок и наоборот, приобретение вещи, которая не представляет особой ценности, за большую денежную сумму, незаконная выплата премиальных или заработной платы за мнимое совместительство). В Украине расценивается как взятка получение должностным лицом незаконного вознаграждения от подчиненных или подконтрольных лиц за покровительство или попустительство, решение в их пользу вопросов, входящих в его компетенцию. Вручение должностному лицу подарков или других подношений не за определенные действия по службе, а с целью подхалимства, для установления или поддержания с ним «хороших» отношений не является уголовно наказуемым.

В последние годы общественность возбуждена темой хищений, под которыми понимается умышленное противоправное обращение виновным лицом определенным способом чужого имущества в свою пользу или другого лица из корыстных побуждений. Известно, что непосредственным объектом посягательства при хищении является право собственности на имущество (частное, коммунальное, государственное). Предметом хищения может быть имущество, которое имеет стоимость, цену и находится в чужой для виновного собственности. Особое осуждение вызывает в обществе воровство – тайное похищение чужого имущества. Похищение считается тайным, когда оно совершается в отсутствие лица, в собственности или под охраной которого находилось имущество, или в присутствии такого лица, но незаметно для него. Респонденты право собственности воспринимают как незыблемое, однако более интолерантны к кражам личного имущества, чем государственного (93 % и 77 % соответственно).

Одним из существенных правовых нарушений является неуплата или неполная уплата в бюджеты субъектами хозяйственной деятельности или гражданами обязательных платежей. В зависимости от того, умышленно или по неосторожности такая неуплата допущена, это влечет

за собой штраф от контролирующих органов, уплату пени за несвоевременное погашение налогового обязательства, административную или уголовную ответственность. Неуплату налогов считают допустимой 9 % опрошенных и каждый пятый респондент допускает это явление в некоторых случаях. Уклонение от уплаты налогов, сборов, других обязательных платежей вызывает осуждение у 70 % респондентов.

Респонденты, ориентированные на соблюдение норм уголовного законодательства, осуждают такие явления, как обман и ложь. Обман как способ мошенничества – это сообщение потерпевшему неправдивых сведений или сокрытие фактов, сообщение о которых было обязательным, что ввело потерпевшего в заблуждение. В первом случае имеет место активная форма путем дезинформации потерпевшего (искажение истины, что вызвало у пострадавшего неправильное представление о фактах), во втором – в пассивной форме путем замалчивания истины, несообщение пострадавшему сведений об обстоятельствах, знание которых существенно повлияло бы на поведение потерпевшего. Обман имеет многочисленные проявления (обман покупателей и заказчиков, умышленные обмер, обвес, обсчет или иной обман покупателей (превышение цен и тарифов, продажа фальсифицированных товаров, продажа неполного комплекта, продажа обесцененных товаров по предварительной цене, завышение норм расхода материалов, пересортица) или заказчиков при реализации товаров или оказании услуг). Более двух третей опрошенных (69 %) считает его недопустимым. Предметом обмана могут быть деньги, товары или различные изделия, изготавливаемые или ремонтируемые на заказ граждан. Обман деформирует коммуникацию между людьми.

Электоральная активность студенческой молодежи испытывает определенное влияние толерантности самих студентов по отношению к тем, кто игнорирует участие в выборах. В этом вопросе выделяются три группы респондентов: толерантны к тем, кто отказывается от участия в избирательных кампаниях (39 %), ситуативно настроены (31 %), а также интолерантные (30 %).

Привлекает внимание гендерная толерантность украинских студентов. Равноправие мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни воспринимают как природное явление, присущее современному обществу, более двух третей опрошенных (68 %). Однако почти 18 % респондентов считают, что гендерное равенство должно быть ситуативным, «в некоторых случаях оно допустимо, а в некоторых – нет». Почти каждый седьмой респондент демонстрирует интолерантность в этом вопросе, что свидетельствует об определенном воспроизводстве социальной базы гендерного неравенства, происходящего на фоне декларирования равенства прав и свобод мужчин и женщин, однако гарантии этих прав все еще не

выполняются в полной мере. Так, через сложные и разнообразные социальные функции нагрузки, что обусловлено материнством, женщины объективно оказываются менее конкурентоспособной категорией на рынке труда. Это, в свою очередь, детерминирует уменьшение возможностей женщин в профессиональном и карьерном росте, устройстве на работу или занятии предпринимательской деятельностью, усиливает дискриминацию в оплате труда. Тема льгот за проезд в транспорте, борьбы с бесплатным проездом активно обсуждается в Украине. Бесплатный проезд в транспорте без права на это осуждают более половины (56%) опрошенных студентов.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОБЛАСТИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ. Отношение опрошенных студентов к отдельным проявлениям девиантного поведения неоднозначно: наиболее интолерантно молодежь относится к сексуальным домогательствам и самоубийствам, а наименее – к абортам (см. приложение, табл. 7).

Подавляющее большинство респондентов (95 %) нетерпимы к сексуальным домогательствам, под которыми понимается принуждение женщины или мужчины к вступлению в половую связь естественным или неестественным способом лицом, от которого женщина или мужчина материально или по службе зависимы, и является преступлением. Материальная зависимость означает, что пострадавший находится на полном или частичном содержании субъекта (является его родственником, лицом, которое проживает на его жилой площади и т. д.). Виновный угрожает потерпевшему лишением этого содержания – отказом кормить, оплачивать обучение, выселением из жилья. Служебная зависимость связана с тем, что лицо является подчиненным субъекта по работе (например, рабочий и начальник цеха, секретарь и руководитель учреждения) либо зависит от него в связи с выполнением своих профессиональных функций по поводу обучения, удовлетворения своих культурных потребностей и т. д. (например, продавец и ревизор, студент и преподаватель, спортсмен и тренер). В таком случае влияние может выразиться в угрозах уволить с работы, оценить неудовлетворительно знания на экзамене, отчислить из команды и т. д.

Самоубийство предусматривает, что потерпевший своими действиями (бездействием) сознательно и целенаправленно причинил себе смерть. Самоуничтожение вызывает у опрошенных единодушное неприятие (92 % респондентов считают это недопустимым). Состояние общественной дезорганизации, нравственной опустошенности, ослабление социальных связей, а также рост безработицы, обнищания и страданий части людей, что характерно для кризисного социума, – все это актуализирует тему самоубийства. Однако студенческая молодежь не воспринимает самоубийство как способ решения существующих личных проблем, которые провоцирует экономический кризис в современном обществе. Тем не

менее, 8 % опрошенных указали на допустимость этого шага (из них 3 % выразили толерантное отношение и 5 % оправдывают самоубийство при определенных обстоятельствах).

Проституция или принуждение, втягивание в занятие проституцией возмущает большинство респондентов (81 %). Систематическое занятие проституцией, то есть предоставление сексуальных услуг с целью получения дохода, вызывает у молодежи осуждение и понимание общественной опасности этого явления, ведь проституция отрицательно влияет на человека, подрывая моральные устои нормального развития, нередко является источником распространения венерических болезней, питательной средой уголовной преступности, которая ее эксплуатирует. В Украине проституцией считается вступление за плату (материальную выгоду) во внебрачные случайные связи, которые не основываются на личной симпатии. Это предоставление платных сексуальных услуг в естественной или неестественной, нетрадиционной форме лицом женского пола мужчинам или лицом мужского пола женщинам (гетеросексуальные половые связи) или лицами одного и того же пола (мужеложство, лесбиянство). Характерными признаками проституции является вступление в сексуальные связи с различными партнерами (клиентами) и предварительная договоренность об оплате услуги (деньгами, ценными бумагами, драгоценностями, дорогими или престижными вещами, предоставление материальных услуг). При существующем официальном запрете легальных публичных домов места разврата могут маскироваться под клубы знакомств, массажные кабинеты, сауны и т. д., но среди молодежи такой досуг не поощряется.

Гомосексуализм сам по себе не является противоправным деянием, преступлением считается лишь насильственное удовлетворение половой страсти неестественным способом. Насильственное удовлетворение половой страсти неестественным способом в Украине имеет как правовое, так и моральное регулирование. В традиции украинцев доминирует прежде всего моральное осуждение таких действий. Относительно правовой стороны, то объектом преступления считается половая свобода взрослого или половая неприкосновенность несовершеннолетнего или малолетнего лица, причем потерпевшим лицом может быть как мужчина, так и женщина. Толерантны к гомосексуализму 18 % опрошенных студентов, 11 % настроены ситуативно и 71 % высказали ту или иную степень нетерпимости к этому явлению.

Студенты достаточно толерантны к абортам: их считают недопустимыми лишь 16 % опрошенных, 28 % оправдывают аборты в отдельных случаях, отрицают их целесообразность 56 % респондентов. Такое отношение молодежи к искусственному прерыванию беременности может быть

результатом доступности самой процедуры без осознания молодежью ее негативных последствий. Кроме того, существуют социальные показания, по которым аборт фактически оправдывается обществом. В Украине к таким социальным показаниям отнесены следующие: наличие трех и более детей, развод во время беременности, смерть мужа во время беременности, беременность в результате изнасилования, пребывание женщины или ее мужа в местах лишения свободы, лишение женщины родительских прав, наличие у женщины ребенка-инвалида, тяжелое заболевание или травма мужа, которые возникли во время беременности и т. д.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛИЦАМ С ВРЕДНЫМИ ПРИВЫЧКАМИ. Среди вредных привычек наибольшую нетерпимость студентов вызывает употребление наркотиков (93 % опрошенных назвали это недопустимым), толерантные к наркоманам 3 % респондентов, еще в 4 % не вызывает возражений ситуативное употребление наркотических средств (см. приложение, табл. 8).

Моральное осуждение этого деяния совпадает с уголовным, ведь в Украине предусмотрена уголовная ответственность за незаконное публичное употребление наркотических средств. Особенно это касается территорий, предназначенных для проведения учебных, спортивных и культурных мероприятий (школы, вузы, стадионы, клубы и т. п.), а также мест массового пребывания граждан (вокзалы, пристани, пляжи, парки, детские площадки, подземные переходы, улицы, площади и т. д.).

Можно предположить, что молодежь в подавляющем большинстве не склонна к оправданию употребления наркотиков как из этических, так и из правовых соображений. Более того, почти 76 % респондентов высказали мнение, что борьба с распространением наркомании должна стать в Украине приоритетной социальной программой по молодежи, которую должны реализовать органы государственного управления.

Курение считают вредным для здоровья больше половины опрошенных (55 %). В то же время 42 % респондентов согласны мириться с этой привычкой в отдельных ситуациях. Еще 23 % оправдывают курение.

Употребление молодежью спиртных напитков в значительной мере определяется факторами ценностного характера, принятыми в студенческой среде нормами и устоявшимися привычками по отношению к алкоголю. Те, кто употребляет спиртные напитки, у большинства студентов не вызывают осуждения. Нетерпимость к спиртным напиткам продемонстрировали 42 % опрошенных, еще столько же респондентов оправдывают употребление алкоголя при определенных обстоятельствах и лишь 16 % к этой вредной привычке толерантны.

Как выглядит толерантность в студенческой среде в гендерном измерении? Опрос студенческой молодежи позволяет сделать следующие выводы:

- равенство мужчин и женщин как демократическую ценность в большей степени разделяют женщины: среди них 75 % считает это неоспоримым, тогда как среди мужчин – лишь 60 %. Вдвое больше мужчин, чем женщин (19 % и 9 % соответственно), так или иначе, отрицают гендерное равенство;

- и мужчины и женщины настроены на то, чтобы в обществе выполнялись установленные правовые и моральные нормы. Однако со стороны женщин высказывается большая нетерпимость к взяточничеству (не предполагают его 63 % женщин и 54 % мужчин), неуплате налогов (73 % и 68 % соответственно), распространению наркотиков (95 % и 90 %), супружеским изменам (78 % и 68 %);

- толерантность к проявлению девиантного поведения демонстрируют как мужчины, так и женщины. Однако последние выражают большую интолерантность. Речь идет, прежде всего, о сексуальных домогательствах (к ним нетерпимость высказали 97 % женщин и 93 % мужчин), самоубийствах (94 % и 89 % соответственно), абортах (57 % и 52 %);

- отдельно следует указать на различия в отношении мужчин и женщин к проституции. С последней более склонны мириться мужчины, чем женщины, ее предполагают в нашем обществе в 4,5 раза больше мужчин, чем женщин (13 % и 3 % соответственно), интолерантные к этому явлению в большей степени женщины (90 % и 69 %);

- толерантных к гомосексуализму почти вдвое больше среди мужчин по сравнению с женщинами (23 % и 12 % соответственно). В то же время допускают такую форму отношений чаще мужчины. То есть тема гомосексуализма более актуальной и проблемной представляется для мужчин. Женщины скорее выступают наблюдателями активного обсуждения этой темы в обществе, возможно, этим можно объяснить тот факт, что среди них интолерантных к гомосексуализму почти две трети (64 %), тогда как среди мужчин – 80 %. Так же можно объяснить и различия в отношении мужчин и женщин к однополым бракам, которые менее затрагивают сознание женщин: их отрицают как недопустимые 81 % мужчин и 70 % женщин;

- кризис института семьи привел к появлению новых форм семейных и брачных отношений, в отношении которых у мужчин и женщин наблюдаются некоторые особенности. Мужчины несколько более склонны к оправданию необходимости заключения брачного контракта, а также к добрачным отношениям (70 % и 65 %). Только пробные браки имеют среди мужчин и женщин почти одинаковое число как сторонников, так и противников;

- фиксируются различия в отношении представителей разных полов к разводам. Оказалось, что толерантных к разводам больше среди женщин, тогда как склонных не допускать развода больше среди мужчин

(29 % и 22 % соответственно). Возможно, это является следствием того, что женщины все чаще становятся инициаторами разводов, с чем не всегда готовы мириться мужчины;

- вредные привычки вызывают у женщин больше беспокойства, чем у мужчин. И женщины и мужчины интолерантны к употреблению наркотиков (95 % и 90 % соответственно), курению (58 % и 51 %), употреблению спиртных напитков (44 % и 39 %).

Предметом социологического изучения становятся проявления экстремизма в студенческой среде, диагностика которых крайне необходима и проведена нами. Полученная нами социологическая информация свидетельствует о том, что в целом возможности университета в конструировании толерантного социального пространства постоянно расширяются [191]. Например, обучение толерантности входит в рабочие программы высших учебных заведений [2; 122].

Таким образом, социальная толерантность, чтобы избежать декларативности и стать реальностью, должна активно формироваться, о чем свидетельствует опыт западноевропейских стран, в которых постепенно под давлением «снизу» преодолевались дискриминационные практики и на смену им приходило признание прав тех, кто имеет отличия (языковые, гендерные, этнические, семейные, религиозные, имущественные, региональные и т. д.) [208; 215].

«Дефицит социального равенства» является проблемой глобальной миграции, которая распространяется и на украинское общество. Социальные перспективы мигрантов обуславливают их статусные изменения и ресурсный потенциал. Однако эти перспективы становятся реальными только при наличии толерантных отношений в обществе, локальной территориальной общине, где они живут. Пропаганда толерантности в межнациональных отношениях остается актуальной для мегаполисов нашей страны. Местным властям целесообразно проводить диалог с диаспорами для решения спорных (проблемных) вопросов в области межэтнических отношений, что будет способствовать повышению уровня социальной толерантности в Украине.

Современная украинская студенческая молодежь успешно проходит адаптацию к общественным структурам и полностью разделяет толерантность как базовую ценность, которая способствует установлению социального мира и согласия. Это проявляется в том, что подавляющее большинство опрошенных студентов считает недопустимым нарушение существующих правовых и моральных норм в отношениях между людьми в различных сферах общественной жизни.

Очевидной становится необходимость включения толерантности как обязательного компонента в социальную компетентность будущих специ-

алистов, то есть толерантности можно учить целенаправленно в современных высших учебных заведениях, которые имеют большие возможности создания толерантных социальных сетей. Формирование толерантности в студенческой среде может происходить через развитие волонтерской деятельности в том случае, когда, с одной стороны, студенты достаточно мотивированы на участие в волонтерской работе, а с другой – когда в высших учебных заведениях такая деятельность стимулируется и имеет организационное обеспечение в виде студенческих социальных служб, поддерживаемых студенческим самоуправлением.

Сейчас повышается роль университетского образования в развитии толерантного общества. Формирование толерантного социального пространства средствами университетского образования может происходить: во-первых, через учебно-воспитательную работу (развитие у студентов толерантности как ключевой жизненной компетентности, готовности к жизни в толерантной социальной среде, поддержание и воспроизводство этой среды); во-вторых, через научную и просветительскую деятельность университета; в-третьих, через рекламу, пропаганду и PR-деятельность лучших толерантных практик, в которых задействовано университетское сообщество.

Сейчас требования к модели специалиста меняются, актуализируется обретение личностью таких качеств, как толерантность, новаторство, самостоятельность, ответственность, способность к саморазвитию и др. Именно эти качества производят, поддерживают и развивают у студентов участие в студенческом самоуправлении через такую его форму, как волонтерская деятельность.

Целесообразно проведение постоянного мониторинга состояния функционирования и форм деятельности органов студенческого самоуправления университетов стран, которые создали единое европейское пространство высшего образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие лабиринта широко используется в художественной и научной литературе, когда речь идет о сложном и запутанном явлении, процессе. Не случайно в «Словаре иностранных слов» лабиринт (гр. labyrinthos) определяется как «запутанное положение, сложное переплетение чего-либо» [146]. В «Словаре русского языка» это понятие уточняется, лабиринт рассматривается в двух значениях: 1) запутанная сеть дорожек, ходов, сообщающихся друг с другом помещений (первоначально – большое здание со сложно расположенными переходами в Древней Греции и Египте); 2) так говорят о сложном, запутанном расположении, сочетании чего-нибудь [147].

Лабиринты толерантности в современном обществе обусловлены особенностями пространственно-временных характеристик социальной среды: социальным составом ее жителей, их ментальными чертами и институциональными факторами.

Теоретическая концептуализация толерантности происходит в рамках междисциплинарного подхода, поэтому мы в своем анализе использовали наработки философов, психологов, политологов, педагогов, социолингвистов и др. Актуализации толерантности в научном знании и признанию толерантности как глобальной проблемы современной цивилизации предшествовала определенная эволюция понимания этого социального явления. Толерантность сейчас рассматривается как культурная, социальная и личностная ценность, иногда как исключительно нравственный идеал, или как благо-в-себе. Одно можно утверждать без сомнения: в разные эпохи этические и общекультурные принципы определяли параметры толерантности. Толерантность стала рассматриваться как показатель устойчивости и надежности сложно структурированной социальной системы любого уровня.

Нами выделены следующие этапы изучения феномена толерантности в истории социологии 1. Этап категориального поиска. Разработка понятий «социальная солидарность», «согласие» (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин, Ф. Тьоннис и др.). 2. Этап эмпирического изучения толерантности в различных сферах общественной жизни. Выделение проявлений и видов толерантности (А. Брилл, С. Григг, Г. Макклоски, Дж. Протрите, Дж. Салливан, С. Штоуффер, Е. Головаха, Н. Панина, В. Паниотто,

А. Ручка, и др.). 3. Современные интерпретации толерантности. Осознание многомерности толерантности (М. Уолцер, Н. Победа и др.).

Анализ научных источников позволил автору подтвердить следующее: во-первых, социологи ведут активные поиски социологической интерпретации толерантности как многомерного понятия; во-вторых, измерение толерантности остается дискуссионным; в-третьих, толерантные и интолерантные практики в различных сферах общественной жизни являются взаимосвязанными.

Толерантность проявляется как диффузная форма социальности, что является отражением качества жизни и институциональных и самоорганизационных форм социальных взаимодействий. Многомерность социальной толерантности обусловлена несколькими моментами: во-первых, этот феномен по-разному осознается и трактуется в разных культурах; во-вторых, в разные исторические периоды потребность в толерантности имела особые проявления; в-третьих, различные слои общества демонстрируют различные формы, типы, виды толерантного сознания и поведения.

Отношение к толерантности исторически менялось, о чем свидетельствуют такие отмеченные нами тенденции.

1. Изменяется восприятие толерантности/интолерантности и переоцениваются интолерантные практики прошлого. Интолерантность в современном мире начинает восприниматься как ненормальность, то есть как такое состояние социума, что противоречит гуманизму, признанию прав личности, общества быть отличными от других. Под этим углом зрения все чаще переоцениваются интолерантные проявления прошлых времен.

2. Средства борьбы с индивидами и группами, которые исповедуют «другие» представления, взгляды; они исторически изменялись, так же, как и системы социального контроля. Человечеством разработаны многочисленные формы социального контроля, базирующиеся как на ценностной регуляции социального поведения, так и на принуждении. Жестокими по отношению к «другим» кажутся репрессии (особенно политические и религиозные). Прибегали к репрессиям и распространяли интолерантность среди населения преимущественно те институты, которые в конкретный период времени и в конкретном социуме имели достаточное и неконтролируемое обществом воздействие (например, инквизиция во времена средневековья).

3. Повышается роль ценностной обусловленности отношения к «Другому». Толерантность начинает восприниматься как важная социальная ценность, распространение которой входит в задачи социальной политики. В регуляции социального поведения индивидов, сообществ и групп все более заметную роль начинает играть политика государства,

которая опирается на гуманистические ценности. При этом социальное государство, которое берет на себя ответственность не только за социальный порядок, но и за социальную безопасность каждого своего гражданина, становится тем институтом общества, который призван обеспечивать толерантность. Собственно толерантность в наше время можно рассматривать как продолжение социально-государственной солидарности в условиях признания не только коллективной, но и индивидуальной ответственности за устойчивое развитие общества.

Теоретическое измерение толерантности рассматривается нами как проблемно ориентированный процесс познания. Мы воспользовались классификацией социологических подходов к социальным проблемам, предложенной И. Ясавеевым [213], который условно разделил эти подходы на две группы: а) подходы социальной патологии, социальной дезорганизации и функционалистский подход, исходящие из объективизма, т. е. социальные проблемы рассматриваются в них в качестве объективно существующих дисфункций, противоречий, патологических и дезорганизованных состояний; б) интеракционистский подход, при котором социальные проблемы считаются следствием общественной реакции, и конструктивистский подход, при котором социальные проблемы конструируются индивидами или группами, привлекающими внимание общественности к тем или иным предполагаемым условиям и выступающие с требованиями к их изменению.

Социальная толерантность рассматривается нами как характеристика социального взаимодействия, которая проявляется в способности устанавливать и сохранять мирными способами общность между субъектами при наличии социальных неравенств, что ее нарушают. Социальная толерантность обусловлена социальным и социокультурным контекстами той среды, в которой она принята, формируется и воспроизводится как ценность, культурная норма и принцип деятельности. Функциональное назначение социальной толерантности раскрывается через выделение автором таких ее функций: социально-интеграционная; идентификационная, гуманитарная, функция группообразования, регулятивная и функция легитимации соответствующих действий (акций) государства. В процессе реализации социальной толерантности возможен конфликт ее функций. Так, функция идентификационная может вступать в противоречие с гуманитарной функцией, провоцируя конфликтность как на межличностном, групповом, так и на институциональном уровнях. Эту конфликтность снимать (уменьшать) призвана регулятивная функция социальной толерантности.

Основными формами проявления социальной толерантности являются: личностная, общественная (отображается в морали, обычаях, общественной психологии), государственная (отражается в законодательстве,

политической практике). Видовое разнообразие толерантности позволяет выделять национальную, межконфессиональную, гендерную, этническую, субкультурную, возрастную, профессиональную, политическую толерантность, которые изучаются в основном на эмпирическом уровне и не имеют достаточного теоретико-методологического обоснования. По отношению к толерантности используется также ряд метафор: «бездействует толерантность», «виртуальная» и «реальная» толерантность, «позитивная толерантность», «декларативная толерантность», «пассивная толерантность», «истинная» и «ложная», «фальшивая» толерантность.

Мы не согласны с теми, кто считает, что толерантность относится ко всему положительному, а нетерпимость скоррелирована со всем негативным. Нетерпимость (или чаще используемый термин «интолерантность») и толерантность имеют более весомые нагрузки, выступают как антиподы. Между ними существует диалектическая связь, предусматривающая взаимные переходы в конкретном пространстве, поэтому анализироваться они могут лишь в том или ином контексте. Анализ отношения к тому, что толерантность часто отождествляют с терпимостью, привела автора к мысли, что терпимость всегда пассивная, означает лишь внешнее сдерживание своего отношения к «Другому», может не менять позицию нетерпимости, т. е. может быть немотивированной и бездействующей.

Востребованность активной социальной толерантности в современном обществе требует развернутой ее теоретической интерпретации. Активная социальная толерантность – это действия социальных групп и сообществ (включая представителей управленческих и властных групп), направленные на практическое воплощение толерантности как ценности, культурной нормы и принципа деятельности в социальные взаимодействия в рамках конкретного социального времени и пространства. Активная толерантность – это не просто отсутствие враждебности, агрессии, но и заинтересованное отношение к людям другой национальности, одобрение самого факта их существования, стремление их понять и найти общий язык. Итак, возможности реализации толерантности в украинском обществе зависят от социальных, культурных и правовых традиций, уровня общей культуры людей, от разумной, взвешенной политики правящей элиты. Это не исключает роли таких внешних факторов, как цивилизационные различия и уровень межгосударственного сотрудничества.

Деятельностно-коммуникативное взаимодействие субъектов создает (виртуально и реально) толерантное социальное пространство, которое воспроизводится в различных сферах общественной жизни на личностном и институциональном уровнях. Такое пространство формируется на таких технологиях внешнего упорядочения и самоорганизации, которые способствуют взаимопониманию и сотрудничеству в условиях осознаваемого

как значимого социального неравенства между индивидами и группами. Толерантное социальное пространство является динамичным, подвижным и таким, что поддается конструированию.

Неопределенность переходного характера социального положения отдельных групп (например, молодежь, мигранты), усиленная социальной неопределенностью, которая присуща современному этапу развития общества риска, обостряет противоречие в самосознании между «Мы» и «Они», что становится основой формирования интолерантности. Интолерантные практики усиливает также дефицит социального равенства – это ограничение пространства легитимных прав личности и отдельных групп (категорий), которое субъектами воспринимается как несправедливое и затрудняет их обустройство в отличающейся социокультурной среде. Как следствие, фиксируются дискриминационные практики как социальные пространства, в которых распространена интолерантность, унижается человеческое достоинство, лица испытывают нарушения своих прав и свобод, не имеют возможности их отстоять законным путем.

Разные общества платят разную цену интолерантности. Под ценой интолерантности в работе понимаются различные эффекты, выражающие потери, которые несет общество в результате несоблюдения основных принципов толерантности и толерантного поведения в повседневной жизни (как на личностном, так и на институциональном уровнях). Определение цены интолерантности затрудняют, прежде всего, такие основные моменты: невозможность количественного (формализованного) измерения многочисленных следствий интолерантности, наличие расхождений во времени (опоздание) интолерантного поведения и проявлений негативных последствий интолерантности. Наконец, толерантность реализуется в повседневной жизни благодаря освоению разными индивидами и группами гражданско-правовых способов разрешения спорных вопросов и толерантного поведения в конфликтных ситуациях.

Несмотря на то, что толерантность получает широкое концептуальное осмысление, теория и методология толерантности пока существуют в виде ряда идей, которые часто противоречат друг другу. Эволюцию теоретических подходов к толерантности мы определяем как переход от нейтральной терпимости по отношению к представителям других обществ, культур, религиозных и этнических сообществ к активной, заинтересованной толерантности, которая начинает базироваться на рефлексивном отношении к собственной позиции, конструктивном коммуникативном взаимодействии с представителями других социальных групп. Отличительной чертой современной культуры является глобальность, на волне которой усиливается взаимодействие между различными обществами, рост осознания культурного разнообразия мира и одновременно культур-

ных различий, принятие которых различными социальными группами происходит противоречиво.

Толерантность на индивидуальном уровне (как качество личности и как характеристика поведения по отношению к «Другому») не заложена от природы, а складывается постепенно в процессе социализации и развития личности. Обобщая наработки психологов и социологов, изучавших проявления толерантности на личностном уровне, к характеристикам толерантной личности можно отнести, прежде всего, такие: готовность к восприятию других взглядов, способность идти на цивилизованный компромисс, готовность допускать наличие различных мнений; попытки согласовывать позиции на основе справедливости, закона и прав человека; ненавязывание единых стандартов; навыки разрешать противоречия открыто, конструктивно и позитивно; сохранение чувства меры; уравновешенность; пребывание в состоянии конкуренции не лишает представления об ограничениях этического характера; совершение поступков по позитивному сценарию; некультивирование образа врага; противостояние любым проявлениям ксенофобии; неделение общества на победителей и побежденных и др.

Мы предлагаем условно разделить социальные институты по их роли в формировании и воспроизводстве толерантного социального пространства на три группы. Первую группу составляют институты, «производящие» толерантность как культурную, социальную и личностную ценность (это, прежде всего, институты науки, политики, религии и т. д.). Вторая группа включает институты, транслирующие (передающие) толерантное видение мира, формирующие толерантную компетентность (это, прежде всего, институты семьи, образования, средств массовой коммуникации). Третью группу представляют институты, которые контролируют соблюдение в обществе принципов толерантности (это преимущественно институты права, государства, общественного мнения).

В условиях глобализации безграничные возможности открывают сети доверия в различных сферах общественной жизни (в политике, экономике и др.). Включение индивида в толерантную социальную сеть становится ключевым в формировании его толерантного социального поведения. Глобализация трансформирует процессы этнической и, в целом, культурной идентификации, возрождения национального сознания. Толерантность при этом сочетает различие и единство, отдельное и общее. Она является ответом на поиск путей и механизмов гуманной глобализации. В условиях глобализации естественный рост человеческой коммуникации имеет своим основанием толерантность, а сама толерантность становится реальностью через установление устойчивых, беспрепятственных, разнонаправленных коммуникаций, целью которых является распространение понимания между людьми и признание за ними определенных прав. Толерантность

органически входит в ценностно-нормативную систему общества, когда ее сопровождает социальная коммуникация, которая, на наш взгляд, отвечает таким характеристикам:

- во-первых, поддерживает плюралистический баланс в обществе и создает условия для формирования толерантной общественной атмосферы, свободы мнений и оценок, которые необходимы для формирования рефлексивной толерантности и для превращения «другого» в полноправного и равноправного субъекта;

- во-вторых, воспроизводит демократические основы, без которых становится невозможным или затрудняется диалог между «Мы» и «Другие», а также осознание, формирование и реализация прав человека и групп;

- в-третьих, образ «Другого» представляет с точки зрения отличного, но не «врага», сама культура в такой коммуникации воспринимается не как единство в многообразии, а как разнообразие единств, когда у индивида и группы появляется право быть другими и это право в той или иной степени защищено;

- в-четвертых, пропагандирует диалог между различными культурными и другими группами, а также обучает компромиссу ради социального согласия.

Социальная толерантность предусматривает такой способ коммуникаций между индивидами и группами, который при наличии различий, которые провоцируют неравенства, способствует реализации гуманно и плюрално ориентированных стратегий и практик на основе социального диалога.

Неконтролируемый рост социального неравенства в постсоветских странах приводит к повышению напряженности в обществе и, соответственно, к поискам путей оптимизации социальных взаимодействий. Одним из таких путей является распространение толерантности, которая вносит конструктивность в общественную жизнь и способна преодолевать негативные последствия дифференциации, присущей тому или иному социуму. «Дефицит социального равенства» является проблемой глобальной миграции, которая распространяется и на украинское общество. На примере отношения к мигрантам в современном украинском мегаполисе видно, что неравенства в жизни мигрантов в основном концентрируются вокруг следующих четырех проблем: значительные различия в доходах у тех, кто приезжает в Украину, и местных жителей; ограничения возможности трудоустройства; ограничения свободы передвижения; ограничения на открытие собственного бизнеса. В целом же социальные перспективы мигрантов зависят от их статусных изменений и ресурсного потенциала. Однако эти перспективы становятся реальными только при наличии толерантных отношений в обществе, локальной территориальной общине, где они живут

(временно или постоянно). Пропаганда толерантности в межнациональных отношениях остается актуальной для мегаполиса нашей страны. Местным властям целесообразно проводить диалог с диаспорами для решения спорных (проблемных) вопросов в области межэтнических отношений.

Преодолевать негативные проявления многих социальных рисков пока позволяют системы социального страхования как один из элементов системы социальной защиты. В Украине наступление определенных событий защищается соответствующими социальными программами, то есть граждане, которые попали под их действие, формально защищены. К таким событиям относятся, в частности, старость, инвалидность, потеря кормильца, болезнь, профессиональное заболевание, безработица, обнищание, бедность семей с детьми, потери вследствие стихийного бедствия или катастрофы и некоторые другие. Можно считать, что наше общество уже самим фактом наличия правового механизма защиты граждан от указанных социальных рисков достаточно толерантно (прежде всего, на уровне правового сознания) относится к тем социальным группам (индивидам), которые вследствие указанных событий нуждаются в заботе и защите. Вместе с тем, толерантность по отношению к группам, которые попадают под риск потери доходов, и толерантность по отношению к носителям другой культуры имеют различные механизмы формирования развития и различные внешние проявления. Распространение «культуры толерантности» и уменьшение интолерантных практик в этой сфере требуют применения более гибких инструментов, которые бы не ограничивались действием институтов социальной защиты. Прежде всего, речь идет о просветительской деятельности и межкультурном диалоге в обществе.

Толерантность предполагает бесконечность путей коммуникации, создание толерантных социальных сетей. Вместе с тем некритическое отношение к противоречивым событиям открывает возможность ее перерождения во вседозволенность и произвол, то есть в качество, присущее насилию. Плюралистический полиморфизм может способствовать укреплению толерантности в обществе, но может привести и к обратному результату. Поэтому возникает вопрос об определении границ толерантности на личностном и институциональном уровнях.

Разработанная нами концепция формирования толерантности средствами института высшего образования (университетского образования) позволяет: во-первых, уточнить миссию и конкретные задачи университета в направлении повышения толерантности как в университетской среде, так и в обществе в целом; во-вторых, усовершенствовать содержание и структуру услуг, которые может предоставлять университет в плане развития толерантности; в-третьих, популяризировать положительный опыт работы университетов в русле формирования толерантного социального пространства (в частности, через студенческое самоуправление).

Социальная толерантность рассмотрена как особый тип социального взаимодействия. Социальную толерантность создают, поддерживают и воспроизводят различные типы взаимодействий (естественные, эмоциональные, культурно-коммуникационные, деятельностные, правовые и т. д.), но ведущим является деятельностное взаимодействие. Именно последнее создает (виртуально и реально) толерантное социальное пространство. Автором показано, что границы толерантности исторически меняются, однако направленность и механизм этих изменений, задействованные в этом процессе социальные силы до конца еще не выяснены.

Разработанная нами теоретико-методологическая основа формирования толерантности средствами университетского образования имеет практическую направленность, она позволяет: 1) уточнить миссию и конкретные задачи университета в направлении повышения толерантности как в университетской среде, так и в обществе в целом; 2) уточнить концепцию формирования толерантности средствами института высшего образования; 3) усовершенствовать содержание и структуру услуг, которые может предоставлять университет в плане развития толерантности; 4) популяризировать положительный опыт работы университетов в русле формирования толерантного социального пространства (в частности, средствами студенческого самоуправления, через волонтерскую деятельность).

Толерантность проявляется в локальных практиках, на уровне территориальной общины, где классическим примером паритетного общения индивидов и групп может стать социальный диалог. Однако распространение в территориальных сообществах диалогового общения в виде помощи, содействия, сотрудничества требует толерантного настроения жителей территориальной общины и действий власти, которые учитывают настроения граждан. Кроме того, социальный диалог – это, как правило, проблемно ориентированное общение, поэтому жители должны быть осведомлены о социальных проблемах в социуме и его отдельных сферах, а также в приоритетах социальной политики, которую проводит власть в направлении развития толерантности.

Историческая изменчивость границ толерантности сказалась на социологическом теоретизировании – новая социальная реальность, которая получила концептуальное осмысление в социологических теориях постмодерна, расширяет эти границы и дальше. Повышается востребованность создания толерантных социальных сетей, а оптимизация социальных взаимодействий в контексте толерантности ставит вопрос о технологизации социологического знания об этом феномене, чему в определенной степени способствуют результаты и выводы данного исследования.

Неконтролируемый рост социального неравенства в постсоветских странах ведет к повышению напряженности в обществе и, соответственно,

к поиску путей оптимизации социальных взаимодействий. Одним из таких путей является распространение толерантности, которая вносит конструктивность в общественную жизнь и способна преодолевать негативные последствия социальных дифференциаций, присущих тому или иному социуму.

Для кого толерантность в современном украинском обществе становится наиболее востребованной? Наиболее возлагают надежды на внедрение толерантности «слабые», которые непосредственно выигрывают от этого. Толерантность призвана скрыть их уязвимость. Неслучайно, по нашим данным, действия властей, направленные на уменьшение дифференциации в доходах населения, поддерживают «бедные», те, у кого нет доступа к ресурсам власти, собственности. Зато «сильные» не нуждаются в преимуществах толерантности. Она для последних является свойством самоограничения. Однако может случиться так, что сегодня тот, кто «слабый», на следующий день может стать «сильнее», а тот, кто сегодня «сильный», может стать на следующий день «слабее».

Таким образом, процессу демократизации общества будет способствовать переход от социальной толерантности как «фоновой» ценности, принципа и нормы к активной толерантности. Это вызывает необходимость поддержки толерантных взаимодействий как на личностном, так и на институциональном уровнях, реализация властными структурами принципа активной социальной толерантности. Проведенное нами исследование данной проблемы показало, что толерантные стратегии и практики в украинском обществе жизнеспособны при условиях ориентации как отдельных граждан, так и институтов (государства и гражданского общества) на реализацию и защиту социальных и гражданских прав личности в толерантном социальном пространстве.

Дальнейший социологический экскурс в тему толерантности целесообразно проводить, на наш взгляд, по двум направлениям: во-первых, путем дальнейшего совершенствования методологии изучения толерантных/интолерантных практик и, во-вторых, через технологизацию социологического знания об этом феномене. Сегодня социологи, психологи, педагоги, социолингвисты концентрируют внимание преимущественно на разработке технологий повышения толерантности в отдельных сегментах и сферах общественной жизни. Между тем, есть потребность в системном и комплексном подходе к разработке социальных технологий, способствующих социальной толерантности на личностном и институциональном, локальном и глобальном уровнях. Целесообразно также тему толерантности распространить на изучение языковых форм реализации интолерантности (так называемый «язык вражды»), дискурса ненависти и его особенностей (агрессивность, иррациональность, манипулятивность).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев М. Г. Культура согласия как эффективный фактор глобализации / М. Г. Алиев // Социс. – 2003. – № 6. – С. 21–28.
2. Адамьянц Т. З. Диалог как основа толерантности : учебная программа и методическое обеспечение / Т. З. Адамьянц. – М. : ИС РАН, 2005. – 80 с.
3. Андреев А. Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства / А. Л. Андреев // Социс. – 2007. – № 9. – С. 38–44.
4. Асмолов А. Формирование установок толерантного сознания: что могут СМИ? [Электронный ресурс] / А. Асмолов // Век толерантности : научно-публицистический вестник. – 2003. – Вып. 5. – Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/p-mag-last.shtml>
5. Бавин П. С. Социальная география ксенофобии и толерантности / П. С. Бавин // Полис. – 2006. – № 6. – С. 37–58.
6. Бакиров В. С. Пространство и время человека как продукт социальной коммуникации / В. С. Бакиров // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. праць. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2008. – С. 3–6.
7. Бардиер Г. Л. Толерантность как социальное представление и этническая норма / Г. Л. Бардиер // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6: «Философия. Культурология. Политология. Международные отношения». – 2005. – Вып. 4. – С. 109–118.
8. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
9. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман ; пер. с англ. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
10. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек ; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника ; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
11. Белинская Елена. Система ценностей личности в перспективе толерантности [Электронный ресурс] / Елена Белинская // Век толерантности : научно-публицистический вестник / под ред. А. Г. Асмолова. – 2003. – Вып. 5. – Режим доступа : <http://www.tolerance.ru/p-mag-last.shtml>
12. Бертильссон М. Второе рождение природы: последствия для категории *социальное* / М. Бертильссон // Социс. – 2002. – № 9. – С. 118–127.

13. Бетти Э. Риэрдон. Толерантность – дорога к миру / Бетти Э. Риэрдон. – М. : Бонфи, 2001. – 304 с.
14. Блохин И. Н. Толерантность как принцип журналистской деятельности / И. Н. Блохин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: «Филология. Востоковедение. Журналистика». – 2008. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 120–126.
15. Болотова А. К. Человек и время в познании, деятельности, общении / А. К. Болотова. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 283 с.
16. Бороноев А. О. О понятиях «общество» и «социальное» / А. О. Бороноев, П. И. Смирнов // Социс. – 2003. – № 8. – С. 3–11.
17. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (в мире мудрых мыслей) / Э. Борохов. – М. : Издательство АСТ, 2000. – 668 с.
18. Буравой М. Публичная социология прав человека / М. Буравой // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. X, № 4. – С. 27–44.
19. Валитова Р. Р. Толерантность / Р. Р. Валитова // Новая философская энциклопедия. Т. 4. Т – Я. // предс. науч.-ред. совета В. С. Степин ; ин-т философии РАН ; нац. обществ.-науч. фонд. – М. : Мысль, 2001. – С. 75–76.
20. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века / И. Валлерстайн ; пер. с англ. – М. : Логос, 2003. – 368 с.
21. Васильев В. А. К вопросу о толерантности в современной России / В. А. Васильев // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 3. – С. 249–262.
22. Вевьерка М. Формирование различий / М. Вевьерка // Социс. – 2005. – № 8. – С. 13–24.
23. Выгорбина А. Е. Культура политического диалога и сотрудничества (социально-этический аспект) / А. Е. Выгорбина. – М. : Вузовская книга, 1998. – 68 с.
24. Галкин А. А. Культура толерантности перед вызовами глобализации / А. А. Галкин, Ю. А. Красин // Социс. – 2003. – № 8. – С. 64–74.
25. Герасименко Петро. Хвороба толерантності [Електронний ресурс] / Петро Герасименко // Українська правда. – 2011. – 24 листопада. – Режим доступу: <http://www.pravda.com.ua/columns/2011/11/24/6760216/view-print/>
26. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / [Хелд Д., Гольдблатт, Макгрю Э., Перратан Дж.] ; пер. с англ. – М. : Праксис, 2004. – 576 с.
27. Головаха Є. Соціологічне знання: специфіка, критерії науковості та перспективи розвитку / Є. Головаха // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2004. – № 1. – С. 5–14.

28. Головаха Є. Соціальні зміни в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» / Є. Головаха, А. Горбачик. – К. : ІС НАНУ, 2008. – 132 с.
29. Горбачик А. Мережений підхід до вивчення структури українського парламенту / А. Горбачик, О. Жулькевська // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2006. – № 3. – С. 161–175.
30. Гофман А. Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства / А. Б. Гофман // Социс. – 2004. – № 7. – С. 23–26.
31. Гречко П. К. Различия: от терпимости к культуре толерантности / П. К. Гречко. – М : РУДН, 2006. – 415 с.
32. Гречко П. К. Социальное. Истоки. Структурные профили, современные вызовы / П. К. Гречко, Е. М. Курмелева. – М. : РОССПЭН, 2009. – 440 с.
33. Грива О. А. Толерантність молоді у полікультурному середовищі : монографія / О. А. Грива. – К. : Вид-во Національного пед. ун-ту імені М. П. Драгоманова, 2007. – 275 с.
34. Григорян А. А. Подходы к определению понятия «толерантность» в современных исследованиях / А. А. Григорян // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета : научный журнал. – 2006. – Вып. 1. – С. 67–71.
35. Губина Н. В. Ч. Х. Кули об истоках индивидуальной и социальной напряженности / Н. В. Губина // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 4. – С. 189–201.
36. Гуторов В. А. Интолерантность как фактор политического процесса в посткоммунистических странах / В. А. Гуторов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: «Философия. Культурология. Политология. Международные отношения». – 2008. – Вып. 1. – С. 13–24.
37. Давыдов А. А. Системный подход в социологии. Новые направления, теории и методы анализа социальных систем / А. А. Давыдов. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 328 с.
38. Девіс Норман. Європа: історія / Норман Девіс ; пер. з англ. – К. : Основи, 2000. – 1464 с.
39. Декларація Принципів толерантності, схвалена Генеральною конференцією ЮНЕСКО у Парижі 16 листопада 1995 р. / Організація Об'єднаних Націй з питань освіти, науки і культури. – Париж, 1995. – 14 с.
40. Демократия [Текст]: конфликтность и толерантность / отв. ред. В. С. Рахманин. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2002. – 402 с.
41. Димаев А. Р. Миграция населения как социальный феномен: факторы динамики / А. Р. Димаев // Социология власти. – 2007. – № 3. – С. 65–74.
42. Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект / А. В. Дмитриев // Социс. – 2004. – № 10. – С. 4–13.

43. Драгилева Н. В. К вопросу о социальной дифференциации в сфере высшего образования / Н. В. Драгилева // Образование и наука в процессе реформ. Социологический анализ / ред.-сост. Д. Л. Константиновский, Л. П. Веревкин. – М. : ЦСП, 2003. – С. 219–234.
44. Дробижева Л. М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (тенденции и проблемы) / Л. М. Дробижева // ОНС: Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 68–77.
45. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального! / С. Жижек. – М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
46. Жижек С. Терпимость как идеологическая категория / С. Жижек // Философские науки. – М., 2007. – № 4. – С. 5–35.
47. Зборовский Г. Е. Метопарадигмальная модель теоретической социологии / Г. Е. Зборовский // Социс. – 2008. – № 4. – С. 3–15.
48. Зинченко В. П. Толерантность к неопределенности: новизна или психологическая традиция? / В. П. Зинченко // Человек в ситуации неопределенности [Текст] / гл. ред. А. К. Болотова ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : ТЕИС, 2007. – С. 9–33.
49. Золотухин В. М. Толерантность как проблема философской антропологии : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / Золотухин В. М. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2004. – 44 с.
50. Зуева Д. С. Специфика мегауниверситетов как современной образовательной инфраструктуры / Д. С. Зуева, О. М. Карпенко, И. А. Крутий // Социс. – 2007. – № 10. – С. 80–85.
51. Иванов Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2000. – 120 с.
52. Иванченко С. Багатовимірна модель гендера / С. Іванченко // Соціальна психологія. – 2007. – № 4. – С. 157–173.
53. Идентичность и толерантность : [сб. ст.] / под ред. Н. М. Лебедевой. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. – 414 с.
54. Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика / С. Г. Ильинская. – М. : Праксис, 2007. – 288 с.
55. Инглехарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности в изменяющемся обществе / Р. Инглехарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6–32.
56. История средних веков: Европа и Азия / [А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др.]. – Минск : Харвест, 2000. – 656 с.
57. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – С. 492–505.
58. Касьянова Е. И. Формирование толерантности у студентов в системе высшего технического образования : монография [Текст] / Е. И. Касьянова. – Чита : ЗаБИЖТ, 2007. – 157 с.

59. Касьянова Е. И. Социально-философские основания толерантности : автореф. дис. ... докт. филос. наук : 09.00.11 «Социальная философия» / Касьянова Е. И. – Улан-Удэ, 2009. – 48 с.
60. Кілик Іван. Фальшива толерантність [Електронний ресурс] / Іван Кілик // Українська правда. – 2011. – 3 березня. – Режим доступу : <http://www.pravda.com.ua/columns/2011/03/3/5949741/>
61. Кирдина С. Г. Современные социологические теории: актуальное противостояние? / С. Г. Кирдина // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – С. 18–28.
62. Ключник И. В. Формирование толерантности молодежи в современных условиях : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Ключник И. В. – Белгород, 2005. – 250 с.
63. Климова С. Г. Критерии определения групп «Мы» и «Они» / С. Г. Климова // Социс. – 2002. – № 6. – С. 83–96.
64. Коваліско Н. В. Основи соціальної стратифікації : навч. посібник / Н. В. Коваліско. – Львів : Магнолія 2006, 2007. – 328 с.
65. Кожухарь Г. С. Модель толерантности в конфликтном межличностном взаимодействии / Г. С. Кожухарь // Конфликты в обществе : матер. междунар. конф. 17–20 апреля 2004 г. : сборник. – СПб., 2006. – С. 230–240.
66. Кожухарь Г. С. Модель усиленной мотивации: взаимодействие базовых механизмов межличностной толерантности / Г. С. Кожухарь // Вопросы психологии. – 2007. – № 2. – С. 15–29.
67. Козлова О. Н. Университет в открытом мире «процветания» и «выживания» / О. Н. Козлова // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 1. – С. 204–222.
68. Козловець М. Феномен толерантності у соціокультурному просторі сучасності / М. Козловець, В. Слюсар // Філософська думка. – 2007. – № 6. – С. 147–156.
69. Козырев Г. И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях / Г. И. Козырев // Социс. – 2008. – № 1. – С. 31–39.
70. Красиков С. А. Глобализация: политические риски открытости / С. А. Красиков // Полис. – 2008. – № 2. – С. 163–168.
71. Красиков С. А. Исследование рисков в западной социологии / С. А. Красиков // Социологические исследования. – 2008. – № 9. – С. 12–19.
72. Крейн І. Концепція толерантності як універсальної категорії еволюції розуму: метапідхід / І. Крейн // Вісник Національної академії наук України. – 2006. – С. 22–42.
73. Круглова Н. В. К вопросу о первом историческом типе толерантности / Н. В. Круглова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 131–137.

74. Круглова Н. В. Толерантность и идентичность: ситуация в современной России / Н. В. Круглова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: «Философия. Культурология. Политология. Международные отношения». – 2008. – Вып. 2. – С. 125–133.
75. Круглова Н. В. Виртуальность и реальность толерантности // Виртуальное пространство культуры: материалы научной конференции 11–13 апреля 2000 г. / Н. В. Круглова. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 18–21.
76. Ксенофобия в современном мире / [Ачкасов В. А., Ачкасова В. А., Ланцов С. А. и др.] ; отв. ред. В. А. Ачкасов и Д. З. Мутагиров. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 354 с.
77. Кувакин В. А. Человек в мире действительностей / В. А. Кувакин // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: «Философия». – 2005. – № 3. – С. 3–12.
78. Кули Чарльз Хортон. Человеческая природа и социальный порядок / Чарльз Хортон Кули ; пер. с англ. ; под общ. науч. ред. А. Б. Толстого. – М., 2000. – С. 196.
79. Культурные практики толерантности в речевой коммуникации [Текст] : коллективная монография / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова ; Уральский Межрегиональный институт общественных наук. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 595 с.
80. Куропятник А. И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ / А. И. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Том 3. – № 2. – С. 53–66.
81. Куценко О. Д. Общество неравных / О. Д. Куценко. – Х. : Видавничий центр Харківського нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна, 2000. – 316 с.
82. Лебедева О. В. Толерантность в модернистских и постмодернистских социологических теориях: ее преломление в практике дипломатических отношений : дис. ... канд. социол. наук : 23.00.02 [Электронный ресурс] / О. В. Лебедева. – М., 2006. – 174 с. – РГБ ОД, 61:06-22/195. – Режим доступа : <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/183873.html>].
83. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин ; пер. с англ. – СПб. : Речь, 2000. – 408 с.
84. Лекторский В. А. О толерантности / В. А. Лекторский // Философские науки. – 1997. – № 3–4. – С. 14–18.
85. Локк Дж. Опыт о веротерпимости / Дж. Локк // Личность и культура. – М., 2007. – № 2. – С. 46–49.
86. Луканова Е. В. Враждебность как коммуникативная установка личности: психосемантический аспект / Е. В. Луканова // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 12: «Психология. Социология. Педагогика». – 2008. – Вып. 3. – С. 428–433.

87. Луман Н. Введение в системную теорию / Н. Луман ; пер. с нем. – М. : Логос, 2007. – 360 с.
88. Луман Н. Дифференциация / Н. Луман ; пер. с нем. – М. : Логос, 2006. – 320 с.
89. Мазлиш Б. Глобальное и локальное: понятия и проблемы / Б. Мазлиш // Социс. – 2006. – № 5. – С. 23–31.
90. Мацковский М. Толерантность как объект социологического исследования [Электронный ресурс] / М. Мацковский // Век толерантности : научно-публицистический вестник. – № 3–4. – М. : МГУ, 2001. – С. 40–52. – Режим доступа : <http://www.tolerance.ru/vek-tol/3-0.html>
91. Міграція і толерантність в Україні : зб. статей / за ред. Я. Пилинського. – К. : Стилос, 2007. – 192 с.
92. Мартинюк І. Ставлення молоді до суспільних проблем і перспектив / І. Мартинюк // Українське суспільство. 1992–2010. Соціальний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К. : Інститут соціології НАН України, 2010. – С. С. 373–379.
93. Мережі і мережні війни: майбутнє терору, злочинності та бойових дій / за ред. Дж. Арквіллі, Д. Ронзельдта ; пер. з англ. – К. : Києво-Могилянська академія, 2005. – 350 с.
94. Мичурин А. В. Эволюция идеи толерантности / А. В. Мичурин // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14, № 2. – С. 534–537.
95. Милль Дж. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–15.
96. Монбриаль Т. де. Действие и система мира / Т. де Монбриаль ; пер. с фр. – М. : Московский гос. ин-т междунар. отношений ; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – 488 с.
97. Мосина Н. В. Подходы к формированию компетентности будущего специалиста / Н. В. Мосина // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 1. – С. 188–190.
98. Мукомель В. И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) / В. И. Мукомель // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 56–66.
99. Мутагиров Д. З. Ксенофобия как социальное явление / Д. З. Мутагиров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: «Философия. Культурология. Политология. Международные отношения». – 2008. – Вып. 1. – С. 3–11.
100. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
101. Наумова М. Концептуалізація соціального у постмодерних дискурсах / М. Наумова // Соціальні виміри суспільства : зб. наук. праць. – Вип. 1 (12). – К. : Ін-т соціології НАН України, 2009. – С. 97–104.

102. Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / [Е. Головаха, Е. Иващенко, В. Серета, Н. Панина, О. Стегний] ; под ред. Л. М. Дробижевой, Е. И. Головахи. – К. : ИС НАНУ, 2007. – 280 с.
103. Неокончательный анализ: ксенофобные настроения в молодежной среде / отв. ред. Омельченко Е., Лукьяновой Е. – Ульяновск : Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2009. – 264 с.
104. Николсон П. Толерантность как моральный идеал / П. Николсон // Толерантность. Вестник Уральского межрегионального института общественных отношений. – 2002. – № 1. – С. 97–111.
105. Новые социальные неравенства / под ред. С. Макеева. – К. : Институт социологии НАН Украины, 2006. – 355 с.
106. Оллпорт Г. У. Природа предубеждения [Электронный ресурс] / Г. У. Оллпорт // Век толерантности. – Вып. 5. – Режим доступа : <http://www.tolerance.ru/vek-tol/5-0.html/>.
107. Орлов А. Б. Толерантность [Электронный ресурс] / А. Б. Орлов, А. З. Шапиро. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/10/1001072/1001072a1.htm>.
108. Павловський К. Трансформації вищої освіти в ХХІ столітті: польський погляд / К. Павловський. – К. : Консорціум із удосконалення менеджмент-освіти в Україні, 2005. – 230 с.
109. Паніна Н. Національна толерантність, національний ізоляціонізм та ксенофобія в Україні / Н. Паніна // Україна-2002. Моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К. : Інститут соціології НАН України, 2002. – С. 445–459.
110. Панина Н. О применении шкалы социальной дистанции в исследованиях национальной толерантности в Украине / Н. Панина // Панина Н. В. Избранные труды по социологии : в 3 т. Т. I. Вопросы теории, методологии, технологии социологического исследования и профессиональной этики. – К. : Факт, 2008. – С. 87–115.
111. Паніотто В. Динаміка ксенофобії й антисемітизму в Україні (1994–2007) / В. Паніотто // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2008. – № 1. – С. 197–213.
112. Паращевін М. Соціальна солідарність в українському суспільстві: тенденції змін / М. Паращевін // Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К. : Інститут соціології НАН України, 2004. – С. 448–457.
113. Перцев А. В. Ментальная толерантность / А. В. Перцев // Толерантность. Вестник Уральского межрегионального института общественных отношений. – 2002. – № 1. – С. 30–47.

114. Петров В. Н. Этнические мигранты и полиэтническая принимающая среда: проблемы толерантности / В. Н. Петров // Социс. – 2003. – № 7. – С. 84–91.
115. Петров О. В. Толерантність політична / О. В. Петров // Соціальна політика : енцикл. словник / авт.-упоряд. : В. А. Полтораки, О. В. Петров, А. В. Толстоухов. – К. : Вид-во Європ. ун-ту, 2009. – С. 393.
116. Победа Н. А. Толерантность: содержательные смыслы и социологическая интерпретация / Н. А. Победа // Социс. – 2007. – № 6. – С. 13–28.
117. Погодина А. А. Толерантность: термин, позиция, смысл, программа [Электронный ресурс] / А. А. Погодина. – Режим доступа : <http://his.1september.ru/2002/11/2.htm>
118. Попова І. «Соціальність» як підґрунтя соціологічної інтерпретації / І. Попова // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2002. – № 4. – С. 98–121.
119. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер ; пер. с англ. – Т. 1 : Чары Платона. – М. : Культурная инициатива, 1992. – 446 с.
120. Права людини та підзвітність органів влади в Україні / відп. ред. Ю. Саєнко. – К. : Фоліант, 2003. – 184 с.
121. Пригожин И. Р. Сетевое общество / И. Р. Пригожин // Социс. – 2008. – № 1. – С. 24–27.
122. Развитие культуры толерантности. Рабочая программа спецкурса / А. В. Гайда, К. А. Устиловский, А. А. Александров. – Екатеринбург : Уральская Академия государственной службы, 2006. – 18 с.
123. Рарот Х. Общее благо глобального мира. Глобализированный (унифицированный) мир и общее благо / Х. Рарот // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. – 2007. – № 2. – С. 4–16.
124. Рассадина Т. А. Традиционные ценности: к вопросу о понятии / Т. А. Рассадина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: «Социология и политология». – 2004. – № 3. – С. 80–96.
125. Рассадина Т. А. Механизмы процесса трансформаций традиционных ценностей / Т. А. Рассадина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: «Социология и политология». – 2005. – № 4. – С. 50–64.
126. Ринкявичюс Л. Концепция общности (Gemeinschaft / community) и ее специфика в виртуальном пространстве / Л. Ринкявичюс, Э. Буткявичене // Социс. – 2007. – № 7. – С. 3–11.
127. Риск в социальном пространстве / под ред. А. В. Мозговой. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2001. – 347 с.
128. Родионова Л. В. Трудовые миграции горожан в годы реформ / Л. В. Родионова // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. – 2005. – № 2. – С. 40–47.

129. Роль концепта «толерантность» в формировании демократического общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://experts.in.ua/baza/analytic/index.php?ELEMENT_ID=11252

130. Русанов В. А. Границы толерантности – социальные и индивидуальные измерения / В. А. Русанов // Проблемы социально-гуманитарных наук в эпоху цивилизационного кризиса : матер. Всерос. науч.-практ. : конф. сб. науч. статей в 2-х ч. Ч. 1. – Саратов : Научная книга, 2006. – С. 123–128.

131. Ручка А. О. «Свої» та «чужі» в ідентифікаційній свідомості громадян України / А. О. Ручка // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Соціальні процеси в Україні. – 2004. – Вип. 4. – С. 304–308.

132. Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности / С. В. Рыжова. – М. : Альфа-М, 2011. – 280 с.

133. Ручка А. Особливості та чинники демократичної консолідації / А. Ручка // Медіа. Демократія. Культура / за ред. Н. Костенко, А. Ручки. – К. : ІС НАНУ, 2008. – С. 48–60.

134. Рязанов А. В. Манипулятивный потенциал концепта «толерантность» / А. В. Рязанов // Философия и общество = Philosophy a. Society. – 2007. – № 1. – С. 82–97.

135. Рязанова Л. Вплив релігійної та конфесійної ідентичності на етнонаціональну толерантність/інтолерантність / Л. Рязанова // Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2006. – С. 299–309.

136. Рязанова Л. С. Кордони міжконфесійної толерантності між християнами і мусульманами / Л. С. Рязанова // Проблеми безпеки особистості, суспільства, держави : інф. аналітичний бюлетень. – 2008. – № 8. – С. 99–107.

137. Рязанцев С. Трудовая миграция в СНГ: тенденции и проблемы регулирования / С. Рязанцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 11. – С. 65–69.

138. Саралиева З. Х. Молодежь XXI века: толерантность как способ мировосприятия / З. Х. Саралиева. – Нижний Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2001. – 309 с.

139. Себенцов А. Е. Религия и толерантность в формирующемся гражданском обществе / А. Е. Себенцов // Общественные отношения и права человека на юге России: история, современность и перспективы. – Волгоград, 2006. – С. 178–185.

140. Семененко И. С. Социальное неравенство в зеркале публичной политики / И. С. Семененко // Полис. – 2007. – № 5. – С. 173–186.

141. Семигіна Т. Словник з соціальної політики / Т. Семигіна. – К. : Києво-Могилянська академія, 2005. – 254 с.

142. Сергеев В. М. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» / В. М. Сергеев, А. А. Казанцев // Полис. – 2007. – № 2. – С. 18–30.
143. Серебряников В. В. От воинственности к миролюбию / В. В. Серебряников // Социс. – 2002. – № 5. – С. 81–88.
144. Серебрянников В. В. Природа человека: источник войн или миролюбия? / В. В. Серебрянников. – М. : Научный мир, 2007. – 356 с.
145. Сикорская Л. Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы / Л. Е. Сикорская // Социс. – 2007. – № 9. – С. 52–58.
146. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова и др. – 18-е изд., стер. – М. : Рус. яз, 1989. – С. 275.
147. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1988. – С. 255.
148. Соколов В. М. Толерантность: состояние и тенденции / В. М. Соколов // Социс. – 2003. – № 8. – С. 54–64.
149. Соловьев Э. Толерантность в политической истории человечества: предпосылка или продукт демократии [Текст] : рецензия / Э. Соловьев // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 4. – С. 112–119.
150. Сорокин П. А. Замечания об элементарных формах социальной жизни / П. А. Сорокин // Социс. – 2008. – № 1. – С. 28–30.
151. Социальное неравенство и публичная политика / ред. кол. : Медведев В. А. (отв. ред.), Горшков М. К., Красин Ю. А. – М. : Культурная Революция, 2007. – 336 с.
152. Соціологія глобалізації / Домінік Мартен, Жан-Люк Мецпир, Філіп П'єр ; пер. з франц. – К. : Києво-Могилянська академія, 2005. – 284 с.
153. Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л. М. Дробышева. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 2003. – 222 с.
154. Сприяння поширенню толерантності у поліетнічному суспільстві [Текст] : посібник / О. Майборода, Р. Чілачава, Т. Пилипенко та ін. – К. : Європа ХХІ, 2002. – 311 с.
155. Стеббинс Р. А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) / Р. А. Стеббинс // Социс. – 2000. – № 7. – С. 64–73.
156. Столяров В. И. Методология введения, оценки и унификации понятий / В. И. Столяров // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: «Философия». – 2007. – № 1. – С. 9–23.
157. Сысоев Е. В. Толерантность этнически неоднородного сельского населения и типология ее носителей / Е. В. Сысоев // Социологические исследования : ежемесячный научный и общественно-политический журнал Российской академии наук. – 2006. – № 3. – С. 71–78.

158. Танчер В. Сучасні соціологічні теорії: проблеми визначення і демаркації / В. Танчер // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2006. – № 2. – С. 205–209.
159. Тарасенко В. Соціальне, суспільне та соціологічне пізнання / В. Тарасенко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 52–68.
160. Темичева Е. Толерантность в России: свои и чужие. Толерантность как условие существования [Электронный ресурс] / Е. Темичева. – Режим доступа : <http://trc.tsu.ru/apendix/tolerant-3.htm>
161. Ткачев Д. Ш. Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве / Д. Ш. Ткачев // Полис. – 2006. – № 1. – С. 78–91.
162. Тойнби А. Дж. Постижение истории : сборник / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 640 с.
163. Толерантность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.orgm.org.ua/tolerance.html>
164. Толерантность / общ. ред. М. П. Мchedлова. – М. : Республика, 2004. – 416 с.
165. Толерантность в подростковой и молодежной среде. Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XVI / под ред. В. С. Собкина. – М. : Центр социологии образования РАО, 2004. – 224 с.
166. Толерантность в обществе различий [Текст] : коллективная монография / ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов, А. Ю. Зенкова ; Межрегиональные исследования в общественных науках (программа), Уральский Межрегиональный институт общественных наук. – Екатеринбург : Полиграфист, 2005. – 232 с.
167. Толерантность и интолерантность в современном обществе: общее и различное : материалы международной научно-практической конференции «Толерантность и интолерантность в современном обществе: 2006» / под науч. ред. И. Л. Первой. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 429 с.
168. Толерантность и образование: современные проблемы формирования толерантного сознания [Текст] : коллективная моногр. / отв. ред. А. В. Перцев ; Межрегиональные исследования в общественных науках (программа), Уральский Межрегиональный институт общественных наук. – Екатеринбург : [б. и.], 2006. – 190 с.
169. Толерантність як соціокультурна проблема сучасності : матеріали Круглого столу, 29 травня 2007 р., м. Житомир / Нац. ін-т стратег. досліджень, Житомир. держ. ун-т імені І. Франка ; [редкол. : П. Ю. Саух (кер.) та ін.]. – Житомир, 2007. – 124 с.
170. Тьоніс Ф. Спільнота та суспільство: основні поняття чистої соціології / Ф. Тьоніс ; пер. з нім. – К. : Дух і Літера, 2005. – 262 с.

171. Українське суспільство. 1992–2006. Соціальний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К. : Інститут соціології НАН України, 2006. – 578 с.
172. Українське суспільство. 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К. : Інститут соціології НАН України, 2009. – 560 с.
173. Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер ; пер. с англ. – М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 159 с.
174. Урсуленко К. Соціальна солідарність: розвиток поняття в історії соціології та сучасні інтерпретації / Ксенія Урсуленко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2009. – № 1. – С. 138–157.
175. Федотова В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
176. Федотова Н. Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность / Н. Н. Федотова // Философские науки. – 2004. – № 4. – С. 5–27.
177. Федюнина С. М. Толерантность к межэтническим взаимодействиям с мигрантами в установках сотрудников силовых структур / С. М. Федюнина // Социально-гуманитарные знания. – М., 2007. – № 3. – С. 151–158.
178. Фетисов В. Я. Социальная жизнь как предмет исследования социологии / В. Я. Фетисов // Социс. – 2007. – № 6. – С. 28–38.
179. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности [Текст] : коллективная монография / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков ; Уральский Межрегиональный институт общественных наук. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 542 с.
180. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий / Ю. Хабермас // Социс. – 2006. – № 1. – С. 45–53.
181. Хабермас Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас ; пер. с нем. – М. : Весь мир, 2008. – 192 с.
182. Хальман Л. Карта культур Европы. Исследование основных ценностных ориентаций населения европейских стран / Л. Хальман, Ж. Хагенаас, Г. Моорс // Социология. Научно-теоретический журнал. – 2004. – № 4. – С. 44–55.
183. Хафизова Н. А. Пределы, границы и проблемы реализации толерантного поступка / Н. А. Хафизова // Идея ненасилия в XXI веке : сб. науч. докл. к международному симпозиуму-диалогу светских и религиозных ученых «Идея ненасилия и ее пределы». Пермь, 24–25 мая 2006 г. / Пермский гос. техн. ун-т [и др.] – Пермь : ПГТУ, 2006. – С. 49–55.
184. Хижняк О. В. Багатовимірність соціальної толерантності / О. В. Хижняк // Вісник Харківського національного університету імені

В. Н. Каразіна. «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2008. – № 800. – С. 107–111.

185. Хижняк О. В. Ціна інтолерантності: теоретико-методологічний аспект / О. В. Хижняк // Соціальні технології: актуальні проблеми теорії та практики : міжвузівський зб. наук. праць / ред. кол.: В. П. Бех, К. Ю. Богомаз, Л. Ф. Бурлачук та ін. ; відп. за вип. В. І. Подшивалкіна. – Одеса : Астропринт, 2008. – С. 139–147.

186. Хижняк О. В. Міграційні процеси як фактор актуалізації соціальної толерантності / О. В. Хижняк / Социальные технологии: актуальные вопросы теории и практики : международный межвузовский сборник научных работ. – Запорожье : Изд-во КПУ, 2008. – Вып. 37. – С. 410–420.

187. Хижняк О. В. Ризики соціальної толерантності / інтолерантності в умовах глобалізації / О. В. Хижняк // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. праць. – Х. : Харк. нац. ун-т імені В. Н. Каразіна, 2008. – С. 285–288.

188. Хижняк О. В. Соціальна толерантність в механізмі забезпечення прав людини / О. В. Хижняк // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. праць. Вип. 15. – Х. : Харк. нац. ун-т імені В. Н. Каразіна, 2009. – С. 217–220.

189. Хижняк А. В. Роль языка информирования населения в становлении социальной толерантности / А. В. Хижняк // Вісник Одеського національного університету. Сер. : «Соціологія і політичні науки». Том 14. – Вип. 13. – 2009. – С. 183–190.

190. Хижняк О. В. Формування толерантних відносин в українському мегаполісі як аспект європейської інтеграції / О. В. Хижняк // Європейські інтеграційні процеси і транскордонне співробітництво : тези доп. IV Міжнар. наук.-практ. конф. студ., аспірантів і молодих науковців. Луцьк, 17–18 травня 2007 р. / за ред. В. Лажника і С. Федонюка. – Луцьк : РВВ «Вежа» Волин. держ. ун-ту імені Лесі Українки, 2007. – С. 314–317.

191. Хижняк О. В. Формування толерантного соціального простору засобами університетської освіти / О. В. Хижняк // Наукові студії Львівського соціологічного Форуму «Багатовимірні простори сучасних соціальних змін» : зб. наук. праць. – Львів : Видавничий центр Львів. нац. ун-ту ім. Івана Франка, 2008. – С. 620–624.

192. Хижняк А. В. Возможности университета в конструировании толерантного социального пространства [Электронный ресурс] / А. В. Хижняк // III Всероссийский социологический Конгресс, 21–24 октября 2008 года, г. Москва. – М. : ИС РАН, 2008. – ISBN 978-5-89697-157-3. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

193. Хижняк А. В. Студенческая жизнь сквозь призму экстремизма и толерантности / А. В. Хижняк // Социокультурная среда молодежного

экстремизма и ксенофобии : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. П. Бабинцева. – Белгород : КОНСТАНТА, 2008. – С. 242–244.

194. Хижняк А. В. Толерантная социальная сеть современного европейского университета: акторы и механизмы ее воспроизводства / А. В. Хижняк // E-gospodarka, E-spoteczeństwo w Europie Środkowej i Wschodniej / Pod redakcją Stawomira Partyckiego. – Wydawnictwo KUL, Lublin, 2009. – S. 284–287.

195. Хижняк О. В. Толерантна соціальна мережа: особистісний та інституціональний аспекти / О. В. Хижняк // Вісник Одеського національного університету. – 2008. – Т. 13. – Вип. 5. Соціологія і політичні науки. – С. 243–249.

196. Чернова К. О. Проблема толерантності в сфері міжетнічних стосунків / К. О. Чернова // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін (1994–1999 рр.). – К. : Інститут соціології НАН України, 1999. – С. 156–159.

197. Чупров В. И. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. – М. : Academia, 2009. – 320 с.

198. Шайхитдинова С. «К социальной толерантности – через гражданское общество» как проблема рационализации российского менталитета / С. Шайхитдинова // МЫ – сограждане (СМИ и общество). Т. 1. / под общ. ред. Л. И. Семиной. – М., 2002. – С. 117–133.

199. Шалин В. В. Толерантность (культурная норма и политическая необходимость) [Электронный ресурс] / В. В. Шалин. – Ростов-на-Дону, 2000. – Режим доступа : http://www.i-u.ru/biblio/archive/shalin_tolerantnost/

200. Швачко О. Толерантність як психолого-соціальний феномен / О. Швачко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2001. – № 2. – С. 154–170.

201. Шипилов А. В. «Свои», «чужие» и другие / А. В. Шипилов. – М. : Прогресс-Традиция, 2008. – 568 с.

202. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 560 с.

203. Шугуров М. В. «Праздная» толерантность: постмодернистский сценарий / М. В. Шугуров // Общественные науки и современность. – 2003. – № 5. – С. 140–149.

204. Шульга М. Європа та «Інші» / Марина Шульга // Політичний менеджмент. – 2009. – № 5. – С. 157–165.

205. Шумпанова И. С. Отношение граждан России и западных стран к институтам гражданского общества / И. С. Шумпанова // Социология власти. – 2006. – № 6. – С. 91–98.

206. Щедрина О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? / О. В. Щедрина // Социс. – 2004. – № 11. – С. 67–75.
207. Щербак А. Н. Культура имеет значение? Сравнительный анализ значения толерантности для модернизации / А. Н. Щербак. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. – 32 с. – (Препринт М-26/11).
208. Шнирельман В. А. Порог толерантности: идеология и практика нового расизма. В 2-х томах. Т. 1 / В. А. Шнирельман. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 552 с.
209. Эрнандес К. К. Студенческие организации и для школы, и для жизни / К. К. Эрнандес // Университетские инновации: опыт Высшей школы экономики / под ред. Я. И. Кузьмина. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – С. 259–268.
210. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / отв. ред. Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М. : Изд-во РУДН, 2002. – 296 с.
211. Юдина Т. Н. Социология миграции : учебн. пособие для вузов / Т. Н. Юдина. – М. : Академический проект, 2006. – 272 с.
212. Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект / И. Г. Яковенко. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 224 с.
213. Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И. Г. Ясавеев. – Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 200 с.
214. Ясюкова Л. А. Формирование и диагностика личностной толерантности подростков / Л. А. Ясюкова // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 12: «Психология. Социология. Педагогика». – 2008. – Вып. 4. – С. 574–583.
215. Bottero W. Social interaction distance and stratification / W. Bottero, K. Prandy // British j. of sociology. – 2003. – Vol. 54, № 2. – P. 177–197.
216. European Ideas on Tolerance / [Benz M., Felber F., Naschert G. ect] ; eds. Guido Naschert, Marcin Rebes. – Krakow : Ksegarnia Akademicka, 2009. – 207 p.
217. Korsak Andrzej. Tolerancja: pluralizm uzasadnien / Andrzej Korsak // Plualizm i tolerancja. Pod redakcja Kazimierza Wilin'skiego. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. – Lublin, 1998. – S. 57–70.
218. Korzewski Marcin. O Tolersncji w spolechenstwie I orawie holenderskim / Marcin Korzewski. – Krakow : NOMOS, 2005. – 248 s.
219. Lopatka Adam. Przycynek do pojmwowania tolerncji / Adam Lopatka // Tolerancja. Pod redakcja Marii Szyszkowskiej i Tomasza Kozlowskiego. – Warszawa : ANAGRAM, Fundacja Uniwersytetu Warszawskiego, 2003. – S. 15–16.

220. McKinnon Catriona. Toleration: a critical introduction / Catriona McKinnon. – London and New York : Routledge Taylor&Francis Group, 2006. – 218 p.

221. Mutz D. C. Tolerance / D. C. Mutz // International encyclopedia of social and behavioral sciences / editors in chief Neil J. Smelser, Pauk B. Baltes. Vol. 23. – 1st ed. – Amsterdam–Paris–New York–Oxford–Shannon–Singapore–Tokyo : Elsevier. – 2001. – P. 15766–15771.

222. Neuner P. Toleranz und Wahrheit in pluralistischer Zeit / P. Neuner // Religion : Entstehung – Funktion – Wesen. – Freiburg : München : Alber, 2003. – S. 175–214.

223. Pogge Thomas. Group Rights and Ethnicity / Thomas Pogge // Ethnicity and Group Rights. Ed. by Lan Shapiro @ Will Kymlicka. – NY @ London : New York University Press, 1997. – P. 191–192.

224. Vorbrich Ryszard. Tolerancja Racjonalna czy subiektywna? Europa wobec okleczania narządów płciowych / Ryszard Vorbrich // Tolerancja I jej granice w relacjach międzykulturowych. Pod redakcją Aleksandra Posern-Zielin'skiego, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań, 2004. – S. 155–176.

225. Urry J. The complexities of global / J. Urry // Theory, culture and society. – 2005. – Vol. 22, № 5. – P. 235–254.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Признаки нетерпимости в социальной жизни общества *

№ п/п	Признаки нетерпимости	Характеристика проявлений нетерпимости (интолерантности)
1.	Язык	Использование оскорбительной, напыщенной или пренебрежительной лексики, которая унижает людей, относящихся к другой культуре, расе, нации, полу, религии, людей с физическими ограничениями
2.	Стереотипы	Характеристика всех представителей той или иной группы как имеющей одинаковые свойства, как правило, негативные. Возложение вины за случившиеся несчастья либо наличие социальных проблем на ту или иную группу
3.	Насмешки	Обращение внимания на характерные формы поведения, черты и особенности людей для того, чтобы высмеять их или оскорбить
4.	Дискриминация	Лишение социальных благ, отторжение от жизни общества, главным образом, в силу предвзятого отношения
5.	Остракизм	Поведение, при котором существование других людей нарочито игнорируется. Отказ вести с ними беседу, признавать их самих или их культуру
6.	Репрессии	Насильственное лишение возможности реализации прав человека
7.	Запугивание	Использование физического или численного превосходства с целью уничтожения или лишения собственности, социального статуса (положения)
8.	Уничтожение	Содержание под арестом или в тюрьме, физическая расправа, выселение из района проживания, вооруженные нападения и убийства (включая геноцид)

* Обобщенно автором на основе материалов, представленных в [163].

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: «Можете ли Вы сказать, что принадлежите к группе, которая в Вашей стране подвергается дискриминации?» (в %, по данным международного исследования «Европейское социальное исследование», 2007 г.) [28, с. 121]

Страна Европы	Да	Нет	Отказ отвечать	Не знаю
Австрия	4,2	94,5	0,2	1,1
Бельгия	4,9	94,9	0,0	0,2
Болгария	7,7	89,9	0,5	2,0
Великобритания	13,3	85,6	0,0	1,1
Дания	3,4	95,2	0,7	0,7
Эстония	14,2	83,8	0,0	2,0
Ирландия	4,3	95,2	0,0	0,5
Испания	4,5	93,4	0,0	0,2
Латвия	10,6	87,1	0,2	2,0
Нидерланды	7,5	91,9	0,1	0,6
Германия	4,9	94,6	0,3	0,3
Норвегия	4,2	95,7	0,0	0,1
Польша	4,7	94,5	0,0	0,7
Португалия	3,9	94,5	0,2	1,4
Россия	7,7	86,6	0,0	5,6
Румыния	4,8	91,4	2,9	0,9
Словакия	6,2	92,0	0,2	1,5
Венгрия	5,3	94,2	0,1	0,4
Украина	2,6	94,3	0,0	3,2
Финляндия	7,4	92,5	0,0	0,1
Франция	10,4	89,4	0,0	0,2
Швеция	7,4	92,2	0,1	0,3

Удельный вес респондентов, которые признали наличие напряженности между группами людей в украинском обществе по состоянию на 2009 г., прогнозные оценки до 2020 г., в % (по данным Всеукраинского социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины, 2009 г., n = 1800) [172, с. 496–497]

№ п/п	Альтернативы ответов	Существует в настоящее время	До 2020 г. усилится
1.	Между наемными работниками и управленцами, владельцами на предприятиях	47,0	41,3
2.	Между менее образованными людьми и интеллигенцией	13,5	13,0
3.	Между людьми, имеющими и не имеющими детей	4,0	3,0
4.	Между людьми левых и правых политических убеждений	37,4	29,2
5.	Между молодыми и пожилыми	19,5	16,1
6.	Между бедными и богатыми	68,5	63,1
7.	Между работающими и пенсионерами	10,0	10,8
8.	Между политиками и обычными гражданами	52,0	42,2
9.	Между представителями разных этнических групп, меньшинств и большинством в стране	10,8	9,6
10.	Между теми, кто недавно приехал в страну, мигрантами и теми, кто живет в стране давно	10,9	12,3
11.	Между мужчинами и женщинами	5,9	5,7
12.	Между конкурирующими религиями	20,1	16,0
13.	Между религиозными и нерелигиозными людьми	7,3	7,2
14.	Между сторонниками идей преимущественно национального или преимущественно глобального развития	10,7	10,1
15.	Между носителями региональных интересов и всей нацией (большинством в стране)	7,5	8,3
16.	Между жителями столицы, крупных городов и жителями других поселений	10,3	8,1

Таблица 4

Проявления толерантности населения через поддержку отдельных направлений действий региональной власти, в % (ответы респондентов на вопрос «Поддержали бы или не поддержали бы Вы действия власти, направленные на...», Харьковская область, Украина, n = 1997 чел.)

Категории населения, среди которых данное действие власти пользуется <u>наибольшей поддержкой</u> (респонденты отметили позицию «полностью поддержал бы»)	Действия региональной власти, направленные на ... (результаты в целом по массиву в % к ответившим)					Категории населения, среди которых данное действие власти пользуется <u>наименьшей поддержкой</u> (респонденты отметили позицию «категорически не поддержал бы»)
	Полностью под- держал бы	Скорее под- держал бы	Трудно сказать	Скорее не поддержал бы	Абсолютно не поддержал бы	
пенсионеры (74 %), безработные (66 %), лица с начальным и неполным средним образованием (70 %), представители старшего поколения (72 %), «бедные» (69 %)	... преодоление различий в доходах людей 64 13 7 7 9					мужчины (19 %), лица с высшим образованием (13 %), учащиеся и студенты (18 %), молодежь (14 %) и лица среднего возраста (11 %), «богатые» (20 %)
«богатые» (28 %)	... ограничение деятельности религиозных организаций, исповедующих отличные от респондента религиозные убеждения 24 10 15 14 37					«малообеспеченные» (40 %)
«бедные» (24 %)	... ограничение деятельности легальных политических партий, программы которых респондент не разделяет 21 11 19 14 35					«малообеспеченные, обеспеченные и богатые» (35–39 %)
молодежь (17 %), лица с начальным, средним и средним специальным образованием (13–15 %),	... ограничение прав и свобод людей некоторых национальностей 13 7 12 19 49					представители старшего поколения (52 %), лица с высшим образованием (52 %)
молодежь (5 %)	... легализацию нетрадиционных сексуальных отношений (защиту прав гомосексуалистов и т. д.) 3 3 11 9 74					мужчины (77 %), лица с начальным и неполным средним образованием (80 %), представители старшего поколения (78 %)

Таблица 5

Распределение студентов по толерантному/интолерантному отношению к отдельным явлениям в сфере семейной жизни, в % (по данным социологического исследования «Положение студенческой молодежи Украины», проведенного Украинским институтом социальных исследований имени А. Яременко, n = 5103, 2008 г.)

	Группа толерантных студентов	Группа ситуативно настроенных студентов	Группа интолерантных студентов
1	2	3	4
1. Отказ от новорожденного	2	6	92
2. Отказ от заботы о родителях	4	6	90
3. Добрачные половые отношения	67	18	15
4. Сохранение семьи ради детей	47	38	15
5. Внебрачные связи (супружеские измены)	10	16	74
6. Пробные браки	21	21	58
7. Регистрация однополых браков	13	12	75
8. Разводы	34	41	25
9. Заключение брачного контракта	39	31	30

Таблица 6

Распределение студентов по толерантному/интолерантному отношению к отдельным явлениям в сфере правовых отношений, в % (по данным социологического исследования «Положение студенческой молодежи Украины», проведенного Украинским институтом социальных исследований имени А. Яременко, n = 5103, 2008 г.)

	Группа толерантных студентов	Группа ситуативно настроенных студентов	Группа интолерантных студентов
1	2	3	4
<i>Уголовные правоотношения:</i>			
• неуплата налогов	9	21	70
• торговля людьми	1	2	97
• кражи личного имущества	3	4	93
• кражи государственного имущества	10	13	77
• распространение порнографии	8	11	81
• сексуальные домогательства	2	3	95
• взятки	12	29	59
<i>Административные правоотношения:</i>			
• бесплатный проезд в транспорте без права на это	16	28	56
<i>Общие правовые отношения:</i>			
• отказ от участия в выборах	39	31	30
• равноправие мужчин и женщин во всех сферах жизни	68	18	14
<i>Гражданские правоотношения:</i>			
• клевета, сплетни	4	10	86
• обман, ложь	6	25	69

Таблица 7

Распределение студентов по толерантному/интолерантному отношению к отдельным проявлениям девиантного поведения, в % (по данным социологического исследования «Положение студенческой молодежи Украины», проведенного Украинским институтом социальных исследований имени А. Яременко, n = 5103, 2008 г.)

	Группа толерантных студентов	Группа ситуативно настроенных студентов	Группа интолерантных студентов
1	2	3	4
1. Аборты	16	28	56
2. Гомосексуализм	18	11	71
3. Проституция	8	11	81
4. Самоубийство	3	5	92
5. Сексуальные домогательства	2	3	95

Таблица 8

Распределение студентов по толерантному/интолерантному отношению к вредным привычкам, в % (по данным социологического исследования «Положение студенческой молодежи Украины», проведенного Украинским институтом социальных исследований имени А. Яременко, n = 5103, 2008 г.)

	Группа толерантных студентов	Группа ситуативно настроенных студентов	Группа интолерантных студентов
1. Употребление наркотиков	3	4	93
2. Употребление спиртных напитков	16	42	42
3. Курение	23	22	55